

Апрель
2016

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

*Проблемы внешней политики, дипломатии,
национальной безопасности*

*О ключевых моментах
российско-американского диалога*

Сергей Рябков

Заместитель Министра иностранных дел России

*Международный договор в практике
Евразийского экономического союза*

Василий Лихачев

Член Центральной избирательной комиссии России

Россия и будущее Ближнего Востока

Олег Озеров

*Чрезвычайный и Полномочный Посол России
в Королевстве Саудовская Аравия*

Основной целью компании является обеспечение энергетического комплекса РФ качественными услугами в области ремонта, реконструкции и строительства энергетических объектов любой

сложности. Компания сконцентрировала и объединила вокруг себя настоящих профессионалов из сферы энергетики, единомышленников, имеющих многолетний бесценный опыт работы в крупнейших электрогенерирующих компаниях РФ.

Основными заказчиками ООО «ПРО ГРЭС» являются такие крупные компании, как ПАО «Мосэнерго», ПАО «ОГК-2», ОАО «ТГК-1», ПАО «Интер РАО ЕЭС».

Компания **предлагает услуги ЕРС-контрактора** (генерального подрядчика), начиная от работ по проектированию, поставке нестандартного оборудования, выполнению строительно-монтажных и пусконаладочных работ, заканчивая вводом объекта в эксплуатацию.

К особо значимым проектам для компании, реализованным собственными силами, можно отнести такие объекты, как Реконструкция энергоблока №2 (330 МВт) на Рязанской ГРЭС – филиале ПАО «ОГК-2» с заменой основного оборудования, а также строительство ХВО на ТЭЦ-12 и ТЭЦ-22 – филиалах ПАО «Мосэнерго», ОРУ и нового КРУЭ на ТЭЦ-20, мазутного хозяйства для энергоблока №10 Троицкой ГРЭС (ПСУ-660 МВт), реконструкцию ОРУ, очистных сооружений и БНС-4 для Троицкой ГРЭС.

Постоянно развиваясь и осваивая новые направления, с 2015 года компания **реализует проект по реконструкции энергоблока с турбиной типа Т-250/300-240 ст. №9 на ТЭЦ-22** - филиале ПАО «Мосэнерго», а также осваивает для себя новое направление деятельности по реконструкции гидроэнергетических объектов. Сегодня компания **выполняет весь спектр ремонтных работ на Троицкой ГРЭС**, обеспечивая на протяжении многих лет надежность и безаварийную эксплуатацию одной из самых крупных и стратегически важной теплоэлектростанции в регионе. Созданное обособленное подразделение в городе Троицке насчитывает более 800 человек.

На сегодняшний момент в штате ООО «ПРО ГРЭС» трудятся **более 2500 человек – профессионалов своего дела с большим опытом работы в энергетике**. В числе постоянных поставщиков и партнеров крупнейшие мировые и отечественные изготовители электротехнического, котельного и турбинного оборудования на территории РФ.

За время своего существования ООО «ПРО ГРЭС» **реализовало более 100 проектов**, направленных на повышение надежности и эффективности электрогенерирующих и промышленных предприятий. В планах компании – **расширить круг своих заказчиков** по всей территории Российской Федерации, а также **освоить** серьезнейшую **отрасль энергетики – атомную**.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л

С о д е р ж а н и е

С.Рябков, заместитель Министра иностранных дел России
Москва всегда была и остается
дипломатической столицей мира 5

Конечно, любой визит государственного секретаря США в Россию - событие неординарное. А неоднократные визиты свидетельствуют, как минимум, о двусмысленности позиции самой администрации США, периодически напоминающей, что Россия «находится в изоляции», что Россия «утратила» свои позиции и т. д. Сам факт приезда госсекретаря и продолжительность проведенных переговоров с ним показывают, что для администрации США очень важно вести диалог, заниматься решением проблем во взаимодействии с Россией.

ТЕНДЕНЦИИ

М.Титаренко, В.Петровский. О неоевразийской
идентичности России 20

Начало реализации Россией стратегического курса поворота на Восток актуализировало научную и общественно-политическую дискуссию о евразийском самоопределении нашей страны, об адекватном понимании евразийской идентичности России. Истинное философское, геоэкономическое и геополитическое значение российского евразийства еще предстоит сформулировать и осознать.

В.Лихачев. Международный договор в практике
Евразийского экономического союза 45

ЕАЭС с помощью учредительного договора сегодня решает важнейшие задачи становления новой интеграции в соответствии со многими современными трендами мировой политики и экономики, а также с легитимными требованиями основных принципов международного права и Устава Организации Объединенных Наций.

Ш.Содиков, К.Сафронов, Э.Мехдиев. Постмайданные
перспективы евразийской интеграции 53

Текущая геополитическая ситуация в Евразии все чаще определяется экспертами посредством одного персидского слова, означающего открытую площадку, - «майдан». Действительно, под воздействием событий на Украине изменилась геополитическая конфигурация в Центральной Азии, а процессы евразийской интеграции столкнулись с новыми ограничителями и вызовами.

ПОЛИТИКА

О.Озеров. Россия и будущее Ближнего Востока 74

Операция российских ВКС не только спасла сирийскую государственность, вынудила террористов из ИГИЛ и «Джабхат ан-Нусры» отступить по всем фронтам, а оппозицию сесть за стол переговоров, но и побудила США начать переосмысливать свое отношение к борьбе с терроризмом. Но формирование единого антитеррористического фронта движется далеко не так быстро, как хотелось бы. Так что же этому сегодня мешает, какие существуют барьеры?

А.Лукин. Поворот России к Азии: миф или реальность? . . . 90

За критикой политики поворота России к Азии можно видеть реальные интересы различных политических и экономических групп внутри России. С одной стороны - те, кто имеет бизнес-интересы и собственность на Западе. С другой - сторонники более «национально ориентированной» внутренней политики стремятся отправить в отставку нынешнее правительство, которое они считают наследником прозападного курса Гайдара - Чубайса. Однако понимание этого не должно препятствовать разбору их аргументов по существу.

Ариф Асалыоглу. Ближний Восток в тупике радикализма 108

Радикализм использовал и продолжает использовать религиозные атрибуты, этническую принадлежность, идеологию и отсутствие образования как средство подпитки и поддержания своего существования. Радикализм деформирует социумы, в которых появляется. Радикальные организации создают не только собственную социальную базу, но и способствуют формированию оппозиционной социальной базы, вызывая таким образом значительную социальную трансформацию.

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Робин Граймс. Наука в Великобритании - диалог с правительством и обществом 120

Развитие науки и инноваций входит в число приоритетов Великобритании. Это происходит по вполне очевидным причинам, которые характерны не только для Великобритании: наука лежит в основе экономического роста, ее динамизм и креативность позволяют экономике двигаться вперед.

В.Коннов. Национальные научные фонды
в институциональной структуре науки: зарубежный опыт 126

Бесперебойно работающая инновационная экономика воспринимается как самоочевидная цель экономической политики любой страны. Главным элементом такой экономики являются высокотехнологичные, наукоемкие производства, однако пристальное внимание уделяется также и научно-исследовательскому сектору, в том числе и в гуманитарной сфере.

МИР ВОКРУГ НАС

М.Конаровский. Перспективы национального
примирения в Афганистане 140

Период, прошедший после вывода из Афганистана основной части западного воинского контингента, не привел к реализации слабой надежды на способность властей справиться со сложнейшими задачами по стабилизации обстановки и обеспечению мирного строительства в стране, в том числе на основе диалога с вооруженной оппозицией. Крайняя неустойчивость, скорее всего, будет предопределять внутреннюю ситуацию в Афганистане и на ближайшую обозримую перспективу.

Е.Пономарева, М.Младенович. Публичная дипломатия
России: балканское направление 151

В условиях глобальных трансформаций публичная дипломатия как одна из действенных практик внешнеполитической деятельности занимает все более прочные позиции. Сегодня под влиянием технологических изменений сама политика, как внутренняя, так и внешняя, становится публичной, представляя собой «новый жанр осуществления власти в период глобальной информатизации».

С.Гасратян. Отношения Израиля и Турции
на современном этапе и исламский фактор 167

Рассорившись со странами региона (за исключением палестинцев) и с Россией, турецкое руководство - еще вчера непримиримый враг Израиля и благосклонный покровитель ХАМАС - формирует переговоры о нормализации отношений с Израилем. Однако все это не свидетельствует о восстановлении стратегического союза, существовавшего между Израилем и Турцией десять лет назад.

Москва всегда была и остается дипломатической столицей мира

Сергей РЯБКОВ

Заместитель Министра иностранных дел России

SRyabkov@mid.ru

Армен Оганесян, главный редактор журнала «Международная жизнь»: Сергей Алексеевич, недавно два руководителя внешнеполитических ведомств - госсекретарь США Дж. Керри и министр иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайер посетили Москву, и я хотел бы в связи с этим спросить об итогах переговоров с ними. Некоторые эксперты говорят: «Началась оттепель в отношениях». Другие, в том числе и среди нашего экспертного клуба, настроены более скептически. Может, истина посередине?

Сергей Рябков: Приветствую интерес, который, мы чувствуем, проявляют очень широкие слои российской общественности, да и зарубежной тоже, к тому, что происходило на днях в Москве на дипломатических площадках. Конечно, любой визит государственного секретаря США в Россию, а их, без малого за год, напомним, проведено уже три, - это событие. Событие неординарное, выходящее далеко за рамки той повестки дня, которая лежит перед госсекретарем и министром иностранных дел, когда они ведут переговоры, и это сигнал, как минимум, о двусмысленности позиции самой администрации США, периодически напоминающей, что Россия «находится в изоляции», что Россия «утратила» свои позиции и т. д. Сам факт приезда госсекретаря и продолжительность проведенных переговоров с ним показывают, что для администрации США очень важно вести диалог, заниматься решением проблем во взаимодействии с Россией. И ког-

да мы достигаем прогресса по крупным вопросам - в фокусе внимания на этот раз были, разумеется, Сирия и Украина, но значительное место занимала также двусторонняя проблематика, - то это, знаете, как гравитационные волны в космосе. Они отзываются достаточно далеко от точки, где это событие произошло. Но говорить о том, что мы открыли новую главу или что произошла смена политического сезона, началась весна, я бы не стал, потому что переговоры шли по совершенно конкретным темам, где-то прогресс действительно достигнут, но он не настолько радикальный и драматический, чтобы все перевернуть и выстроить совершенно новую конфигурацию в нашем диалоге, в наших отношениях, но есть целый набор, очень внушительный набор вопросов, по которым мы, к сожалению, сдвигов не видим по причине упрямого, упорного нежелания Вашингтона считаться с реалиями и по причине продолжения достаточно жесткой, в некоторых аспектах вызывающей политики по отношению к Москве. Но об этом тоже мы ведем разговор, никакие углы не спрямляются, никакие проблемы не затушевываются, все это требует времени, и именно поэтому переговоры были столь длительными, у президента они продолжались чуть ли не до полуночи.

А.Оганесян: Четыре часа, говорят.

С.Рябков: Да, четыре часа. Полезность их признана обеими сторонами, и думаю, что в целом интенсивность диалога между Москвой и Вашингтоном говорит сама за себя. Нельзя все мерить только объемом согласованных страниц тех или иных документов либо какими-то далекоидущими совместными заявлениями, которые тут же трансформируются в заголовки мировых СМИ. Переговоры были исключительно полезными, мы приветствуем, что именно в этот момент госсекретарь США посетил Российскую Федерацию.

А.Оганесян: А это случайно, что визит Ф.-В.Штайнмайера, министра иностранных дел ФРГ, совпал с визитом Дж.Керри?

С.Рябков: Не усматривал бы в этом преднамеренное политическое планирование, но обстоятельства, в том числе и на Украине, и вокруг Украины, конечно, диктуют. Выхватываю из всего набора вопросов только один - необходимость лидерам и министрам встречаться и говорить. Поэтому получилось так, что подряд и встык прошли эти встречи. Кстати, госсекретарь США провел здесь дву-

стороннюю встречу с министром иностранных дел ФРГ, это общеизвестно. У него были и некоторые другие мероприятия, помимо программы официальных переговоров. Москва всегда была и остается дипломатической столицей мира.

А.Оганесян: Сергей Алексеевич, вы говорите об острых углах, которые остались. Очевидно, что это связано и с ситуацией на Украине, которая не может не беспокоить, не все гладко и единообразно и в подходе к сирийской теме и т. д. Господин Керри заявил, что если Россия добьется того, чтобы Донбасс выполнил все Минские соглашения, то хоть завтра США отменят санкции.

С.Рябков: Начну немножко с другого. К сожалению, в позиции Вашингтона по-прежнему присутствует элемент требований к нам, к Российской Федерации, к Москве. Вопрос сейчас приобрел характер парадокса в силу следующих причин. Мы наблюдаем не просто топтание на месте руководства Украины в выполнении ключевых элементов Минских соглашений, а наблюдаем откат, регресс по некоторым очень существенным аспектам этих соглашений. Все меньше желания у властей в Киеве вести прямой диалог с Донбассом, а это ключевое требование и важнейшая, стержневая составляющая всего того, что связано с «Минском» и ассоциируется с «Минском». Все меньше ясности относительно конституционной реформы и работы по признанию особого статуса этих территорий. Нет ясности ни по амнистии, ни по выборам...

А.Оганесян: И по Конституции...

С.Рябков: Да. По всем этим ключевым элементам со стороны Киева происходит откат. При этом западные коллеги, в том числе американские спонсоры киевских властей и участники «нормандского формата» из Европы, постоянно подчеркивают, что Россия должна выполнить «Минск-2». Не Киев, а Россия. Если Россия этого не сделает, санкции останутся в силе. Киев, понятно, это совершенно устраивает. Он не выполняет Минские соглашения и за это никаких санкций, рестрикций, разумеется, не получает. Получает поощрительные политические сигналы, мягко сформулированные напоминания - как максимум, что нужно что-то делать, - да и то не всегда, и нажим, по сути дела, который пытаются оказать на Москву на этом фоне западные правительства, вполне устраивает украинских лидеров. Как из

этого порочного круга выбраться, как изменить эту ущербную, на наш взгляд, формулу ведения дел, об этом шел разговор на встречах, которые провели и Керри, и Штайнмайер. Что касается бесед с государственным секретарем, могу сказать, что особого продвижения вперед с точки зрения сближения подходов я лично не зафиксировал, к сожалению. Это, в общем-то, было ожидаемо, но вместе с тем мы почувствовали, что у американской стороны есть некое внутреннее нетерпение по поводу того, что Минский процесс пробуксовывает. Хорошо было бы, чтобы этот эмоциональный фон такого нетерпения и стремления ускорить процесс помог бы нашим коллегам в Вашингтоне более активно воздействовать на украинское руководство.

А.Оганесян: На Украине в последнее время происходят нападения на российские дипломатические учреждения. Есть ли угроза жизни и здоровью сотрудников наших представительств?

С.Рябков: Мы не паникуем. Конечно, определенные меры с точки зрения повышения безопасности и минимизации рисков для сотрудников и членов их семей предприняты, эти меры не всегда добавляют комфорта для жизни и работы, поездок по стране в том числе, которые мы, в Центральном аппарате, не приветствуем в тех масштабах, как это было раньше. Мы настоятельно требуем, добиваемся от властей Украины, чтобы они в полном объеме выполняли свои обязательства по международным конвенциям как страна, принимающая на своей территории дипломатическую миссию, чтобы были исключены ситуации, когда возникают подобного рода угрозы. Самое тревожное, что периодически могут появляться подозрения в том, что это происходит при попустительстве властей.

Но никаких оснований, для того чтобы говорить об отзыве дипломатов, тем более об эвакуационных мероприятиях, нет. Надеемся, что вопросы обеспечения безопасности будут решаться надлежащим образом применительно к нашим загранучреждениям. Хотелось бы сказать, что нас очень разочаровала вялая или вообще «никакая» реакция и со стороны Евросоюза, и со стороны ряда других стран, покровительствующих нынешней власти в Киеве, на эти абсолютно неприемлемые действия экстремистов.

А.Оганесян: Украинские власти, составив так называемый «список Савченко», включили в него и одного из заместителей министра иностранных дел России. Вошедшим в этот список лицам должен быть -

по предложениям захватившего власть в Киеве режима - закрыт путь в США и ЕС, а также ограничены их права и в других сферах международной жизни. Не кажется ли это вам опасным прецедентом? Ведь даже в первые годы советской власти Запад не решался указывать Москве, каких дипломатов посылать за границу, а каких нет.

С.Рябков: Начнем с того, что прямой взаимосвязи или прямой проекции списков, которые составляются украинскими властями, на то, что решают коллеги в Евросоюзе, в США, не видно, хотя, наверное, определенная координация происходит и диалог идет. Мы, к сожалению, уже давно, несколько лет, ведем эту войну списков. На каждое расширение западных и не только западных списков мы даем зеркальный ответ, у нас есть свои списки, мы просто немножко по-другому подходим к этому вопросу - не все обнародуем. Если дойдет до ограничения через подобного рода санкционные меры деятельности диппредставителей, мы, конечно, ответим аналогично, но это в прямом смысле подрыв основ. Без дипломатических агентов, по смыслу Конвенции о дипсношениях, государства не в состоянии нормально выстраивать взаимоотношения, вести диалог. Относительно списков отмечу, что есть масса примеров, когда включение в тот или иной список воспринимается как награда, означающая, что противники и оппоненты оценили активность работы по защите наших интересов. Хочется это подчеркнуть.

А.Оганесян: Изменилось ли видение Западом путей решения сирийской проблемы после частичного завершения военной миссии ВКС РФ в Сирии?

С.Рябков: Сама операция помогла, наверное, более правильной расстановке приоритетов и правильной оценке того, что реалистично, а что нет. Мы решали и решаем прежде всего антитеррористическую задачу, но ослабление позиций этого террористического «интернационала», который использует разные вывески, ярлыки, наклейки, под разными знаменами выступает в Сирии и в других странах Ближневосточного региона, естественным образом вновь выдвинуло на передний план задачу политического урегулирования и начала серьезных переговоров. Связь здесь абсолютно прямая. Пока идет война и гремят взрывы, которые заглушают все остальное, говорить о переговорах тяжело. Нужно, но тяжело. Когда наступает перемирие, это именно тот момент, когда надо пытаться, по

крайней мере, запустить некий процесс, затем его стабилизировать. Ровно этим мы и занимались на прошлой неделе в ходе переговоров с представителями США и ФРГ.

Дело в том, что усилиями прежде всего российских и американских военных, которые находятся в прямом контакте, удалось за последние дни и недели резко уменьшить количество нарушений режима прекращения боевых действий, который был согласован между Москвой и Вашингтоном. Мы смогли по разным каналам наладить координацию, настаивая на этом слове, сколько бы представители Пентагона ни чурались именно этого термина. Параллельно мы очень активно помогали спецпосланнику Генсекретаря ООН Стаффану де Мистуре, который только что объявил о завершении раунда. Он был не безрезультатный, кое-что положено на бумагу. Есть целый ряд серьезных проблем, могу сказать о них, над которыми предстоит интенсивно работать в том числе в период до возобновления переговоров, то есть до 11 апреля. Это, во-первых, необходимость урегулировать неприемлемую ситуацию с бойкотом Турцией курдов как легитимной силы, нуждающейся в равноправном представительстве на переговорах. Без курдского участия движения вперед не получится, и мы надеемся, что союзники Анкары смогут принять надлежащие меры, чтобы внести необходимую корректировку. Во-вторых, очень важно, чтобы так называемая Эр-Риядская группа, «Высший переговорный комитет», реалистичнее, чем до сих пор, оценила ситуацию и признала, что некоторые элементы ее позиции, по сути условия, могут весь переговорный состав пустить под откос.

Очень важно, чтобы США и страны так называемой антиигиловской коалиции подошли предельно внимательно и ответственно к этому, потому что сейчас появился шанс на прямой диалог между сирийскими сторонами на фоне относительного успокоения на Земле.

А.Оганесян: Спасибо, вы затронули тему курдов. Стало известно, что сирийские курды могут объявить о создании собственной федерации в рамках единой Сирии. Курдские политики акцентируют внимание на том, что не рассматривают свое образование вне Сирийской Арабской Республики. Это намерение уже вызвало негативную реакцию официального Дамаска. Как полагаете, является ли этот шаг сирийских курдов демаршем, реакцией на невключение их представителей в переговорный процесс «Женева-2», из которого они были исключены под давлением Турции, или это естественный и законо-

мерный процесс, учитывая активнейшее участие курдских формирований в освобождении Сирии от террористов и боевиков?

С.Рябков: Не исключал бы взаимосвязи этих обстоятельств, о которых вы только что говорили. Попытки Турции не допустить курдское представительство на переговорах и приводят к такого рода решениям. Хотелось бы все же более широко взглянуть на эту ситуацию. Мы, разумеется, с уважением и с полным пониманием относимся к позиции официального Дамаска о недопустимости федерализации страны. Мы знаем также, что целый ряд деятелей, находящихся в оппозиции к Башару Асаду, считают идею федерализации губительной для Сирии, учитывая историю, учитывая, в общем-то, масштаб государства и многие другие параметры. Сказав это, хочу подчеркнуть, что российская позиция по этому вопросу сводится по большому счету к двум элементам. Первый элемент - мы выступаем за единую, целостную, включающую все конфессии, все национальные группы, светскую, демократическую, независимую Сирию. Второй - мы выступаем за то, чтобы будущие формы политического устройства этой страны, если появится необходимость в каком-то изменении нынешней формы, определялись только на основе согласия всех сирийских сторон, прежде всего тех, кто сейчас возобновил переговоры и прошел их очередной раунд. Ничто здесь не может быть навязано извне, мы не можем идти по пути написания рецептов или каких-то рескриптов, мы не можем «даровать» им Конституцию, как и «продиктовать» ее. Мы как страны, Россия и США - сопредседатели Международной группы поддержки Сирии, должны заботиться о том, чтобы сирийские стороны вели диалог. Мы должны помогать продвижению переговорного процесса. Так же, к удовлетворению многих участников этого процесса, свою задачу понимает Стаффан де Мистура.

А.Оганесян: Есть ли угроза реальной интервенции Турции в Сирию, принимая во внимание вывод оттуда основной части ВКС РФ?

С.Рябков: Мы обеспокоены действиями Анкары, в том числе по периметру турецких границ. Был сложный отрезок, когда с территории Турции наносились артиллерийские удары по объектам на сирийской территории, осуществляются рейды в глубь иракской территории, наносятся авиационные удары. Призываем Анкару к гораздо более ответственному отношению к подобного рода вопро-

сам, потому что, на наш взгляд, это дестабилизирующие действия. Важнее было бы обеспечить представленность тех же курдов на переговорах и позаботиться о том, чтобы граница между Турцией и Сирией не была преднамеренно пористой для экстремистов, включая боевиков запрещенной в России ИГИЛ.

А.Оганесян: Министр иностранных дел ФРГ после терактов в Брюсселе предложил объединить усилия с Россией в борьбе с терроризмом. Что имелось в виду? Ведь все мы солидарны в решении этой проблемы.

С.Рябков: Думаю, что здесь есть несколько возможных интерпретаций. Прежде всего хочу уточнить в качестве «заметки на полях», что нас не надо призывать сотрудничать в борьбе с терроризмом. Российская Федерация долгие годы и десятилетия подчеркивает безальтернативность международного сотрудничества, причем глубокого, не сводящегося к политическим сигналам, к декларациям, а оперативного сотрудничества военных, спецслужб, работы по формированию законченной базы антитеррористических конвенций.

Мы, кстати, только что, в начале марта, представили инициативу С.В.Лаврова о разработке международной конвенции по борьбе с актами химического терроризма. Суперактуальная тема, с учетом того, что на Ближнем Востоке иГИЛОВЦЫ, нусРОВЦЫ и другие не просто рвутся к обладанию технологиями производства, применения химоружия, они уже во многих случаях этим всем овладели и применяют в боевых условиях. Но призывы к сотрудничеству со стороны настолько авторитетного политика, представляющего ведущее государство, мы приветствуем, мы готовы к этому. Хорошо бы, чтобы это было не просто данью текущему моменту и обстоятельствам, а конкретной политической установкой, в том числе для всего Евросоюза, отношения с которым развиваются непросто.

Но возник у меня - поскольку я человек достаточно скептический и склонный искать подвохи - такой вопрос: а нет ли здесь сигнала, что Россия должна сотрудничать, скажем, в тех рамках и форматах, которые заданы так называемой американской антииГИЛОВСКОЙ коалицией? И тут начинаются трудности, потому что эта коалиция полностью игнорирует Дамаск как законного партнера в борьбе с террористической угрозой, действует в обход правительства Сирийской Арабской Республики, в том числе по нанесению ударов на ее терри-

тории. Хочу отметить, что мы очень озабочены многими сообщениями о воздушных ударах, например по энергетической инфраструктуре Сирии, по газодобывающим, газоперерабатывающим станциям, по объектам, связанным с нефтепереработкой и т. д. Если эти удары наносятся по целям, которые находятся под контролем террористов, игиловцев, то, конечно, это законные цели, и мы сами, как говорили неоднократно, в рамках операции ВКС предпринимали меры для того, чтобы лишить игиловцев именно этого источника доходов - от контрабандных поставок нефти за рубеж. Но получается так, что порой антиигиловская коалиция, судя по имеющейся информации, действует в интересах ослабления, как они называют, «режима» в Дамаске. Такое антитеррористическое сотрудничество, если именно о нем говорил уважаемый Ф.-В.Штайнмайер, для нас проблематично.

А.Оганесян: Санкции привели к свертыванию сотрудничества российских и западных спецслужб. Будет ли возврат к такому уровню взаимоотношений в этой области, который существовал?

С.Рябков: Уверен, что это произойдет, потому что жизнь того требует и диктует необходимость нормализации в этой сфере, как и во многих других. Если уроки произошедшего за последние месяцы, включая ужасающие террористические акты в Брюсселе, до этого в Париже, во многих других столицах, в той же Турции - и в Анкаре, и в Стамбуле, не повлияют на политические выводы, которые делают те, кто принимает решения о характере отношений с Россией и о том, как их выстраивать, тогда это просто безответственный подход к своему же собственному населению. Мы готовы к той глубине сотрудничества, на которую согласны коллеги в Евросоюзе и в других странах.

А.Оганесян: Для большинства людей стало неожиданным сотрудничество России и США по сирийскому урегулированию. Сложно было привлечь американцев к этой совместной работе?

С.Рябков: Любая договоренность может быть достигнута и может существовать, то есть она не развалится только в условиях, если в ней соблюден определенный баланс интересов. Односторонние уступки и тотальные сдачи позиций - это не ключ к достижению работоспособных договоренностей. Не хочу сказать, что в документах, которые выработаны с очень активным россий-

ским участием, нам все до последней запятой нравится. Что мы смотрим и говорим: «Ах, как это красиво, этим можно любоваться часами». Но действительно важнейшие ключевые элементы нашей позиции - и в двусторонних договоренностях с США разного уровня, и закрытых договоренностях, и открытых, и в резолюциях Совета Безопасности ООН - отражены. Тем не менее американцы, разумеется, не пошли бы на эти договоренности, если бы они не видели политического смысла в преодолении бесконечной череды трагедий и страданий сирийского народа. Хорошо, что в конце концов мы смогли сфокусироваться на задачах сегодняшнего дня - прекращении огня и придании ему устойчивого характера, запуске политического процесса и опять-таки придании уже политическому процессу устойчивого характера.

А.Оганесян: Последний вопрос о Сирии. Российская сторона закончила в основном антитеррористическую операцию на территории Сирии, а какова будет дальнейшая судьба зенитно-ракетных систем С-400, размещенных на авиабазе Хмеймим, и урегулирован ли вопрос о поставках Ирану ЗРС С-300?

С.Рябков: Хочу сказать, что контртеррористическая операция российских ВКС продолжается и ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусра» остаются законными, легитимными целями в рамках этой операции, так же, впрочем, как и целями для возглавляемой в США антиигиловской, по своему названию, коалиции. Из этого вытекает, что российское военное присутствие в Сирии сохраняется, пусть и в несколько другой численной конфигурации. По силам и средствам там тоже произошли определенные изменения, об этом говорят наши коллеги из Министерства обороны каждый день гораздо более профессионально, чем я. Подчеркну, что после трагического инцидента с российским бомбардировщиком и гибелью нашего летчика, наших военнослужащих мы не можем себе позволить идти ни на какие дальнейшие риски, с чем, собственно, и было связано, в частности, решение развернуть для прикрытия авиабазы Хмеймим одну из наших эффективных систем ПВО С-400. Она будет находиться там столько, сколько потребуются для решения военными соответствующих задач. Конечно, профессионалы должны говорить об этом, но и дилетант, в моем лице, тоже понимает, что рисковать после такого предательского со стороны Анкары действия, предательского по отношению

к общим задачам, которые мы решали, как мы надеялись, с турками в Сирии, больше ничем не можем. С-400 - реальное средство защиты жизни российских военнослужащих и обеспечения безопасности того серьезного потенциала, который за эти месяцы был создан в интересах силовой борьбы с террористами в Сирии.

А.Оганесян: А вопрос о поставке С-300 Ирану.

С.Рябков: Здесь все идет штатно, в спокойном режиме. Были в последнее время комментарии ответственных представителей с российской стороны, занимающихся военно-техническим сотрудничеством и по срокам, и по взаимосвязи этого вопроса с некоторыми другими аспектами российско-иранских отношений. Мне по большому счету к этому нечего добавить. Думаю, что вскоре, как говорят специалисты, мы этот контракт «закроем», то есть выполним, и будем смотреть, как нам дальше развивать военно-техническое сотрудничество с дружественным России Ираном.

А.Оганесян: Сергей Алексеевич, конечно, много вопросов на тему выборов в США. В какой степени, на ваш взгляд, дальнейшее развитие отношений России и США будет зависеть от личности нового американского президента? Возможны ли реальные позитивные подвижки в политике Вашингтона в случае гипотетической победы Дональда Трампа?

С.Рябков: Очень интересный вопрос, особенно в его первой части. Это тема многих диссертаций и исследований, монографий во многих странах. Соотношение политической воли и интеллектуального ресурса человека, занимающего высший исполнительный пост США, с отработанностью и такой, знаете, инерционностью американской государственной машины. В какой пропорции в период того или иного президентства превалирует одно или другое? Мы имеем много исторических примеров разного свойства. Были президенты, которые своей волей меняли политику вопреки сопротивлению государственного аппарата и своего окружения. Были люди, которые декларировали что-то на этапе предвыборной кампании, потом оказывались полностью или почти полностью во власти аппарата и шли по накатанной, по рельсам, что называется, катились. Это все функция, то есть результат сложения очень многих сил и воздействий. В том числе огромное значение имеет подбор команды: кто войдет в состав кабинета следую-

шего президента, кто станет помощником по национальной безопасности, кто станет госсекретарем, кто возглавит ЦРУ и т. д.

После назначения на ключевые посты в американской системе, во всяком случае в ее современном виде, проходит период так называемого «обзора политики», когда, с одной стороны, произойдет смена людей, иногда чуть ли не на 100%, в следующих слоях, назначены министры, потом заменяются заместители, помощники и т. д. Особенно если другая партия приходит к власти. Но параллельно идет обзор политики, то есть проводятся закрытые совещания, пишутся записки, критически оценивается наследие, из него отбирается то, что, с точки зрения приоритетов новой команды, имеет значение, что нужно продолжать, от чего можно отказаться. Это все довольно долгий процесс. По моим наблюдениям, он может занять до года. Поэтому во многом данный процесс обеспечивает относительную плавность перехода от одной администрации к другой в Соединенных Штатах Америки.

Думаю, к сожалению вынужден это говорить прямо и открыто, что Россия вряд ли попадет в число тех внешнеполитических сюжетов или вопросов, по которым следующий Президент США, кто бы это ни был, существенно изменил бы подход. Потому что, по состоянию на данный момент, и в Демократической партии, и в Республиканской сформирован консенсус на антироссийской основе, по сути дела, единогласно поддерживаемый активом обеих партий и «китами» обеих партий, столпами и теми, кто как бы подпирает партии в СМИ, в аналитических центрах. Поэтому изменить здесь что-то радикально, мне кажется, у следующего президента не получится.

А.Оганесян: На самом деле удивительно и, может быть, беспрецедентно, что в этой избирательной кампании объединились элиты республиканцев и демократов.

С.Рябков: Я настаиваю на своей оценке, что Демократическая и Республиканская партии сейчас сошлись на почве неприятия современной России в ее разных проявлениях - внешней политики России, внутренней политики, нашего позиционирования на международной арене. Думаю, что вопрос о том, кто станет претендентом на пост Президента США от Республиканской партии, по большому счету зависит от степени смелости избирателей-республиканцев идти до конца в противостоянии вашингтонскому истеблишменту, и это очевидный новый фактор внутривнутриполитической жизни Амери-

ки. Оказывается массированное давление через СМИ, через агитационные средства. Тем не менее штат за штатом показывают, что у Трампа сохраняются шансы. Это еще больше сплачивает традиционалистскую, мейнстримовскую элиту Республиканской/Демократической партии на платформе противодействия Трампу, которому начинают приписывать любые грехи и ошибки.

Не готов давать оценки тому, что происходит, в динамике, но эта тенденция очевидна. Сможет ли работа вашингтонского аппарата и вашингтонской системы, системы, понимаемой как глубоко взаимосвязанные структуры власти, лоббисты, политики, кокусы разного рода, внушить избирателям США, что нужно держаться знакомого, привычного и не рисковать? Сможет ли она это сделать? Именно по этой причине, а не только по причине дипломатического стремления уйти от трудных вопросов я не говорил вам о шансах Трампа, я действительно думаю, что мы не можем сейчас это оценить по-настоящему.

А.Оганесян: Теперь БРИКС. Как вы оцениваете геополитический потенциал группы БРИКС? Способна ли организация выражать коллективную волю стран-участниц в формировании нового миропорядка или разногласия внутри блока слишком сильны для этого?

С.Рябков: Думаю, что, конечно, объединение будет развиваться и попытки поставить перспективы БРИКС в зависимость от внутривнутриполитических или внутриэкономических процессов в отдельных странах-членах, хотя они и интересны как феномен, как фактор международной жизни и работы аналитических центров и СМИ, мне кажется, несколько спекулятивны, надуманны. Мы прошли точку невозврата в развитии БРИКС. БРИКС пришел, чтобы остаться, и трудности, особенно экономические, только укрепляют стремление его государств-членов, я это знаю не понаслышке, а изнутри, к поиску и в этом формате ответов на меняющуюся ситуацию.

Внутриполитические процессы в отдельных странах БРИКС, конечно, имеют достаточно серьезный размах с точки зрения и масштабов происходящего, и постановки далекоидущих вопросов внутривнутриполитического плана, но это часть нормального процесса. Не вижу зависимости существования и развития БРИКС от тех или иных решений, или процедур, или подспудных движений в разных странах. А геополитическая роль БРИКС не сводится только к статистике, когда мы начнем считать, сколько населения, территории,

процентов ВВП и т. д. от общемирового, хотя это тоже важно. Она сводится к тому, что набор вопросов, по которым страны БРИКС взаимодействуют между собой, ширится год от года.

Сейчас индийское председательство выдвинуло целую серию новых идей, в том числе и по гуманитарному сотрудничеству, по контактам между людьми. В экономике у них новые планы. Это делали и мы в прошлом году, и до нас другие председатели. Геополитика не через лозунги, а через реальное сотрудничество. Я бы так сформулировал.

А.Оганесян: Может ли в перспективе Новый банк развития БРИКС стать альтернативным МВФ финансовым институтом?

С.Рябков: Не думаю, что это актуально в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе, потому что задачи Нового банка развития БРИКС весьма специфичны - это фокусировка на инфраструктурных проектах. Кстати, мы надеемся, что в ближайшее время могут быть приняты положительные решения по первому, стартовому проекту в России с финансированием по линии этого банка. Надо быть откровенными. Ресурсы НБР и ресурсы МВФ в общем-то несопоставимы, назовем вещи своими именами, но БРИКС - это формат, где продолжается работа над реформой МВФ. Половинчатость проведенной реформы очевидна. Сейчас западным странам несколько легче игнорировать требование продолжить реформу по квотам, голосованию и т. д., поскольку экономические трудности некоторых стран БРИКС привели даже к прямому падению показателей ВВП, но уверен, что в ближайшей перспективе этот надуманный аргумент у западников исчезнет, мы преодолеем полосу нынешних трудностей. Так что мы здесь играем на двух досках. Мы будем заниматься развитием инструментов влияния БРИКС на международную финансовую систему, собственных инструментов, которые помогают нам одновременно решать экономические задачи, инфраструктурные и любые другие. И мы продолжим работу по реформе Бреттон-Вудских институтов изнутри этих институтов, согласовывая позиции и в БРИКС, и в «двадцатке».

Ключевые слова: Дж.Керри, Ф.-В.Штайнмайер, Минские соглашения, Сирия, Россия - Украина, ИГИЛ, Турция.

Михаил Титаренко, Владимир Петровский:

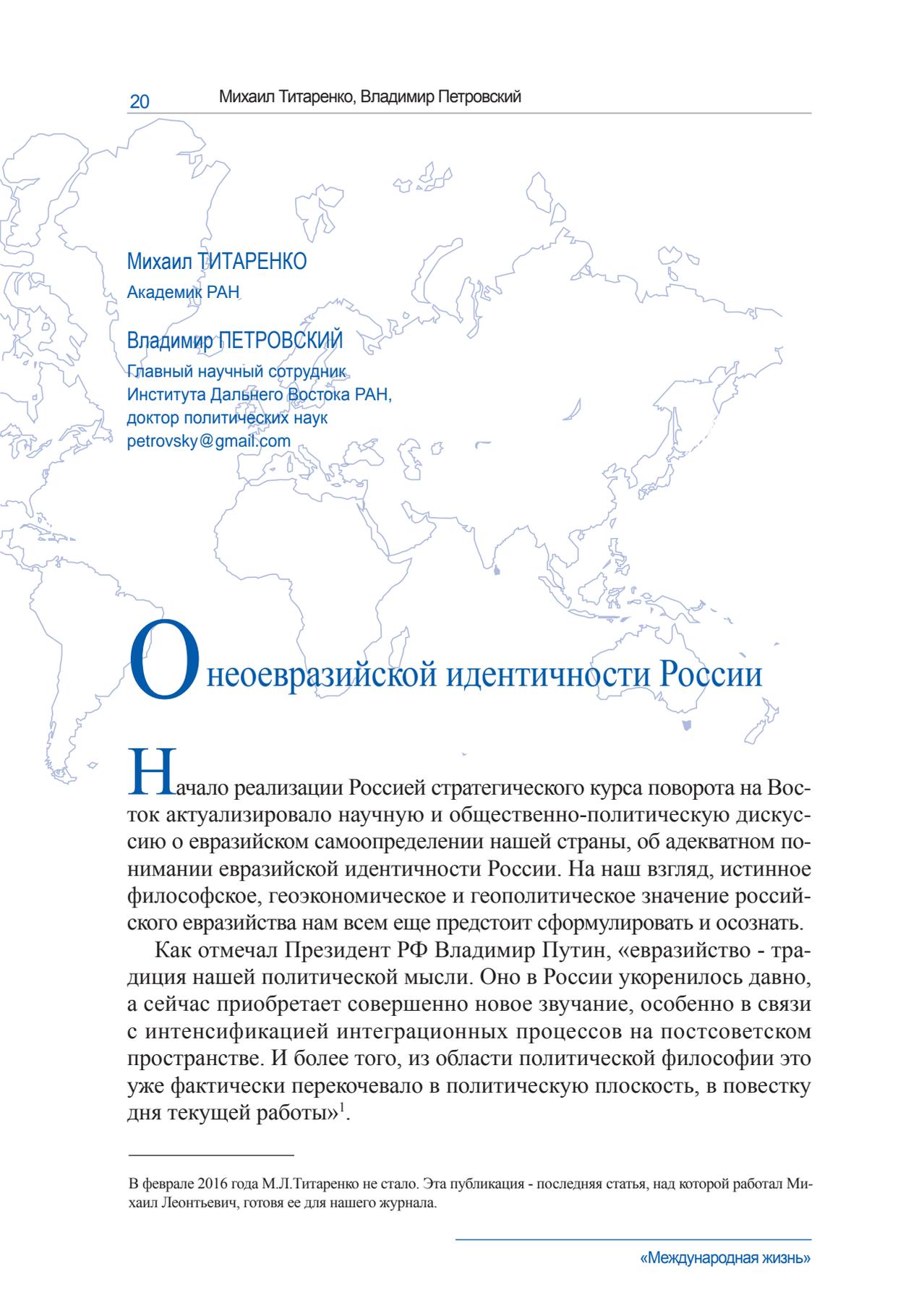
«Национальное самосознание граждан России и его суперэтнота - русских не может не учитывать также и того непреложного факта, что русская и российская цивилизации сложились, развиваются и проявляют свое животворное действие на том геополитическом пространстве, где пересекаются и взаимовлияют друг на друга великие мегацивилизации: великорусская, славянская, византийская, романо-германская, угрофинская, мусульманская, китайская, индийская, тюркомонгольская, а также цивилизации более сотни малых коренных народов, живущих в бассейне Волги, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке и в северных регионах».

Василий Лихачев:

«Синтетический характер Договора о ЕАЭС, что не противоречит Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, усиливает, с нашей точки зрения, его юридическую природу, содействует эффективному правоприменению и, естественно, влияет на политический авторитет соглашения. Поэтому нет никакого противоречия в том, что по воле государств-участников сохранили свое действие 56 международных договоров, заключенных в рамках ЕвразЭС и дальнейшую реализацию которых эти страны сочли целесообразной».

Шарбагулло Содиков, Константин Сафронов,
Эльнур Мехдиев:

«Увеличение арабского влияния в перспективе возможно и связывается со все более ощутимым ренессансом ислама в Центральной Азии, а также с его радикализацией, что особенно заметно в Кыргызстане и Таджикистане. Тем не менее светский характер политических систем региона четко обозначает пределы этого влияния. Несмотря на несколько ощутимых фиаско, которые США потерпели в последнее время, уходить из региона они не собираются. При этом вряд ли Вашингтон будет предлагать какие-либо реалистичные интегративные проекты в Центральной Азии».

Михаил ТИТАРЕНКО

Академик РАН

Владимир ПЕТРОВСКИЙ

Главный научный сотрудник
Института Дальнего Востока РАН,
доктор политических наук
petrovsky@gmail.com

О неоевразийской идентичности России

Начало реализации Россией стратегического курса поворота на Восток актуализировало научную и общественно-политическую дискуссию о евразийском самоопределении нашей страны, об адекватном понимании евразийской идентичности России. На наш взгляд, истинное философское, геоэкономическое и геополитическое значение российского евразийства нам всем еще предстоит сформулировать и осознать.

Как отмечал Президент РФ Владимир Путин, «евразийство - традиция нашей политической мысли. Оно в России укоренилось давно, а сейчас приобретает совершенно новое звучание, особенно в связи с интенсификацией интеграционных процессов на постсоветском пространстве. И более того, из области политической философии это уже фактически перекочевало в политическую плоскость, в повестку дня текущей работы»¹.

В феврале 2016 года М.Л.Титаренко не стало. Эта публикация - последняя статья, над которой работал Михаил Леонтьевич, готовя ее для нашего журнала.

При этом актуализация российского евразийства, безусловно, требует некоторого исторического и философского экскурса, что, в свою очередь, диктует необходимость обстоятельного комментария о сущности - в рамках применимости - понятия «евразийство». Ситуация осложняется историей появления и эволюцией этого термина в 20-30-х годах прошлого века, идейно-политической борьбой и спорами между различными группировками в русской эмиграции в Европе (Праге, Париже, Берлине, Софии) и Азии (Харбине, Шанхае). Эти споры были отражением сложных отношений покинувших Родину представителей патриотически настроенной прежней русской элиты к советской действительности того времени и одновременно поиском путей для диалога.

В нашу задачу не входит описание истории появления этого термина и его трактовок в 20-30-х годах XX века в трудах крупного ученого, князя Н.С.Трубецкого, профессоров П.Н.Савицкого, Л.П.Карсавина, Г.В.Вернадского, затем в 1960-1980-х годах в трудах Л.Н.Гумилева. По этому вопросу существует весьма богатая литература. В начале 1990-х годов, после распада Советского Союза, ряд государственных и творческих идей евразийцев 1920-1930-х годов были подхвачены, переосмыслены и послужили толчком к возникновению различных течений *нового евразийства*, которое представлено в России именами А.Г.Дугина, С.А.Панарина, М.Л.Титаренко, Г.А.Югая. Особое место среди сторонников этого идейно-политического течения занимает евразийский проект Президента Казахстана Н.Назарбаева.

Нас интересует суть нового евразийства, ставшего весьма актуальным предметом идейно-политических дискуссий после распада Советского Союза и поисков национальной идеи, которая бы послужила для сплочения и подъема суверенной России в условиях жесткой культурно-цивилизационной экспансии Запада. Эта экспансия привела к серьезному размыванию культурно-цивилизационной самоидентичности, аполитизации, духовной депрессии русского и других народов РФ, появлению идей местного сепаратизма, регионального изоляционизма, а также к возникновению и обострению межэтнических трений.

Обживая на протяжении многих веков суровые пространства Евразии, русский народ вместе с другими многочисленными народами России накопил уникальный опыт освоения огромных пространств и их природных богатств и вместе с тем создал богатейшие по со-

держанию и многообразию форм культуру и цивилизацию, которые образуют наиболее благоприятные естественно-исторические предпосылки не только для выживания в неблагоприятных и суровых природно-климатических условиях, но и для развития каждого национально-этнического субъекта, обосновавшегося на этой территории и в этой стране, на основе добрососедского существования, сотрудничества, соразвития, взаимопомощи, взаимовлияния, взаимной учебы и неконфронтационного соперничества - соревнования. В целом это огромный и бесценный вклад русского народа, народов России в мировую цивилизацию.

Присущие русскому народу положительные черты - великодушные, дружелюбие, широта взглядов, добродушие, величавость, открытость, нестяжательность - есть адекватное отражение в нравственной и интеллектуальной природе и культуре особенностей своей естественно-исторической эпопеи.

Русская идея - это идея сохранения, развития и приумножения добрых сторон политической, хозяйственно-бытовой, житейской культуры и психологии русского народа, его адаптации к геополитическим евразийским особенностям местоположения и цивилизационному многообразию, порожденному пересекающимися в этой части Евразии мощными силовыми линиями ряда культур и религий: христианской во всех ее ипостасях, мусульманской, шаманской, буддийской, конфуцианско-даосской, иудейской и др.

Национальное самосознание граждан России и его суперэтнуса - русских не может не учитывать также и того непреложного факта, что русская и российская цивилизации сложились, развиваются и проявляют свое животворное действие на том геополитическом пространстве, где пересекаются и взаимовлияют друг на друга великие мегацивилизации: великорусская, славянская, византийская, романо-германская, угрофинская, мусульманская, китайская, индийская, тюркомонгольская, а также цивилизации более сотни малых коренных народов, живущих в бассейне Волги, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке и в северных регионах.

Все это породило в ноосфере мощное поле взаимовлияния, взаимоучебы и этносоциально-культурного симбиоза и синтеза, культурной конвергенции, которые придали русской и российской культурам, то есть совокупности достижений культур всех населяющих Россию народов, уникальные цивилизационные особенности, которые и обозначает термин «евразийство».

С учетом вышеизложенного было бы ошибкой противопоставлять понятия «русская идея» и «современное, или новое *евразийство*», поскольку русская идея является мощным стержнем, жизненной артерией евразийства. Следует, к сожалению, признать, что сам по себе термин «евразийство» может показаться довольно односторонним, так как при поверхностном взгляде отражает лишь один аспект этого феномена - местоположение, где сложился этот культурно-цивилизационный, духовный феномен. Это порождает всяческие споры, которые чаще всего касаются лишь некоторых второстепенных аспектов столь уникального явления.

Что же означает понятие «евразийство»? Каковы его характерные черты и чем оно отличается от «русской идеи»? Некоторые ученые возражали против замены понятия «русская идея» термином «евразийство», поскольку, по их мнению, это ведет к растворению русского народа в неопределенной массе россиян. С другой стороны, весьма уместно в этом контексте замечание Е.И.Пивовара о том, что за термином «русский мир» стоит многоаспектный социально-культурный феномен, объединяющий собственно Россию и связанное с ней цивилизационное поле².

Критики концепции евразийства - как парадигмы развития России - из стана «европеистов» пытаются дискредитировать его, ссылаясь на исторический пример евразийства, возникшего после Первой мировой войны в 1920-1930-х годах и носившего откровенно антизападный характер. Но это антизападничество вытекало из ситуации того времени.

1. Главная особенность евразийства - признание специфичности географического «месторазвития»³, международного положения и исторического происхождения российской цивилизации, основой и стержнем которой является русская культура, а языком общения - русский язык.

2. Евразийство признает полицентризм как общеметодологический принцип⁴, взаимодействие, взаимодополняемость культур, отношений их взаимного влияния и взаимной учебы. Согласно евразийству, отношения между всеми культурами строятся по горизонтали на основе принципов соборности, равноправия, симфонизма и признания уникальности культур всех национальных этносов, даже насчитывающих несколько тысяч человек⁵.

3. Евразийский принцип взаимоотношения культур строится на гармоничности их взаимодействия. В этом плане евразийство сов-

падает с конфуцианским подходом к культурному развитию, гармонии многообразия (*хэ эр бутун*) и даосской диалектикой взаимодействия противоположных явлений в природе и культуре (*хэ эр эр и, и фэн вэй эр*) - слияния противоположностей в единое и раздвоение единого на новые противоположности⁶.

4. Евразийству присущ ряд закономерностей становления культур на основе принципов конвергентного синтеза, взаимного влияния и взаимной учебы. По своей структуре оно является многослойным, полиэтническим, полицивилизационным единством, обеспечивающим сосуществование различных этносов и различных культур как в рамках одного государства, так и в глобальных масштабах.

Феномен евразийства по своей сути содержит компоненты, которые присущи не только культурам народов Евразии. Евразийство, в отличие от евроцентризма, исходит из равноправия и горизонтальной структуры взаимоотношений между различными культурами, в то время как евроцентризм исходит из вертикальных взаимоотношений культур, признания одной культуры высшей, других - низшими. Стратегема евроцентризма рассматривает ассимиляцию других культур и вымирание уникальных малых культур как нормальное и неизбежное явление. Она требует замены самобытных систем культурных ценностей на некие «универсальные», по существу, на ценности западной масскультуры.

Под предлогом «вхождения в мировую цивилизацию» российские евроцентристы хотят деморализовать духовные принципы русской, славянской, российской культур, размыть духовность русской культуры. В политическом и экономическом плане под этим же предлогом они хотят ослабить политическое единство и внутреннюю стабильность России как многонационального и многоконфессионального единого целостного государства.

Этот же вопрос стоял в дискуссиях и политическом противоборстве западников - сторонников европеизации России - и славянофилов, а затем почвенников-государственников, подчеркивающих особый уникальный характер русской культуры как симбиоза, синтеза многих культур и исторического опыта многих народов, исторически проживавших или проживающих на территории России и по соседству с ней.

Ныне же речь идет прежде всего о конвергентном сочетании и синтезе самобытной русской славянской культуры с воспринятым

от Византии вместе с христианством мощным пластом гуманитарной и политической культуры, а также с культурами угрофинских, тюркских и татаро-монгольских народов, через которые Россия опосредованно восприняла также фрагменты материальной и политической культуры Китая и Индии⁷.

В этой связи Георгий Вернадский писал: «Русский народ получил два богатых исторических наследства - монгольское и византийское. Монгольское наследство - Евразийское государство. Византийское наследство - православная государственность. Оба начала тесно слились между собой в историческом развитии русского народа. Но, распутывая нити этого развития, необходимо помнить о присутствии обоих начал и замечать влияние того и другого. Отчасти соотношение между влиянием монгольским и византийским в русской истории есть соотношение между порядком факта и порядком идеи»⁸.

А идя еще дальше, Н.С.Трубецкой утверждал, например, следующее: «Почти вся территория современного СССР некогда составляла часть монгольской монархии, основанной великим Чингисханом. Присоединение к СССР Хивы и Бухары, сохранявших призрачную самостоятельность при последних русских императорах, и провозглашение советской республики в Монголии являются продолжением и укреплением исторической связи России с монархией Чингисхана. На том же пути можно с уверенностью предсказать в будущем и присоединение китайского Туркестана. Таким образом, в исторической перспективе то современное государство, которое можно называть и Россией, и СССР (дело не в названии), есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом»⁹.

Следует специально отметить, что современное российское евразийство - объективный планетарный факт, географическая, гуманитарная и социальная реальность, отражающая геополитическое и глобальное местоположение России. Россия, как известно, охватывает части европейского и азиатского пространства и соединяет их в Евразию, она включает в свою сферу элементы европейской и азиатской культур и синтезирует духовную культуру высшего антропо-космического качества.

Генетическому коду российской Евразии соответствует и определенный тип мировоззрения, концентрированно выражающийся в идее нового евразийства. Она существовала всегда с момента

рождения России, однако процесс осознания ее был достоянием небольшого круга мыслителей и, к сожалению, в своем истинном смысле она удерживалась на уровне подсознания народа или выражалась в неадекватных религиозных формах, подминалась пришлыми спекулятивными политическими доктринами, третиновалась европоцентристски односторонне западнически ориентированной властью.

В настоящее время эти доктрины выдохлись и идея евразийства в обновленном виде выходит на поверхность самосознания российских этносов. Субъектами ее возрождения, категориального оформления и укоренения в национальную почву выступают представители отечественной научной и духовной элиты - наследники выдающихся мыслителей русского философского и религиозного евразийства.

Для России идея нового евразийства является ключом к решению проблемы не только геополитической, но и духовно-гуманистической самоидентификации русской нации и раскрытия духовной тайны русской цивилизации, ее телеологии и принципообразующих основ, без чего она может рассматриваться лишь эпигоном, вторичным продуктом романо-атлантической цивилизации. Идея нового русского евразийства придает русской культуре новые силы, притягивающие в ее поле другие культуры народов России, открывает для них новые горизонты соразвития, взаимопомощи и сотрудничества людей и народов России, раскрывая потенциал взаимодействия на основе осознания общности исторической судьбы.

Идея нового евразийства в статусе *всеобщего принципа евразийства* имеет не только чисто русские и российские, но и глобальные характеристики. Евразийство показывает альтернативу поглощению одних культур, цивилизаций и этносов другими, оно становится одной из стержневых идей образования будущего нового порядка планетарных межцивилизационных отношений, обеспечивающих экологию культур и цивилизаций, сохранение этнического и цивилизационного многообразия. Утверждая это, евразийство служит фактором мирового развития и делает акцент в понимании исторического прогресса именно на равноправии пути каждого народа, уважении его выбора и взаимном обогащении различных культур.

Новое евразийство выступает восприимчивым, продолжателем и хранителем великих гуманистических соборных традиций русской культуры. Оно дает возможность преодолеть извечную поля-

ризацию по линиям Восток - Запад, Север - Юг и открывает путь процветанию всех наций на евразийском пространстве. Новое евразийство несет в себе уникальный механизм конвергентности, согласования, соразвития и сопроцветания азиатской и европейской культур, который поднимает, оживотворяет и одухотворяет глубокие национальные традиции, раскрывает их истоки, показывает их единство и различие и формирует способы их созвучия.

Один из основоположников евразийства 1920-1930-х годов князь Н.С.Трубецкой характеризовал сущность евразийства как отражение общности судеб народов, населяющих Евразию: «В евразийском братстве народы связаны друг с другом не по тому или иному одностороннему ряду признаков, а по общности своих исторических судеб. Евразия есть географическое, экономическое и историческое целое. Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом. Прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распутить...»¹⁰.

На теоретическом и практическом срезах новое евразийство несет генетический код всей евразийской культуры, оно заземляет его на этническую почву и цивилизационную действительность («местоположение», «месторазвитие» цивилизации) и таким образом десакрализирует священную тайну духовного ядра цивилизационных систем, преодолевает, «снимает» рефлекс закрытости и предрасполагает к открытости, гарантируя при этом бесконфликтность, сохранность и процветание каждой этнической культуры.

Эти закономерности евразийства отчетливо просматриваются и в культуре Китая, начиная с древности. Например, они отображены в конфуцианских идеях о гуманности, трудолюбии, дружелюбии, принципе «не делай другим того, чего не желаешь себе», равно как и в десяти принципах Мо-цзы, таких как «всеобщая любовь и взаимная выгода», «против расточительности за экономию расходов», «сильный помогает слабым», «справедливость и польза [для общества]» и т. д.

Современность обозначила их в провозглашенном в 80-90-х годах XIX века принципе *янью* (соединение совершенной духовно-нравственной культуры Китая с «заморской технологией и техникой»), в разрабатывавшемся Сунь Ятсеном в начале XX века принципе творческого заимствования иностранного опыта - *хуаси* («китаизация западного»), в построении в настоящее время «социализма с китайской спецификой» на основе открытости, реформ и модернизации,

вместе с «построением социалистической духовной культуры» и «созданием человека из материала высокой духовности».

Все это подтверждает планетарную объективность евразийства, его глобальный характер, показывает, что духовной культуре Китая, Индии, других наших азиатских соседей не чужды многие идеи нового евразийства, а есть их национальная культурологическая модификация.

В мировоззренческом измерении новое евразийство создает планетарное поле, в котором каждая культура, во-первых, конкретизирует свое место по отношению к другим культурам; во-вторых, осуществляет новое открытие собственных традиций, стимулирующих активность сознания в направлении самоидентификации; в-третьих, соответственно своей природе обретает собственный путь существования и развития; в-четвертых, совместно с другими культурами участвует в выработке умственного словаря человечества; в-пятых, все культуры обретают единство, в котором погашается возможность межкультурных конфликтов и достигается состояние симфонии и конструктивного взаимообогащающего диалога культур.

В этом поле уже идет и будет углубляться подлинный диалог китайской и российской культур. Со стороны Китая здесь встает человек *высокой духовности*, со стороны России - человек *духовности нового евразийства*, которые и поведут диалог на языке умственного словаря человечества.

Идея евразийской идентичности геополитического положения России и ее цивилизации имеет, по нашему глубокому убеждению, основополагающее значение для здорового развития страны, обеспечения ее целостности и внутренней стабильности, поскольку идея евразийства учитывает исторические корни и внутренние автохтонные и внешние цивилизационные компоненты, в результате синтеза которых сложилась русская культура, ставшая стержнем российской культуры. Ее высокий авторитет сделал ее транслятором и двигателем подъема и расцвета культур других иноязычных народов, населяющих Россию, а русский язык - транслятором общения национальных языков, национальных культур всех народов России с мировой цивилизацией, с мировой культурой.

Любое игнорирование идеи евразийства приводит к разрыву трансляционных связей малых культур, малых народов РФ с мировой культурой, замедляет их развитие. Представители элиты этих культур вынуждены сознательно или бессознательно искать замену

русской культуре, русскому языку, другим компонентам нашей общности и придерживаться евроцентристских подходов, что поощряет замену русского языка и русской культуры как транслятора культур малых народов английским языком и, соответственно, усиление влияния чуждой традициям этих народов американско-европейской культуры.

Игнорирование евразийской сущности нашей культуры, по сути дела, ведет к подрыву единства и разрушению цивилизационного «обруча» России. Евразийская же парадигма ведет к сплочению народов, населяющих Россию, вокруг русской культуры. Еще крупнейший исследователь мировой цивилизации А. Дж. Тойнби отмечал, что «русские в отношениях с нерусскими лишены чувства презрения к другим нациям». По его словам, «это действительно дружелюбная и достойная восхищения русская традиция»¹¹.

Русский народ является капитальным стержнем российской государственности и самой многочисленной нацией, выработавшей уникальную культуру и объединившей под своим началом огромную территорию. Русские установили отношения добрососедского сотрудничества, сосуществования и соразвития более чем со 120 национальностями и народностями. Авторы фундаментального труда «Русская доктрина» справедливо отмечают: «Русская культура - это высочайшая культура усвоения социальных ценностей. Русские, усваивая культурные богатства различных традиций, предпочитают ни от чего не отказываться, ни от чего не отрекаться. Благодаря этому качеству нашей культуры в России может ужиться все ценное, что выработало человечество»¹².

По мнению авторов вышеупомянутого труда, «русская доктрина по существу мировая, но обращена в первую очередь к самой России»¹³. В этом смысле она является принципообразующей основой евразийства, идейным ориентиром государственного строительства, внутреннего взаимообогащающего диалога между национальными культурами и внутри единой российской цивилизации. Некоторые политики и авторы научных трудов по вопросам культурологии нередко предпочитают не подчеркивать стержневую роль русской культуры и русской цивилизации в становлении и развитии единой российской цивилизации.

Они и в том случае, когда речь идет именно о русской культуре, опыте и традициях русской цивилизации, называют ее российской культурой, российской цивилизацией. Подобная небрежность

отнюдь не безобидна и может порождать весьма нежелательные последствия. Такой подход ведет к размыванию национальной идентичности русского народа и принижению исторической роли русской культуры и русской цивилизации как в рамках России, так и мировом масштабе.

Отождествление русской и российской культур снижает роль культур других народов нашей страны, ведет к игнорированию специфических черт и особенностей культур других народов, также вносящих большой вклад в становление российской культуры как компендиума общих специфических черт и достижений, создающих симфонию культурного разнообразия и цивилизационного развития всех народов России.

В свое время Н.Я.Данилевский уместно заметил: «Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяют России считаться Европой... Только выскочки, не знающие ни скромности, ни благородной гордости, втираются в круг, который считается ими за высший; понимающие же свое достоинство люди остаются в своем кругу, не считая его (ни в каком случае) для себя унижительным, а стараются его облагородить так, чтобы некому и нечему было завидовать»¹⁴.

Но, помня противоречивую историю царской России, нельзя впадать и в другую крайность, когда все позитивное в нашей истории было объявлено славянским. Тот же Н.Я.Данилевский, говоря о России как об «усыновленной Европе»¹⁵, призывал помнить о вкладе других этносов в российскую идентичность. Именно опираясь на такой подход, можно определить самоидентичность российского этноса, государства и элит.

«Синонимизация» понятий российской и русской культур в СМИ и государственной практике, порождаемая чиновничьим небрежением или невежеством, дает повод представителям других национальностей упрекать деятелей русской культуры и великую русскую культуру в неуважении культур других, не русских народов России. Так русские интеллигенты, деятели культуры, русские патриоты-государственники оказываются без вины виноватыми.

Российская и русская культура, творчески заимствуя и развивая многие достижения западных и восточных культур, выработала систему цивилизационных ценностей, способную во взаимодействии с другими восточными цивилизациями стать конструктивной альтернативой агрессивной и разрушительной идеологии всеоб-

щей вестернизации. Эта система ценностей способна внести вклад в гармонизацию мира, создание условий для сохранения и расцвета многообразия культур и цивилизаций, развития конструктивного диалога между ними.

Говоря о самоидентичности России и ее народов, нельзя не учитывать геополитические факторы. Ведь 2/3 территории России - это Сибирь и Дальний Восток. Помимо русских и близких к ним других славянских народов, в России проживают еще более 100 крупных наций и народностей, в том числе десятки коренных народов Сибири и Дальнего Востока, которых уже никак нельзя «пристегнуть» к Европе, не встав на порочный путь вестернизации или обанкротившейся концепции мультикультурализма.

Азиатские страны и народы относят Россию к европейской культуре, а европейцы, особенно западные, рассматривают Россию преимущественно в азиатском ключе. Ни одна из этих точек зрения не дает полного представления об идентичности российской, особенно русской культуры. Игнорирование евразийской сущности геополитического положения России и ее цивилизационной идентичности, доминирование евроцентризма в идеологии и политике, попытки представить всю территорию России как пространство «большой Европы» - все это порождает противоречия в развитии страны и ведет к непрерывным колебаниям в ее политике, подрывает межнациональную сплоченность русских и других народов России, приводит к размыванию идентичности культуры и ослаблению положения России на мировой арене.

Показательный пример этому - неучастие РФ (по крайней мере, до недавнего прошлого) в диалоге лидеров Европы и Азии на некоторых важных политических форумах. Представители западных стран полагают, что Россию должны рекомендовать для участия в диалогах азиатские страны, так как большая часть территории России находится в Азии. Азиатские страны, ссылаясь на то, что Россия постоянно настаивает, что она европейская держава, считают, что ее должны представлять европейские государства.

К сожалению, и внутренняя политика России со времен Петра I не отличалась последовательностью в решении вопросов о геополитической и цивилизационной идентичности страны и ее культуры. Петр I толкал Россию в Европу. В советское время В.И. Ленин и ряд его ближайших последователей призывали бороться с азиатскими компонентами русской политики и культуры («азиатчиной»). Все

это усиливало доминирование евроцентризма в политике страны и, в частности, принижало значение исконно русских, славянских корней и компонентов российской цивилизации. В практической политике подобные тенденции выражались и выражаются до сих пор в том, что евроцентризм доминирует во всем. Он получил конкретное экономическое и политическое оформление:

- в концентрации основных средств и стратегических целей развития страны в европейской части и превращении Москвы в сверхмонополиста в сфере финансовых и других ресурсов страны;

- в превращении де-факто огромных восточных регионов, богатых ресурсами, в своеобразную квазиколонию европейской части страны. Из Сибири и Дальнего Востока с помощью неэквивалентного обмена, а то и без всякого обмена выкачивались и выкачиваются ресурсы без должной компенсации для развития и подъема восточных регионов;

- в однобоком, уродливом развитии регионов российского Востока. Сырьевая направленность экономики стала здесь доминирующей. Лишь в 30-х годах прошлого века и особенно в годы Великой Отечественной войны Сибирь получила перемещенные из европейской части крупные промышленные предприятия, культурные и научные объекты. Правда, и до этого возникали такие гиганты индустрии, как Кузнецкий металлургический комбинат, ряд машиностроительных предприятий на Дальнем Востоке, в Восточной и Западной Сибири. Однако в освоении региона с точки зрения обеспечения трудовыми ресурсами значительную роль играли принудительные формы труда, лагеря ГУЛАГа, что придавало региону не самый привлекательный образ, сохраняющийся по инерции и по сей день;

- в обострении противоречия внутри российской культуры и цивилизации в целом. Под давлением вестернизации национальные черты русской культуры и культуры других национальностей стирались и растворялись в чуждых цивилизационных и религиозных традициях народов, в чуждых и низкопробных образцах европейской и американской массовой культуры. Более того, в конце XX века российские культура и цивилизация принижались до такой степени, что на политическом уровне была поставлена «задача вхождения в мировую цивилизацию», что, по сути, означало маргинализацию российской культуры.

Еще в середине XVIII века, когда консолидировалось централизованное российское государство в виде Российской империи, осно-

воположник российских науки и образования и реформатор русского языка М.В.Ломоносов впервые комплексно сформулировал три стратегические задачи, которые должно было решить Российское государство, чтобы обеспечить устойчивое и нормальное развитие и играть отведенную ему историей роль. Эти три программные задачи сводятся к следующему.

Во-первых, «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке»¹⁶.

Во-вторых, «когда... желаемый путь по Северному океану на восток откроется, тогда свободно будет укрепить и распространить российское могущество на востоке, совокупляя с морским ходом сухой путь по Сибири на берега Тихого океана»¹⁷.

В-третьих, одной из ключевых задач российской власти великий ученый считал «сбережение» и «приумножение российского народа» не менее чем по 1 млн. новорожденных в год. Одновременно он придавал важное значение налаживанию добрых отношений русского населения с коренными народами Сибири и Дальнего Востока.

Прошло более 250 лет, но поставленные М.В.Ломоносовым три стратегические задачи как условия успешного развития России по-прежнему остаются нерешенными и исключительно актуальными.

Выдающиеся умы России и в последующие времена также неоднократно подчеркивали исключительную важность развития и освоения Сибири и решения вышеназванных задач. При этом особо указывалось на необходимость осознания политиками, всей российской элитой геополитической реальности - крайне необычного евразийского географического положения России и подчеркивалась важность использования международного фактора - сотрудничества с нашими дальневосточными соседями в освоении Сибири и Дальнего Востока. Особое внимание при этом обращалось на необходимость укрепления взаимодействия, взаимопонимания и даже союзнических отношений с Китаем.

Великий ученый и патриот России Д.И.Менделеев в своем труде «Заветные мысли» делал особый акцент именно на важности российско-китайского сотрудничества. Он указывал, что оно имеет непреходящее значение для создания благоприятных условий развития наших стран. Ученый писал: «Всегда бывший оригинально самостоятельным Китай может вырасти еще более сильно, и нам

это будет тем более пригодно, чем больше мы сдружимся с китайцами к тому времени»¹⁸.

Отмечая значение российско-китайского сотрудничества для общего мироустройства, Д.И.Менделеев подчеркивал: «Союз России с Китаем будет предтечей общего мирного союза уже по той причине, что в нем было бы более трети всех людей и он не мог бы быть иным, как чисто мирным и охранительным, тем более что у обоих союзников целая бездна настоятельных внутренних потребностей и столько ресурсов, сколько нет ни в одной паре остальных государств, а показывать кулаки оба таких союзника, как Россия с Китаем, и не хотят, и не привыкли»¹⁹.

В первое пятилетие после распада Советского Союза российская политика приобрела уродливую и односторонне прозападную ориентацию в экономической, гуманитарной и других сферах. Разрушительные последствия такого неоправданного уклона известны и не требуют подробных комментариев. Постепенное выправление тяжелого однобокого крена началось с кратковременного премьерства Е.М.Примакова. Затем эта тенденция получила постепенное развитие и укрепление в течение президентства В.В.Путина. Позитивные итоги этого курса - укрепление внутренней стабильности в России и ее международного положения - наглядное свидетельство конструктивного характера евразийской ориентации.

По нашему мнению, любая стратегическая концепция развития России как страны в целом, так и того или иного ее региона не может не учитывать и должна учитывать евразийскую геополитическую сущность нашей цивилизации. Поэтому планы экономического и социального развития Российской Федерации до 2030 года и региональные программы долгосрочного развития должны базироваться на парадигме евразийства.

Концепция России как евразийской державы требует серьезного реформирования нынешней системы управления экономикой и глубоких изменений форм и методов управления регионами из центра.

Во-первых, жесткий политический моноцентризм, диктуемый огромными пространствами и наличием порождаемого на местах сепаратизма, ролью региональных факторов, тем не менее должен сочетаться с необходимым учетом географического, культурного, социального своеобразия регионов и предусматривать в экономическом плане значительный потенциал региональной самостоятельности, права регионов к творческому самосовершенствованию и

видоизменению, права адаптировать поступающие из центра общие указания к местным условиям.

Во-вторых, подлинное решение задач развития России как евразийской державы требует серьезного реформирования ее административно-экономической системы, укрупнения административных структур. Опыт экономического подъема развитых стран Запада, США и Японии, а также Китая дает пример разделения функций управления процессами развития экономики между столицей и региональными центрами.

В Америке политический центр (Вашингтон), экономические центры обладают значительными правами в самоуправлении и решении экономических проблем: Нью-Йорк, Филадельфия, Атланта - на восточном побережье; Чикаго, Детройт, Канзас-Сити - в центре страны; Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Сан-Диего - на западном побережье. В Китае Пекин, являясь политическим и экономическим центром, вместе с тем делит экономические права в управлении с такими крупнейшими экономическими и культурными центрами, как Шанхай, Шэньян, Харбин, Чанчунь, Тяньцзинь, Чунцин, Ухань, Гуанчжоу, Тайюань, Сиань, Урумчи. В Японии также, помимо столицы Токио, центрами экономического развития являются Осака, Киото, Саппоро, Ниигата. В Германии экономические рычаги распределены между Берлином, Гамбургом, Франкфуртом, Мюнхеном, Дюссельдорфом, Кельном, Лейпцигом и т. д.

К сожалению, в России абсолютно доминирующим центром не только в политическом, но и экономическом и во всех других отношениях является Москва, в которой, кстати, концентрируются основные финансовые потоки. Другие крупные регионы, даже именуемый второй столицей Санкт-Петербург, играют в этом плане все же второстепенную роль. Что же касается крупных уральских, сибирских и дальневосточных центров, то их значение в большей степени ограничивается узко экономическими возможностями в той или иной сфере. Банки в Сибири и на Дальнем Востоке в силу ограниченных финансовых возможностей не могут играть должную роль в деле стимулирования, инвестирования и социально-экономического подъема этих регионов и нередко являются крупными региональными меняльными конторами.

Для более эффективного решения социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока в перспективе стоило бы подумать об укрупнении, создании трех общерегиональных центров

не только экономического, но и политического регулирования - в Западно-Сибирском, Восточно-Сибирском и Дальневосточном регионах. Координатором всей этой работы, видимо, должен являться высокоавторитетный государственный деятель в рамках первого вице-премьера.

В США, Японии, Австралии, Канаде, некоторых латиноамериканских странах имеются специальные государственные структуры и министерства, регулирующие развитие отсталых регионов. Так, в Японии длительное время был министр по развитию Хоккайдо. Ныне в России создана структура представителей президента в регионах. Это решение в правильном направлении, но оно требует дальнейшего совершенствования как в административно-политическом, так и финансовом плане.

Парадигма современного российского евразийства отражает особенности геополитического и цивилизационного развития нашей страны и отнюдь не привязывается к той или иной прозападной или проазиатской ориентации. Наоборот, именно насаждение евроцентризма подрывает международные позиции России и, по сути дела, превращает ее в младшего партнера Запада, его сырьевой придаток.

Неоевразийство выступает альтернативой евроцентризму и вульгарному западничеству не только с точки зрения внутренней консолидации России как единого многонационального государства, но и в международном плане, поскольку противодействует нивелированию национальных культур и концепциям однополярности, создает идейно-теоретические, политические и цивилизационные (прежде всего цивилизационно-культурные) основы формирования полицентричного мира и процветания мировой цивилизации как симфонии многообразных культур.

Впоследствии тема множественности путей развития на время ушла на второй план - торжество Запада после распада СССР породило иллюзию всемогущества евро-американской модели, тогда как азиатский финансовый кризис 1998 года поставил под сомнение жизнеспособность «экономических чудес» Восточной Азии. Однако ныне Китай, сохранивший в условиях мирового кризиса беспрецедентно высокие темпы роста, демонстрирует, что достижение целей развития и модернизации более не привязано к копированию западных рецептов.

Разразившийся в конце первого десятилетия XXI века мировой финансово-экономический кризис приобрел системный характер. Он обнажил несостоятельность основных тезисов сторонников ли-

берализма, стремившихся заставить весь мир поверить во «всеомогущество» рынка, якобы способного «самостоятельно», без всякого вмешательства государства обеспечить экономический рост и процветание. Теперь правительства ведущих западных стран не жалеют сил и средств, чтобы не допустить глубокого спада своих экономик и ускорить темпы восстановления.

Кризис продемонстрировал ограниченность западной модели и опасность политики «всеобщей вестернизации» для стран, принадлежащих к иным культурам. Серьезные проблемы в мировой экономике стали стимулом для переосмысления тезиса о «всеобщности» западных ценностей. Кризис напомнил человечеству, что драматические конфликты двух последних десятилетий коренятся не только в военных акциях Запада во главе с США в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, но и в настойчивых попытках и угрозах силового решения Западом своих споров с Ираном и КНДР - все эти очаги напряженности возникли в том числе по причине нежелания и неспособности Запада уважать цивилизационные и культурные ценности других стран, их образ жизни и путь развития. Самый свежий пример проявления такой политики - события на Украине.

Звучавшие на Западе утверждения о возможности создания глобальной стабильности в условиях моноцентричного мира при доминировании одной сверхдержавы сопровождались рассуждениями о неизбежности и естественности столкновения западных и восточных систем ценностей и цивилизаций. Эти теоретики и вдохновленные ими политики были твердо убеждены в неоспоримом всестороннем превосходстве и универсальном совершенстве евроатлантической и американской цивилизаций, отождествляя их с мировой цивилизацией. События в Ираке и Афганистане показали, что западная коалиция может силой оружия свергнуть неугодную ей власть в другой стране.

Кризис напомнил и о том, как тесно связаны между собой страны современного мира. В одиночку справиться с проблемой такого огромного масштаба невозможно. Уроком кризиса должно стать утверждение идеи необходимости сотрудничества между всеми странами и народами для совместного преодоления тяжелых разрушительных последствий кризиса. Та выдающаяся роль, которую играют Китай, Индия и некоторые другие неевропейские страны в поддержании развития мировой экономики, убедительно показала

важность и необходимость налаживания конструктивного диалога цивилизаций Запада и Востока.

В этой связи уместно помнить, что даже сам автор концепции «столкновения цивилизаций» отмечал: «В конце двадцатого столетия концепция универсальной цивилизации помогает оправдывать западное культурное господство над другими обществами и необходимость для этих обществ копировать западные традиции и институты. Универсализм - идеология, принятая Западом для противостояния не-западным культурам»²⁰.

За несколько десятилетий до С.Хантингтона Лев Гумилев развернуто сформулировал схожую мысль следующим образом: «Исторический опыт показал, что, пока за каждым народом сохранялось право быть самим собой, объединенная Евразия успешно сдерживала натиск и Западной Европы, и Китая, и мусульман. К сожалению, в XX веке мы отказались от этой здоровой и традиционной для нашей страны политики и начали руководствоваться европейскими принципами - пытались всех сделать одинаковыми. А кому хочется быть похожим на другого? Механический перенос в условия России западноевропейских традиций поведения дал мало хорошего, и это удивительно»²¹.

В течение последнего столетия Россия неоднократно сталкивалась с серьезными вызовами. В одних случаях она оказывалась сильно ослабленной, в других - у нее появлялся шанс для поиска новых путей возрождения, собирания заново своего народа и своих земель. Чтобы преодолеть эти вызовы, народы России понесли громадные жертвы. Так было в годы Первой мировой войны и последовавших затем Октябрьской революции и Гражданской войны. Возникший после революции 1917 года Советский Союз построил новое мощное государство. В начале 1940-х годов фашистская Германия бросила СССР смертельно опасный вызов. Народы советской страны, воодушевленные героизмом и самоотверженностью русского народа, вышли победителями в Великой Отечественной войне, спасли человечество от фашистской чумы и помогли разгромить японский милитаризм.

На волне эйфории после распада СССР (1991 г.) Запад объявил себя «победителем» и де-факто предъявил России ультиматум. Один из главных идеологов борьбы с Россией как субъектом мировой истории З.Бжезинский в своих сочинениях подробнейшим образом излагал претензии и требования Запада к России, формулировал

правила «цивилизованного поведения», которым, по его мнению, Россия должна следовать. Он рисовал сценарии, схемы и географические карты новых стран, на которые, по его расчетам, должна была распасться единая российская держава²².

Пространство Евразии, где находился Советский Союз и которое ныне является местоположением России, Бжезинский назвал «главным геополитическим призом для Америки»²³.

Распад Советского Союза, колоссальное давление Запада на Россию, его откровенное и циничное вмешательство во внутренние дела суверенного Российского государства, настоящая культурная экспансия массовой культуры привели к опасному размыванию государственной и цивилизационной идентичности России и ее граждан. Ныне перед нашей страной остро стоит вопрос: «Что есть Россия и каков путь ее развития?»

Найти ответ можно лишь на пути творческого осмысления нашей многовековой истории и извлечения уроков из прошлого, объективного анализа благоприятных и неблагоприятных внутренних и внешних условий развития нашей государственности и цивилизации. На повестке дня стоят задачи осознания евразийской геополитической и цивилизационной реальности России в контексте определения стратегии подъема страны, развития ее экономики и культуры.

Эти задачи должны быть реализованы в условиях *поддержания добрых отношений сотрудничества и взаимодействия со всеми государствами Запада и Востока в условиях глобализации*. Принципы нового евразийства должны стать методологической и идейной основой долгосрочной стратегии развития и обустройства России как единого многонационального государства, неотъемлемой частью ее внешнеполитической доктрины. Они являются краеугольным камнем обеспечения безопасности нашей страны, сохранения ее территориальной целостности, укрепления суверенитета и авторитета на международной арене.

Нельзя не согласиться с выдающимся русским ученым, теоретиком нового евразийства Л.Н.Гумилевым: «Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство»²⁴. Но важно помнить, что в том же предсмертном интервью ученого, ставшем его научным завещанием, также сформулирован и его знаменитый «евразийский тезис»: «Надо искать не столько врагов - их и так много, а надо искать дру-

зей, это самая главная ценность в жизни. И союзников нам надо искать искренних. Так вот, турки и монголы могут быть искренними друзьями, а англичане, французы и немцы, я убежден, могут быть только хитроумными эксплуататорами»²⁵.

В современных условиях, когда для существования и развития евразийской интеграции жизненно значимо ее сопряжение с интеграционными процессами в Евро-Атлантическом регионе и АТР, важно, однако, и не абсолютизировать этот тезис, особенно в его прикладном политическом понимании. Как нам кажется, именно по этому пути пошел, к сожалению, А.Г.Дугин, подчеркивая, что «евразийцы вплотную подошли к основному закону геополитики, утверждающему, что *между евразийской метацивилизацией, ядром которой является Россия, и западным атлантическим сообществом изначально существует неснимаемое противоречие*. Противоречие, при котором исключен любой продуктивный синтез или жизнеспособный стратегический альянс. *Здесь мы имеем четкую оппозицию: или мы, или они*»²⁶.

Истинному духу позитивного неоевразийства скорее соответствовал бы принцип «кто не против нас, тот с нами». Следование фундаментальным принципам равноправного диалога, сотрудничества и соразвития при поддержании отношений со странами ближнего и дальнего зарубежья на уровнях государственной и народной дипломатии обеспечит для России благоприятные внешние условия. Это будет российский вклад в построение полицентричного мира и развитие конструктивного межцивилизационного диалога в противовес различным доктринам «столкновения цивилизаций» и «конца истории».

История последних двух столетий свидетельствует, что любые попытки российской политики действовать, склоняясь в одну сторону, будь то к Европе или Востоку, неизбежно ведут к раскачке фундамента общества и подрывают основы культурной идентичности народов, лишают страну гибкости в принятии ключевых решений о своем будущем. Лишь осознание неразрывной целостности двух важнейших сторон государственной идентичности, то есть западной и восточной, позволяет России уверенно и стабильно двигаться вперед.

Для внутреннего и международного благополучия России необходимо последовательно придерживаться принципа равновесности, равнозначности внимания как западному, так и восточному азимутам внутренней и внешней политики. Другими словами, нужно

неуклонно следовать евразийской геополитической идентичности России, символическому выражению в двуглавом орле нынешнего государственного герба.

Еще во второй половине 1990-х годов в своей книге «Россия лицом к Азии» М.Л.Титаренко решительно оспаривал тезисы тех, кто усердно хоронил Россию, делил ее территории на различные уделы, отрицал самобытность российской цивилизации, рассматривал вестернизацию России как неизбежное и необходимое включение стран в некую «мировую цивилизацию». «Иного не дано», - провозглашали они, поскольку, по их словам, мир стоит перед лицом столкновений цивилизаций. Автор же утверждал, что иное дано: «Оно заключается в возрождении России через возрождение национального самосознания ее граждан, всех ее народов и наций, в укреплении на такой основе их сотрудничества, взаимопонимания и дружбы с целью концентрации своих усилий на развитии экономики, культуры и образования, науки Отечества. Иное состоит в неустанном заботливом пестовании отечественных корней культуры, ибо только тогда воспрянувшая демократическая Россия предстанет не жалким слепцом Запада, не его заурядным эпигоном, а солидным, заслуживающим уважения партнером других стран, будь то Европа или Азия, Африка или Америка»²⁷.

Идея евразийской идентичности геополитического положения России и ее цивилизации имеет основополагающее значение для здорового развития страны, обеспечения ее целостности и внутренней стабильности.

Только Россия, основывающаяся на евразийской парадигме, стержень единства и взаимодействия цивилизаций, способна решить проблемы возрождения, сохранения своей территориальной целостности, подъема культур всех населяющих ее народов и расцвета русской культуры.

Только Россия, базирующаяся на евразийской парадигме, способна играть важную роль и взаимодействовать в рамках таких международных структур, как ШОС, РИК и БРИКС, вести диалог в рамках АТЭС, Регионального форума АСЕАН по безопасности и Форума «Азия - Европа», активно участвовать в совещаниях по взаимодействию и мерам доверия в Азии и Восточноазиатских саммитах. Лишь на платформе евразийства российская дипломатия сможет наиболее продуктивно работать в рамках ШОС и АТЭС и вносить свой вклад в преодоление разделительных линий в Азиат-

ско-Тихоокеанском регионе и налаживание равноправного сотрудничества в рамках «Большой двадцатки».

Только Россия как евразийская держава способна добиться признания равноправия и взаимовыгодности ее суверенных отношений с Европейским союзом и США, наладить отношения с новыми растущими экономиками, интегрироваться в региональные структуры.

Геополитические и геоэкономические аспекты евразийской интеграции делают весьма актуальным замечание В.В.Путина о том, что «экономически логичная и сбалансированная система партнерства Евразийского союза и ЕС способна создать реальные условия для изменения геополитической и геоэкономической конфигурации всего континента и имела бы несомненный позитивный глобальный эффект»²⁸.

Не менее важно помнить и о необходимости сопряжения евразийской интеграции с интеграционными процессами в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который превращается в центр мировой экономики и политики. Подобно тому, как Дэн Сяопин потратил несколько лет, чтобы очистить и освободить сознание кадров, всей активной части населения Китая от маоистских догм бедного социализма, так и подлинное развитие и расцвет ЕАЭС и его многостороннее сотрудничество, синергетическое соразвитие с «Экономическим поясом Шелкового пути» (ЭПШП) может основываться лишь на цивилизационном фундаменте евразийской, тихоокеанской идентичности России. Это потребует преодоления евроцентристской парадигмы, другими словами, созидательного освоения значительной частью политической и деловой элиты именно евроазиатской, тихоокеанской идентичности, освобождения и идейного перевоспитания сознательной части российского общества.

Евразийская Россия никому не навязывает свои взгляды и свой образ действия. Наша страна открыта для конструктивного диалога с представителями культур Запада и Востока. Сохранение и развитие евразийской идентичности России будет способствовать внутренней консолидации страны, укреплению ее территориальной целостности, сделает ее надежным и перспективным партнером для всех стран мира.

Таким образом, сегодня с полным правом можно утверждать, что традиционно сложившегося понимания евразийства недостаточно, нужно дать ему новое определение, новый понятийный аппарат. Это позволит модернизировать национальную идентичность многонационального российского народа и продолжить ее формирование на

основе полифоничности, соразвития, синтеза всего лучшего в мире, адекватного осознания наших возможностей и перспектив.

¹ *Путин Владимир*. Стенограмма выступления на встрече с активом партии «Единая Россия». Москва, 24 апреля 2012. Цит. по: <http://eurasian-movement.ru/archives/2136>

² *Пивовар Е.И.* Русский язык и русский мир как факторы социокультурного диалога на постсоветском пространстве// Пленарное заседание «Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры». Цит. по: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2010_Sbornik/Tom_1_2010/000_Plenarnoe_zasedanie/056_E.I.Pivovar.pdf

³ Этот специфический термин ввел П.Н.Савицкий, и его охотно использовал и развивал в своих работах Л.Н.Гумилев. Цит. по: *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 10.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Как справедливо отмечает проф. С.Б.Лавров: «Евразийцы выступали за сохранение самобытности этносов, но никогда - за узкий национализм». Цит. по: *Гумилев Л.Н.* Указ. соч.

⁶ Духовная культура Китая: Энциклопедия: в 6 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко. Т. 1. М., 2006. С. 284-285, 462-464.

⁷ Подробнее см.: *Титаренко М.Л.* Россия лицом к Азии. М., 1998. С. 5-10, 13-79.

⁸ *Вернадский Г.* Начертание русской истории. М.: Алгоритм, 2007. С. 16.

⁹ *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М.: Эксмо, 2007. С. 291.

¹⁰ *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество. София, 1920.

¹¹ *Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории. М., 2002. С. 226.

¹² Русская доктрина (Сергиевский проект) / Под ред. А.Б.Кобакова и В.В.Аверьянова. М., 2008. С. 29-30.

¹³ Там же. С. 29.

¹⁴ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 76.

¹⁵ Там же, С. 81.

¹⁶ *Ломоносов М.* Записки по русской истории. М., 2003. С. 392.

¹⁷ Там же. С. 388.

¹⁸ *Менделеев Д.* Заветные мысли. М., 1995. С. 375.

¹⁹ Там же. С. 376.

²⁰ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 90-91.

²¹ *Гумилев Л.* От Руси до России. Очерки этнической истории. М.: Айрис Пресс, 2008. С. 292.

²² См.: *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998. С. 64, 108-148, 239-240; *Бжезинский З.* Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2006.

²³Бжезинский З. Великая шахматная доска... С. 43.

²⁴Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 31.

²⁵Там же. С. 13.

²⁶Дугин А.Г. Евразийство: от философии к политике // Основы евразийства. М.: Арктогея-центр, 2002. С. 17.

²⁷Титаренко М.Л. Россия лицом к Азии. М., 1998. С. 6. Дальнейшее развитие и обогащение эти идеи получили в книгах: Титаренко М.Л. Китай: цивилизации и реформы. М., 1999; Титаренко М.Л. Россия. Безопасность через сотрудничество: восточноазиатский вектор. М., 2003; Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай - Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006; Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008.

²⁸Путин Владимир. Новый интеграционный проект для Евразии - будущее, которое рождается сегодня. Известия. 3 октября 2011 // <http://izvestia.ru/news/502761>

Ключевые слова: евразийство, неоевразийство, русская и российская культура, масскультура, концепция «столкновения цивилизаций», глобализация.

Василий ЛИХАЧЕВ

Член Центральной избирательной
комиссии РФ
ruteshev@gmail.com

Международный договор в практике Евразийского экономического союза

Евразийский экономический союз - новая, стратегически важная для современных международных отношений структура. Согласно учредительному договору от 29 мая 2014 года, ЕАЭС является «международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью». Основные цели организации, в которую сегодня входят пять суверенных и равноправных государств - Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия, - создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики (ст. 4).

Определен и прагматичный инструмент их достижения - «право Союза». Его интегральные части (ст. 6) - собственно Договор 2014 года; международные договоры в рамках Союза; международные договоры

Союза с третьей стороной; решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного экономического совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза. Центральное место в этом перечне источников категория «международный договор» - факт закономерный, логичный. Он отвечает политическим и нормативно-юридическим традициям современных интеграционных процессов в мире. Подтверждение тому - опыт Европейского союза, Таможенного союза, Единого экономического пространства, Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), ШОС, МЕРКОСУР и других известных формирований, действующих по критериям основных принципов международного права и Устава ООН.

Обладая собственной спецификой и индивидуальностью, Договор о ЕАЭС принимает во внимание накопленный опыт и вписывается в архитектуру интеграционного мира. Делается это посредством согласованных, в частности преамбулой, положений о руководстве сторонами принципами суверенного равенства государств, необходимостью безусловного соблюдения принципов верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина. Свою роль играет декларация о признании норм, правил и принципов Всемирной торговой организации. Особое значение имеет зафиксированное членами объединения подтверждение об их совместной и персональной приверженности целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, а также другим общепризнанным принципам и нормам международного права.

Гармоничному и перспективному статусу Договора 2014 года в международном пространстве служит и ст. 116 о регистрации Договора в Секретариате Организации Объединенных Наций. Задачам политической респектабельности Договора о ЕАЭС отвечает еще один важный момент. Документ создавался не с «нулевого» цикла. Он был в процессе формирования соотносим с действующим правовым массивом по нескольким направлениям. В Пояснительной записке Правительства Российской Федерации к проекту Федерального закона «О ратификации Договора о Евразийском экономическом союзе» от 13 августа 2014 года отмечается, что «при подготовке Договора проведена работа по кодификации договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства в целях оптимизации действующих норм, устранения отсылочных

норм, исключения противоречий, восполнения пробелов, а также приведения ее в соответствие с правилами и нормами Всемирной торговой организации. Кроме того, была использована договорно-правовая база Евразийского экономического сообщества в части, не противоречащей договоренностям в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства».

Синтетический характер Договора о ЕАЭС, что не противоречит Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, усиливает, с нашей точки зрения, его юридическую природу, содействует эффективному правоприменению и, естественно, влияет на политический авторитет соглашения. Поэтому нет никакого противоречия в том, что по воле государств-участников сохранили свое действие 56 международных договоров, заключенных в рамках ЕврАзЭС и дальнейшую реализацию которых эти страны сочли целесообразной. Такого, внешнеинтеграционного, свойства конструкция Договора, заложенная изначально в его концепцию и нормативное содержание, играет эффективную роль. Свидетельство тому договоры о присоединении к Договору о ЕАЭС Республики Армения и Киргизской Республики, вступившие в силу в 2015 году.

Отметим, что в каждом договоре существует специальная статья (ст. 6 для Договора о присоединении Республики Армения к Договору о ЕАЭС и ст. 11 Договора о присоединении Киргизской Республики к Договору о ЕАЭС), согласно которой эти договоры входят в право Евразийского экономического союза. Новое позитивное подтверждение - подписание 29 мая 2015 года первого преференциального торгового договора ЕАЭС - Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны.

Перспективы дальнейшей международно-интеграционной синергии ЕАЭС и, соответственно, его фундамента - Договора 2014 года (вместе с его 33 приложениями) останутся высокими. Об этом говорят политические декларации о его сопряжении с проектом «Экономического пояса Шелкового пути», о строительстве зон свободной торговли с более чем 40 странами мира (среди них - КНР, Египет, Индия, Иран, Пакистан, Зимбабве, Тунис, Сирия, Иордания, Монголия, Албания, Израиль, Таиланд, Индонезия, Камбоджа и другие страны), о взаимодействии с Европейским союзом, другими международными структурами. Не исключено, что в целях торгового-

экономической, валютно-финансовой безопасности в мире следует проанализировать точки соприкосновения ЕАЭС с другими зарождающимися трансрегиональными проектами. Это могло бы сохранить и модернизировать право ВТО.

Политико-общественное признание в мире Договора 2014 года - следствие многих, в том числе стратегических, факторов. Естественно, одно из главных условий - современное содержание договорно-правового регулирования, в нем заложенного, и его эффективная имплементация. На этом пути достигнуты первые серьезные итоги. Пример тому - функционирование в ЕАЭС режима Таможенного союза; сформированное в рамках Союза единое экономическое пространство, позволяющее, в частности, государствам-членам проводить координацию экономической политики в отношении ключевых отраслей; согласованная макроэкономическая политика; утвержденный перечень секторов (подсекторов) услуг, в которых функционирует единый рынок услуг в границах ЕАЭС; функционирование на территориях государств - членов Союза общего рынка труда, реализация свободы передвижения рабочей силы; возможность применения национального режима для граждан государств-членов в части социального обеспечения, в том числе медицинского обслуживания, и другие.

Договорно-правовое позиционирование, составляющее суть учредительного Договора (он включает, учитывая многообразие и многоуровневность управления интеграционными процессами, 118 статей), выполняет несколько функций. Назовем некоторые. Во-первых, оно образует собственно юридический фундамент организации. Так, на этой базе решаются вопросы компетенции субъектов интеграции. В соответствии, например, со ст. 5 Договора, Союз наделяется компетенцией в пределах и объемах, установленных настоящим Договором и международными договорами в рамках ЕАЭС. В статье отмечается, что государства-члены осуществляют скоординированную или согласованную политику в пределах и объемах, установленных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза.

Во-вторых, договорные правила в редакции 2014 года ориентированы на формирование комплексов согласования, гармонизации и сближения национальных правовых систем государств - участников Договора о ЕАЭС, появление оригинальных юридических конструкций региональной интеграции. В случае их создания и апробации они могут выйти за рамки Союза в широкое международное пространство. Этой стороне учредительный Договор уделил самое

серьезное внимание. Пример тому - ст. 2, посвященная раскрытию используемых определений. В ней системно говорится о применении в рамках единой политики государствами-членами унифицированного правового регулирования, о гармонизации правового регулирования как элемента «согласованной политики», раскрывается смысл «унификации законодательства» как сближения законодательства государств-членов, направленного на установление идентичных механизмов правового регулирования в отдельных сферах, определенных настоящим Договором.

Таким образом достигается общий для Союза юридический тренд, который входит в право ЕАЭС и евразийское право в целом. Заметим, что подобный подход (как цель, как конкретная практика) присущ и другим интеграционным образованиям. Так, Программа действий по реализации Договора 1999 года о создании Союзного государства между Российской Федерацией и Республикой Беларусь в числе центральных задач закрепила унификацию национальных законодательств в различных областях правового регулирования в процессе формирования правовой системы Союзного государства. Эта же линия продолжена и в другом действующем документе - Приоритетные направления и первоочередные задачи дальнейшего развития Союзного государства на среднесрочную перспективу (2014-2017 гг.). В разделе «Правовая сфера» (п. 10) закреплено, что законодательная основа союзного строительства по ряду направлений требует дополнительной унификации, в частности, в налоговой сфере и вопросах обеспечения равных прав хозяйствующих субъектов, включая малый и средний бизнес. Учитывая опыт, накопленный Россией и Беларусью в этом проекте, а также тот факт, что они одновременно в числе учредителей Евразийского экономического союза, достигнутый уровень унификации может стать объектами в процессе нормотворчества ЕАЭС.

В-третьих, Договор от 29 мая 2014 года уделяет квалифицированное внимание кардинальным вопросам международно-правовой политики. Например, четко решается проблема преемственности и нового, в рамках Союза, признания, точнее, подтверждения, его членами своих юридических обязательств. Так, в соответствии со ст. 90 («Правовой режим объектов интеллектуальной собственности»), государства-члены осуществляют деятельность в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности согласно нормам 11 основополагающих международных дого-

воров (перечень дается в п. 3). Более того, содержится важное для развития этой отрасли положение. Его суть - государства-члены, не являющиеся участниками указанных международных договоров, «принимают на себя обязательство по присоединению к ним». И подобных, позитивных, примеров в тексте Договора 2014 года немало, что усиливает его цивилизованность и политико-юридическую солидность.

Договор о ЕАЭС служит примером рационального подхода в решении и другого вопроса, весьма актуального при создании и запуске новой интеграционной организации. Речь идет о Приложении №33, фиксирующем Протокол о прекращении действия международных договоров, заключенных в рамках формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства, в связи с вступлением в силу Договора о Евразийском экономическом союзе. Согласно документу, с 1 января 2015 года прекратили свое действие 65 международных актов. Такая линия, отвечающая критериям общего международного права, обеспечивает эффективность и юридический экономизм правового обеспечения интеграции в форме ЕАЭС.

В-четвертых, договорные установления (генерального и конкретного свойства) ориентированы на содействие собственно эффективного функционирования интеграционной организации через развитие, политико-правовую инновацию. Отметим, что к этой стороне государства - члены ЕАЭС подошли творчески, с элементами планирования и прогнозирования. Подтверждение - Рабочий план разработки актов и международных договоров в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

План представляет собой структурированный по разделам Договора о ЕАЭС перечень актов, нормативно-правовых и иных документов по направлениям деятельности Комиссии и задачам курирующих департаментов. Он содержит 125 актов и международных договоров. По состоянию на 1 января 2016 года из 125 документов утверждено 59 документов, в том числе один документ на постоянной основе, 45 документов, которые должны были быть утверждены в 2014 году, десять документов, которые должны были быть утверждены в 2015 году, и три документа, которые должны были быть утверждены в 2016 году. Таким образом, правотворческий, нормативно-регулятивный процесс в рамках ЕАЭС следует признать достаточно эффективным.

Все это - наглядное и резонное проявление закрепленной в ст. 1 Договора нормы-принципа об обладании Союзом качества международной правосубъектности, составная часть которой - договорная правоспособность.

Рабочий план отличается разнообразием направлений нормирования. Среди них - организация деятельности Евразийского экономического союза; вопросы деятельности Суда ЕАЭС; финансовые вопросы деятельности Союза; вопросы обеспечения деятельности ЕАЭС; информационное взаимодействие в рамках ЕАЭС; макроэкономическая политика; экономика и финансовая политика; интеллектуальная собственность, промышленность и агропромышленный комплекс; техническое регулирование; санитарные, ветеринарные и фитосанитарные меры, защита прав потребителей; таможенное регулирование; энергетика и инфраструктура; конкуренция и антимонопольное регулирование; регулирование обращения лекарственных средств и медицинских изделий; внешнеторговая политика.

В рамках имплементации Рабочего плана достигнуты серьезные результаты, которые повышают уровень договорной презентабельности Евразийского экономического союза и влияют, вне всякого сомнения, на его политический авторитет как организации региональной интеграции. Назовем некоторые разработанные и согласованные, а также планируемые международные договоры. Среди них - о порядке заключения Евразийским экономическим союзом международных договоров; о порядке обмена информацией, содержащей сведения, отнесенные к государственной тайне (государственным секретам) или к сведениям ограниченного распространения; договор между Судом ЕАЭС и Республикой Беларусь об условиях пребывания Суда Евразийского экономического союза на территории Республики Беларусь; о согласованных подходах к регулированию валютных правоотношений и принятии мер либерализации; о требованиях к осуществлению деятельности на финансовых рынках; об обмене информацией, в том числе конфиденциальной, в финансовой сфере, в целях создания условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала; о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности; о едином порядке управления авторскими и смежными правами на коллективной основе; о принципах и подходах к гармонизации законодательства государств - членов Евразийского экономического союза в сфере государственного

контроля (надзора) за соблюдением требований технических регламентов ЕАЭС; о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза; о формировании общего электроэнергетического рынка Союза, содержащий в том числе единые правила доступа к услугам субъектов естественных монополий в сфере электроэнергетики; о формировании общего рынка газа ЕАЭС, содержащий в том числе единые правила доступа к газотранспортным системам, расположенным на территориях государств - членов Союза; о формировании общих рынков нефти и нефтепродуктов ЕАЭС; о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках Союза и др.

Обращает на себя мультипредметный критерий указанного документа, а также, что логично, не закрытый перечень договорных и иных инициатив. Право на их разработку, как следует из текста Договора, имеют соответствующие органы Союза (ст. 8). Им принадлежит компетенция и в отношении как бы внешнего договороразношения. Так, согласно ст. 12 (п. 15), Высший совет принимает решение о переговорах с третьей стороной от имени Союза, в том числе о заключении с ней международных договоров Союза и наделении правом вести переговоры, а также о выражении согласия Союза на обязательность для него международного договора с третьей стороной, прекращении, приостановлении или выходе из международного договора. Первый год существования ЕАЭС показал формирование эффективной практики организации в области международного правотворчества и, следовательно, высокий уровень технико-юридического и материального инструментария реализации международной договорной субъектности Союза в целом.

Таким образом, можно сделать вывод о позитивном содержании концепции применения международного договора в рамках Евразийского экономического союза. С его помощью решаются важнейшие задачи становления новой региональной организации экономической интеграции в соответствии со многими современными трендами мировой политики и экономики, а также с легитимными требованиями основных принципов международного права и Устава Организации Объединенных Наций.

Ключевые слова: ЕАЭС, международный договор.

Шарбатулло СОДИКОВ

Научный сотрудник Аналитического центра
ИМИ МГИМО (У) МИД России, кандидат юридических наук,
sodikovsh@mail.ru

Константин САФРОНОВ

Эксперт Центра военно-политических исследований
МГИМО (У) МИД России, аспирант Башкирской академии
государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан,
исполнительный директор Евразийского центра «Самрау»
safronovskiy@yandex.ru

Эльнур МЕХДИЕВ

Младший научный сотрудник Центра постсоветских исследований
ИМИ МГИМО (У) МИД России, кандидат исторических наук
e.mehdiev@gmail.com

Постмайданные перспективы евразийской интеграции

Текущая геополитическая ситуация в Евразии все чаще определяется экспертами посредством одного персидского слова, означающего открытую площадку, - «майдан». Действительно, под воздействием событий на Украине изменилась геополитическая конфигурация в Центральной Азии (ЦА), а процессы евразийской интеграции столкнулись с новыми ограничителями и вызовами.

Украинский кризис 2013-2014 годов вызван попыткой дебуферизации постсоветского пространства со стороны Евросоюза. Запустив с подачи Польши и Швеции в 2009 году программу «Восточное партнерство», Брюссель посредством различных ин-

струментов, таких как «мягкая сила» («soft power») и прямое геополитическое давление, инициировал кризис государственности на Украине. В результате и без того поляризованное украинское общество окончательно раскололось на сторонников евразийской и европейской интеграции.

Следствием кризиса на Украине явилось низложение законно избранного Президента В.Януковича и практически полная утрата контроля над пылающим в огне киевским Майданом, восточной частью страны, а также Крымом. Вследствие этого, жители Крыма, около 68% населения которого составляют этнические русские, а 12% крымские татары, по итогам проведенного референдума 16 марта 2014 года приняли решение о вхождении в состав Российской Федерации. А на востоке страны фактически началась гражданская война.

Эти события серьезно повлияли на геополитическую конфигурацию в Евразии. Аналитики и эксперты в Центральной Азии сразу же начали экстраполировать логику событий на Украине на суверенитет республик региона.

Без сомнения, можно утверждать, что события на Украине сплотили российское общество. В стране наблюдается подъем патриотизма, национального самосознания, причем не только в среде этнических русских, но и всех россиян. Республика Крым, как и вся Российская Федерация, - многонациональное образование, и их воссоединение позитивно восприняли, например, в Башкортостане и Татарстане. Те преференции, которые Москва предоставляет крымским татарам, позитивно воспринимаются и элитами субъектов Российской Федерации с преобладающим тюркоязычным населением, так как это выступает свидетельством верности выбранного Москвой курса на сохранение культурного плюрализма.

Как показывают данные ВЦИОМ, Левада-Центра и др., около 90% населения страны поддерживают вхождение Крыма в состав России. Явных противников вхождения Крыма в состав России нет, но есть часть населения, которая опасается дальнейшей эскалации конфликта, дальнейшего усиления санкционного давления со стороны Запада.

Восприятие большинством населения санкций со стороны Запада полностью вписывается в тот информационный фон, который транслируется в российском обществе СМИ. В этом плане любые информационные поводы о возможных санкциях Запада в отноше-

нии России, даже самые малозначительные и смехотворные (такие, например, как прекращение военного сотрудничества Канады с Россией), работают на консолидацию российского общества и поэтому с удовольствием подхватываются официальными СМИ. Исходя из этого, санкции воспринимаются, скорее, не как оправданные, а как логичные, демонстрирующие стремление Запада ослабить Россию любыми средствами. Тем более что ряд санкций носит персональный характер и касается олигархов, отношение к которым в России негативное.

Внешнеполитические эффекты от воссоединения России и Крыма гораздо сложнее. Для перспектив евразийской интеграции было бы лучше вхождение всей Украины в Таможенный союз, однако этого достичь не удалось. Постмайданная Украина и Россия по-прежнему связаны экономически и культурно, однако охлаждения отношений избежать не получится. Впрочем, скорее всего, этот период продлится меньше, чем аналогичный этап российско-грузинских отношений.

Вхождение Крыма в Российскую Федерацию поставило в непростое положение руководство республик Центральной Азии, которые через министерства иностранных дел должны были определить официальное видение ситуации. В настоящее время Центральная Азия - это дифференцированный в плане внешнеполитических ориентаций регион, что, несомненно, сказалось на оценках событий на Украине.

Туркменистан. Официальный Ашхабад ожидаемо воздержался от каких-либо суждений по поводу событий на Украине. Такая позиция подтверждает верность курсу позитивного нейтралитета и полной незаинтересованности относительно дел других государств, включая соседей. Эта позиция, похоже, уже стала частью внешнеполитического ландшафта Евразии и не вызывает ни у кого желания побудить Г.Бердымухамедова изменить ее ввиду полной бесперспективности затеи.

Узбекистан. Наиболее прозападную позицию в крымском вопросе занял Узбекистан. МИД этой республики выступил с заявлением, в котором не упоминается референдум в Крыму, но говорится о «территориальной неприкосновенности и политической независимости любого государства». Узбекистан, как отмечается в заявлении, принимая во внимание «вековую близость украинского и русского народов», выступает за «проведение прямых двусторонних переговоров».

Довольно осторожное заявление Ташкента свидетельствует прежде всего о нежелании вмешиваться в украинские события. Однако в высказывании, пусть косвенно, но все же прослеживается западное влияние. Вполне возможно, что именно Узбекистан после 2014 года станет одним из оплотов США в Центральной Азии.

Кыргызстан. А вот МИД Кыргызстана не удалось избежать намеков на двусмысленности. С одной стороны, официальный Бишкек 11 марта 2014 года заявил, что Президент В.Янукович - нелегитимен, а единственным источником власти на Украине является народ. Однако после проведения референдума в Крыму МИД Кыргызстана признал его итоги. Несмотря на формальную логичность этих заявлений, они вызвали неоднозначную реакцию, которую несколько позднее Президент республики А.Атамбаев только усугубил своими высказываниями.

Казахстан. И наконец, Казахстан, на который западные политики оказывали больше всего давления, фактически признал результаты крымского референдума. В прессе было много спекуляций на тему «Друзья проверяются в беде». Ряд экспертов отмечал, что после Крыма Россия может оказаться в одиночестве, так как Астана никогда не поддержит решение крымчан о присоединении к России, поскольку это создаст неблагоприятный прецедент и станет угрозой суверенитету самого Казахстана, в ряде районов северной части которого преобладают этнические русские.

Однако эти спекуляции так и остались спекуляциями. Астана, как и Минск, фактически признали итоги крымского референдума, а Н.Назарбаев показал, что является верным сторонником евразийской интеграции и не рассматривает всерьез спекуляции по поводу Северного Казахстана, о которых так долго говорят в западных СМИ. Отвечая на вопрос о возможном влиянии украинских событий на евразийскую интеграцию, Н.Назарбаев в конце марта 2014 года заметил: «Не повлияет никак... Российско-украинские события взволновали и наше население тоже... Интеграционный союз в рамках ОДКБ является защитой, такое у нас не может повториться».

Позицию элит республик Центральной Азии по событиям на Украине можно считать ожидаемой. Характерно, что все страны, кроме Кыргызстана, попытались избежать паллиативных заявлений, что свидетельствует о наличии в республиках Центральной Азии своей точки зрения на украинский кризис.

Тем не менее в общественном сознании республик Центральной Азии украинский кризис породил целый каскад факторов, включая идеологемы и фобии, представляющие угрозу евразийским интеграционным инициативам России в регионе. Среди них:

1. Идеологема об экспансионистском характере внешней политики России, ориентированной, вслед за «аннексией» Крыма, на присоединение Северного Казахстана.

2. Политизированное восприятие евразийской интеграции, согласно которому цель В.Путина заключается в агрегации республик Центральной Азии в единое с Россией политическое пространство.

3. Навязывание общественности Казахстана и Кыргызстана мнения о невыгодном характере экономических и торговых контактов в рамках евразийских интеграционных структур (Таможенный союз, Евразийский экономический союз).

4. Оценки евразийской интеграции как прямой угрозы суверенитету молодых республик Центральной Азии.

5. Зависимость информационного пространства республик Центральной Азии от пророссийских и российских СМИ.

6. Размывание в восприятии молодого поколения жителей республик Центральной Азии позитивного образа победы всех народов Советского Союза во Второй мировой войне.

7. Усиление влияния националистов и русофобов на внутриволи- тическую жизнь Казахстана и Кыргызстана.

8. Инсинуации и прямые искажения слов В.Путина о государственности Казахстана.

СОВРЕМЕННЫЙ ЛАНДШАФТ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Уже прошло свыше 20 лет с момента обретения республиками Центральной Азии независимости. Для национального строительства это сравнительно небольшой срок. Напомним, что республики региона не хотели выхода из СССР, который инициировали президенты России и Украины - Б.Ельцин и Л.Кравчук, а также председатель Верховного Совета Белоруссии С.Шушкевич.

Внезапный распад СССР привел к нарушению хозяйственных и культурных связей между республиками Советского Союза, что крайне негативно сказалось на республиках Центральной Азии. После обретения независимости во всех центральноазиатских государствах

произошел спад темпов роста ВВП на душу населения [Центральная Азия, 2010. С. 159]. К сожалению, не обошлось и без кровопролития. В Таджикистане в 1992 году началась гражданская война, которая продолжалась до 1997 году и унесла жизни десятков тысяч человек.

Советская модернизация является важнейшим этапом развития Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана. Именно в период 70-летней советской истории были заложены основы государственности нынешних республик ЦА, завершился этногенез титульных этносов, осуществлена всесторонняя и масштабная модернизация республик Центральной Азии.

Сейчас в республиках ЦА очень хорошо понимают необходимость экономических и торговых контактов с Россией. Со всеми государствами региона Российская Федерация наращивает объемы экономического сотрудничества. Однако сотрудничество до сих пор носит несбалансированный характер. Российские поставки во все страны возрастают, а импорт везде уменьшается.

Сравнив показатели 2012 и 2013 годов, можно констатировать, что российские поставки во все страны возрастают (Казахстан - 13,6%; Узбекистан - 18,9%; Кыргызстан - 16,9%; Таджикистан - 6,5%; Туркменистан - 31,3%), а импорт в Россию уменьшается (Казахстан - 9,2%; Узбекистан - 10,8%; Кыргызстан - 43,7%; Таджикистан - 42,8%; Туркменистан - 30,4%) [Министерство экономического развития РФ, 2013].

Казахстан. В 2013 году объем взаимной торговли по сравнению с 2012 годом увеличился на 4,6% и составил 26,5 млрд. долларов. Российские поставки возросли на 13,6% (до 17,5 млрд. долл.), тогда как ввоз из Казахстана в Россию снизился на 9,2% (до 9,0 млрд. долл.).

Узбекистан. В январе-ноябре 2013 года товарооборот России и Узбекистана увеличился по сравнению с аналогичным периодом 2012 года на 7,5% и составил 3598,0 млн. долларов. Российский экспорт вырос на 18,9% (до 2454,1 млн. долл.), а импорт уменьшился на 10,8% (до 1143,9 млн. долл.).

Кыргызстан. В 2013 году объем взаимной торговли двух стран по сравнению с 2012 годом увеличился на 16,9% и составил 2139,6 млн. долларов, при этом российский экспорт вырос на 24,2% (до 2029,5 млн. долл.), а импорт из Киргизии уменьшился на 43,7% (до 110,1 млн. долл.).

Таджикистан. В январе-ноябре 2013 года объем товарооборота России с Таджикистаном составил 688,5 млн. долларов (увеличение к январю-ноябрю 2012 г. - на 1,9%). При этом экспорт увели-

чился на 6,5% (до 653,0 млн. долл.), а импорт уменьшился на 42,8% (до 35,5 млн. долл.).

Туркменистан. В январе-ноябре 2013 года объем российско-туркменского товарооборота составил 1450,3 млн. долларов и увеличился на 22,1% по сравнению с аналогичным периодом 2012 года. При этом поставки из России в Туркменистан увеличились на 31,3% (до 1327,6 млн. долл.), а поставки из Туркменистана в Россию уменьшились на 30,4% (до 122,7 млн. долл.) [Центральная Азия, 2010. С. 159].

Емкий, с большим потенциалом роста внутренний рынок республик Центральной Азии открывает широкие возможности для российских предприятий и банков.

Уменьшение экспорта товаров в Россию свидетельствует о том, что в постсоветский период экономика республик ЦА развивается медленнее экономики постсоветской России. Сейчас торговый оборот между соседними республиками в регионе не превышает 15-16%. Такое положение экономически затратно, ущербно и не имеет будущего. Интегративный потенциал республик ЦА сам по себе невысок. Единственный выход - интегрированная экономика. Интеграция позволит развивать в Центральной Азии более наукоемкое и энергоемкое производство [Пиримбаев, 2014].

Несмотря на кардинальные различия экономик, например Казахстана и Таджикистана, большинству стран Центральной Азии свойственны схожие экономические проблемы, такие как монополизация внутреннего рынка, слабая диверсифицированность экономики, безработица, неразвитость хозяйственной инфраструктуры и высокий уровень коррупции. Внутриэкономические проблемы приводят к росту трудовой миграции, в первую очередь в Россию.

Во многом разнородность потенциалов стран Центральной Азии и России приводят к тому, что евразийская интеграция не всегда осуществляется интенсивными темпами. Это положение наиболее очевидно на примере Узбекистана и Туркменистана. Поэтому дискуссия о том, какая из центральноазиатских стран могла бы взять на себя роль руководящего центра региона, несостоятельна или, по крайней мере, преждевременна. Казахстан равноудален от всех государств, Кыргызстан и Таджикистан сталкиваются с огромным количеством внутренних проблем и *a priori* на такую роль претендовать не могут, остальные же государства проводят политику изоляции. Следовательно, возникает вопрос о внешних силах. Варианты здесь прежние -

США, Китай, Россия и, при определенных раскладах, Турция и арабские страны.

Турецкое влияние в Центральной Азии имеет место, однако Анкара на роль активного игрока такого большого региона явно не подходит. Об этом свидетельствует во многом сугубо декларативная деятельность Совета сотрудничества тюркоязычных государств. Более того, в саммитах этой организации практически не принимают участия Узбекистан и Туркменистан*. Снижает авторитет организации и то, что в ее работе не принимает участия Россия, около 16 млн. населения которой относятся к тюркоязычным этносам.

Увеличение арабского влияния в перспективе возможно и связывается со все более ощутимым ренессансом ислама в Центральной Азии, а также с его радикализацией, что особенно заметно в Кыргызстане и Таджикистане. Тем не менее светский характер политических систем региона четко обозначает пределы этого влияния.

Несмотря на несколько ощутимых фиаско, которые США потерпели в последнее время, уходить из региона они не собираются. При этом вряд ли Вашингтон будет предлагать какие-либо реалистичные интегративные проекты в Центральной Азии. Скорее всего, США ограничатся лишь сотрудничеством с отдельными государствами в прагматичном контексте. Наиболее вероятный кандидат в этом направлении - Узбекистан, где недавно открылось представительство НАТО.

Возможности экономического сотрудничества США и республик Центральной Азии в складывающейся конфигурации значительно снижаются. Стратегия «Новый Шелковый путь» («New Silk Road») Вашингтона проявляет слабые признаки жизни, а санкционная политика США вызывает обоснованную критику в Центральной Азии, так как она нарушает принцип глобальной торговли и свободного рынка.

Китай обладает большими возможностями по наполнению экономики региона. Однако в идейном плане Пекин не может предложить ничего конструктивного Центральной Азии, поэтому он, скорее, озабочен не формированием идентичностей, а нейтрализацией негативного восприятия Поднебесной в Центральной Азии. В то же время Китай потенциально способен снести своей мощью всю государственность республик региона.

*Посещение Г.Бердымухамедовым саммита в Бодруме (Турция) 4-5 июня 2014 г. стало первым случаем участия в таком мероприятии Президента Туркменистана за всю историю.

Государства Центральной Азии готовы лишь к поэтапному расширению экономического сотрудничества с Китаем. Стремительное наращивание масштабов такого сотрудничества приведет республики ЦА к полной зависимости от Поднебесной. Молодые суверенные государства ЦА явно не готовы к созданию зоны свободной торговли с Китаем.

К тому же в республиках Центральной Азии склонны проводить параллели с положением уйгуров в Поднебесной. В последнее время Пекин взял курс на ужесточение политики подавления культурной самобытности коренного населения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, что значительно ограничивает привлекательность китайских интеграционных инициатив в Центральной Азии.

Россия же предлагает процесс интеграции с куда более выигрышными в экономическом и культурном отношении территориями. Сегодня в Центральной Азии с нескрываемым опасением говорят о сотнях тысяч китайцев, уже проживающих в Кыргызстане и Таджикистане. Тогда как русскоязычное население этих и других республик Центральной Азии негативных эмоций не вызывает по вполне понятной причине: оно уже давно адаптировалось, приняло традиционные ценности народов региона и не представляет собой угрозы идентичностям титульных наций.

Давление Запада на постсоветское пространство, казалось бы, должно препятствовать евразийской интеграции, однако, если рассуждать диалектически, оно, напротив, только способствует объединению. Постмайданная Украина - это наглядный урок краха целого политического режима, который элиты Центральной Азии проецируют на свои собственные государства. Поэтому гораздо более привлекательной для элит Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана является евразийская интеграция, свободная от взаимоувязывания принципов экономического сотрудничества с характером демократичности/авторитарности правящего режима, как это делает Запад. Логика евразийской интеграции исходит из двух простых посылов: деполитизированное экономическое сотрудничество и совместное решение проблем в секторе безопасности.

Сейчас в силу того, что между странами Центральной Азии много нерешенных вопросов (пограничные конфликты, проблемы совместного пользования гидроресурсами, поставки углеводородов, конфликты между элитами разных стран и т. д.), интеграционные проекты развиваются не так стремительно. Поэтому для углубленной интеграции необходимо, чтобы государства ЦА стали более су-

веренными, с выстроенной системой государственного управления и, соответственно, менее чувствительными к внешним угрозам, в том числе и инструментам пропагандистского воздействия.

Готовность к углублению интеграционных связей напрямую связывается с уровнем развития государственности. Неслучайно, например, Казахстан гораздо ближе к интеграции, чем Таджикистан. Характерно, что пока только в Казахстане официально рассуждали о становлении евразийской идентичности в качестве базовой. В Казахстане все отчетливее прослеживаются сегрегационные модели использования медийных возможностей акторов русскоязычного и казахоязычного информационного пространства. Углубление разности содержания транслируемых в этих медиапространствах информационных сообщений в среднесрочной перспективе способно привести к поляризации общества, активизации русских националистов и эскалации масштабных этнических конфликтов.

Такое развитие событий выгодно западным акторам, которые заинтересованы в усилении в медийной сфере позиций казахстанских националистов (А.Сарым, Ж.Туякбай, И.Амантай, Р.Жумалы и др.). К мнению о зависимом характере националистов, их неспособности предложить другие векторы развития страны склоняет их крайне невнятно сформулированная позиция. По сути, националисты призывают не участвовать ни в каких интеграционных объединениях, «просто подождать и все обдумать».

Сама евразийская интеграция подается в стилистике колониального дискурса. Критика евразийской интеграции носит тотальный, крайне поляризованный характер. Среди наиболее уязвимых для евразийской интеграции положений следует отметить следующие:

1. Утрата после украинского кризиса Россией авторитета, позволяющего ей осуществлять в Казахстане «мягкую силу» в виде развития Русского мира (языка, культуры, истории).

2. Авторитарный, поверхностный и коррупционный характер евразийской интеграции, не предполагающий активного обсуждения преимуществ/недостатков от участия в этих процессах Казахстана в обществе.

3. Обличение российского протекционизма, не склонного допускать казахстанскую продукцию на российские рынки.

Тем не менее Казахстан больше других республик Центральной Азии подготовлен к конструированию интеграционных процессов и возможностям получить больше преференций от этого.

Реализация отмеченных тенденций позволит элитам Центральной Азии меньше опасаться за свою безопасность и перейти от логики действий по принципу «то или это» к логике «как то, так и это», что в конечном счете обозначит новые горизонты центрально-азиатской интеграции.

Однако самая главная причина пробуксовки евразийской интеграции заключается в позиции внешних акторов. Больше всего заинтересован в крахе евразийской интеграции Запад. США устами бывшего госсекретаря Х.Клинтон выразили это довольно просто и цинично: «США постараются не допустить воссоздания Советского Союза в новой версии под вывеской экономической интеграции, - заявила Клинтон. - Сейчас делаются усилия по ресоветизации региона. Это будет называться по-другому - «Таможенным союзом», «Евразийским союзом» или еще как-нибудь в этом роде. Но не будем обманываться на этот счет - мы знаем, какова истинная цель, и пытаемся найти эффективные способы замедлить и предотвратить это» [Заявления Х.Клинтон, 2014].

В России относятся к евразийской интеграции как к рабочему, прагматичному и в то же время исторически оправданному, отвечающему стратегическим целям развития страны внешнеполитическому вектору. Ни общество, ни элиты, таким образом, не склонны к политизации этого процесса.

Примерно 70-80% населения России поддерживают процессы евразийской интеграции. Сопоставимы показатели поддержки и в республиках Центральной Азии (Узбекистан - 77%; Таджикистан - 72%; Туркменистан - 50%; Казахстан - 80%; Кыргызстан - 72%). Тем не менее в Центральной Азии часто слышны и голоса противников евразийской интеграции [Центр геополитических исследований «Берлек-Единство», 2014].

За постсоветский период в республиках Центральной Азии сформировалась целая группа людей, зарабатывающих на жизнь политикой. Это политические деятели, всевозможные эксперты, аналитики, журналисты, руководители некоммерческих организаций и ученые. Эти люди, дабы оправдать свое существование, склонны придавать политизированный подтекст самому широкому спектру явлений в республиках Центральной Азии. Именно поэтому ряд экспертов, например в Казахстане, видят в интеграционных процессах Евразии политический подтекст и стремление России ограничить суверенитет Казахстана.

Придание общественным отношениям большей политизации - важнейшая характеристика постсоветского существования таких государств, как Казахстан, Кыргызстан. В Узбекистане - и тем более Туркменистане - ситуация не сильно изменилась со времен Советского Союза: общественные отношения остаются максимально деполитизированными, а реальной альтернативой правящих режимов выступает радикальный ислам.

С одной стороны, Казахстан и Кыргызстан, при всем их различии, Узбекистан и Туркменистан, а также отчасти Таджикистан - с другой, выстраивают различные модели государственного строительства. Если Казахстан и Кыргызстан пытаются реализовывать многовекторность и допускают свободу мнения во внутривнутриполитическом процессе, то остальные республики Центральной Азии идут по закрытому варианту общественных отношений. Особенностью первой модели является значительная политизация общественных отношений, второй - полная закрытость, стремящаяся к герметичности и подавлению альтернативных точек зрения по самому широкому спектру вопросов. Эти процессы проходят в Центральной Азии на фоне доминирования кланово-племенных структур в социальных отношениях и неокрепших политических институтов, не имеющих длительного опыта собственной государственности.

СУВЕРЕНИТЕТ РЕСПУБЛИК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Реалии евразийской интеграции наталкиваются на препятствия в виде восприятия населением внутривнутриполитических процессов в категориях традиционных социальных регуляторов, таких как клановые и родовые связи. Даже советская модернизация не смогла нивелировать эти ментальные схемы. В период существования СССР можно было наблюдать своеобразный тоталитарно-традиционный симбиоз, при котором негласно государственные посты распределялись между представителями различных родоплеменных элит. Все это «заливалось соусом» советской идеологии и подавалось в готовом виде населению.

С обретением республиками Центральной Азии суверенитета произошла полная реабилитация кланово-родственных ментальных схем, которые на первых порах были выгодны правящим режимам,

так как они способствовали усиленной замене советской идеологии на этническую идентичность. К тому же такая клановая идентичность выступала в качестве защитной реакции против идеологического влияния Запада.

Однако очень скоро эта форма структуризации политической сферы выявила свою ограниченность и опасность для правящих элит и прежде всего непосредственно для глав государств. В тех государствах, где власть президента достаточно сильна (в Казахстане, Узбекистане), инерцию клановых противостояний удается преодолевать, а там, где власть первого лица слабее (в Таджикистане, и особенно Кыргызстане), значимость этого фактора по-прежнему высока. Так, например, в условиях коллапса формализованных структур современного Кыргызстана политические кланы прочно встроены в механизмы выдвижения элит. Каждый род Кыргызстана насчитывает, как правило, несколько тысяч человек и остается в современных условиях фактором социальных гарантий для населения. Наличие в составе клана или рода высокого начальника автоматически укрепляет позиции всех членов, а его поражение, напротив, снижает статус клана.

На сегодняшний день в Кыргызстане зарегистрировано около 190 политических партий, очень часто возникают новые объединения, однако большинство из них существуют лишь в форме проекта, созданного под выдвижение того или иного представителя элиты. Реальную силу имеют не политические объединения и непонятные для большинства населения названия партий, а кланово-родовые связи, опираясь на которые тот или иной политик участвует в борьбе и претендует на долю во власти. Такая система отношений обязательно включает в себя характерные для всех центральноазиатских республик отношения «патронажа», когда во всей пирамиде власти принято подбирать себе окружение из числа родственников или земляков.

Борьба между этноклановыми структурами - это борьба за распределение бюджетных ресурсов, которая связана с расстановкой сил на ключевых постах государства. Основная цель таких структур - обеспечение адаптации населения к нестабильным условиям функционирования государственных институтов. Так, например, право в стране действует весьма избирательно и специфическим образом. Право, по сути, является квазирегулятором, который служит прикрытием беззакония и ширмой для других форм регуляции,

таких как семейно-родовые, клановые и т. д. Противоречия между формальным правом и реальными типами регуляции заставляют население осуществлять стратегии своего социального поведения в категориях клановости и рода.

В этих условиях противникам евразийской интеграции при явном пособничестве Запада удастся манипулировать общественным сознанием. Несмотря на экономический характер евразийской интеграции, с подачи западных политтехнологов в общественное мнение республик Центральной Азии активно внедряется тезис о том, что евразийская интеграция в перспективе может «разрушить» суверенитет республик Центральной Азии.

Понятие «суверенитет» в так называемой Вестфальской системе международных отношений являлось структурообразующим для государственности элементом. В условиях глобализации, напротив, понятие «суверенитет» в значительной степени трансформируется, ряд исследователей даже говорит об эрозии суверенитета. Так, ученые выделяют негативный, позитивный и операционный суверенитет государства. *Негативный* суверенитет предполагает юридический, или формальный аспект государственного суверенитета, когда государство пользуется формальным признанием со стороны других государств в рамках международного права, а также обладает определенной долей действительной способности господствовать на своей территории. *Позитивный* суверенитет характеризуется способностью государства полностью распоряжаться своей территорией, будучи не только целиком независимым от других государств, но и обладая возможностью обеспечения достойными условиями существования. И наконец, политологи выделяют *операционный* суверенитет, который следует определять, исходя из контекста неравномерной глобализации, которая вынуждает государства уступать часть своего права на действие в обмен на участие в принятии важных коллегиальных решений.

Наиболее широко употребляемое определение глобализации характеризует этот процесс как рост взаимозависимостей между различными странами и сферами общества (экономикой, политикой и культурой). В то же время рост взаимозависимостей является неотъемлемым условием укрепления государственности в эпоху глобализации. Как будет развиваться экономика государства, которое не имеет рынков сбыта? Как можно обеспечить мобильность капитала и трудовых ресурсов, не вступая в интеграционные структуры?

Насколько эффективно государство может противостоять угрозам безопасности (наркотрафику, терроризму, экстремизму, контрабанде) без сотрудничества с другими странами? Это отнюдь не риторические вопросы. Ответы на них свидетельствуют о необходимости укреплять государственность посредством активного участия в интеграционных процессах.

К тому же национальные интересы, так же как и суверенитет, - это неоднозначные, сложносоставные характеристики. В эпоху глобализации акторы, формально принадлежащие тому или иному государству, отнюдь не обязательно будут следовать его интересам. Немецкий социолог Ульрих Бек выразил эту тенденцию довольно просто: «То, что хорошо Дойче банку, плохо Германии».

Отсюда следует, что «покушение на суверенитет» можно понимать очень вольно. Например, то, что противоречит интересам представителей бизнеса в той или иной стране, вполне можно объявить угрозой суверенитету страны и попытаться обрести на этой теме политический капитал. Именно такова природа протестов против евразийской интеграции в Казахстане и Кыргызстане сегодня.

Трансляция составленных на этой основе идеологием в казахоязычном сегменте СМИ способна сформировать устойчивые антироссийские и русофобские настроения, которые только усилят национальный и националистский крен развития государства.

Республики Центральной Азии - это очень молодые государства, идеология которых строится на примате национальных ценностей. В таком случае любые, даже самые позитивные, интеграционные инициативы частью общества могут быть восприняты критически, но только если политиканы будут манипулировать общественным мнением и искажать реальные факты. Сейчас это происходит как в Казахстане, так и Кыргызстане.

В эпоху глобализации национальное мировоззрение становится все более и более анахроничным, оно не может дать адекватные ответы на многие вызовы современности. Так, экономический рост невозможен без новых рынков сбыта, обеспечение национальной безопасности трудно достичь без взаимодействия с другими странами, особенно в плане противодействия таким нетрадиционным угрозам сектора безопасности, как экстремизм, наркотрафик, терроризм, киберпреступность. К тому же ограничение духовной синергии государственными рамками лишь ограничивает потенциал диалога культур.

Евразийский интеграционный проект создает предпосылки для экономической, культурной и социальной интеграции, что отвечает веяниям глобализации. Только сотрудничая в этой сфере, укрепляя сектор безопасности, можно развивать суверенитет государств. Здесь не работает логика - «или суверенитет, или интеграция». Скорее, уместна другая - «усиливая интеграцию, укрепляем суверенитет».

Логика евразийской интеграции не ведет к отказу от национальных культур и традиций, а лишь подчеркивает общность в многообразии уникальных идентичностей народов постсоветского пространства - историческую, культурную, хозяйственную, теллурическую. Евразия всегда развивалась как пересечение разных укладов, культур. Именно их взаимодействие, а подчас и противоборство, на протяжении нескольких тысячелетий определяют динамику развития континента.

Таким образом, главный и, пожалуй, единственный реальный противник евразийской интеграции - Запад. Украинские события последних месяцев (насилие на Майдане, боевые действия в Восточной Украине, сожжение сторонников федерализации в Одессе и др.) показывают, какими методами Брюссель и Вашингтон собираются препятствовать евразийской интеграции.

Представляется, что евразийская интеграция - если не неизбежный, то более чем вероятный вектор развития государств Центральной Азии. Ни молодые государства Центральной Азии, ни Россия не ориентированы на политическое измерение этого процесса, однако агрессивная политика Запада может лишь ускорить и углубить евразийскую интеграцию.

Республики Центральной Азии нуждаются в интеграции. Например, демографические показатели стран Центральной Азии, в частности большая часть молодежи в среднесрочной перспективе вынудят республики Центральной Азии к углубленной интеграции. Так, например, в Кыргызстане отмечен высокий уровень рождаемости в семьях с невысоким достатком. Аналогичная тенденция и в Узбекистане, и Таджикистане.

В отличие от республик Центральной Азии в западных странах прослеживается обратная взаимосвязь: чем выше уровень обеспеченности населения, тем ниже рождаемость. В республиках ЦА низкое социальное обеспечение населения буквально вынуждает жителей увеличивать семьи в надежде на то, что дети потом смо-

гут позаботиться о родителях. Однако здесь не следует забывать о важности конфессионального фактора, ведь в исламе считается, что детей должно быть столько, сколько послал Аллах.

Средний возраст в странах ЕС - 39 лет, в России почти такой же показатель (39,27 года), а вот в республиках ЦА показатели среднего возраста населения гораздо ниже. В Кыргызстане, например, он составляет 26,2 года, а в Таджикистане и вовсе 22,6 года.

При этом, по прогнозам демографов, в первой половине XXI века рост населения в Центральной Азии продолжится, следовательно, население будет молодеть. Эта тенденция имеет не только социально-экономическое, но и политическое измерение.

Как отмечает исследователь Д.Гладстоун, молодежь играла важнейшую роль в политическом насилии на протяжении всей истории, и наличие «молодежного бугра» (необычно высокой пропорции молодежи в возрасте 15-24 лет в общем взрослом населении) исторически коррелировало с временами политических кризисов. Большинство крупных потрясений, включая и важнейшие революции XX века в развивающихся странах, произошли там, где наблюдались особо значительные «молодежные бугры» [Коротаяев, 2014].

Для примера, в Кыргызстане после 1991 года наблюдается устойчивый рост молодого населения. Если в 1999 году в стране насчитывалось 818 тыс. человек в возрасте от 20 до 29 лет, то в 2013 году - уже 1144 тыс. человек. Вкупе с невысоким уровнем жизни этот фактор дает высокие риски политических трансформаций, в том числе и революционного характера.

В Таджикистане и Узбекистане динамика носит аналогичный характер, однако политологи не склонны говорить о предпосылках масштабных политических трансформаций. Скорее, прогнозы касаются возможности смены элит в результате «дворцовых переворотов». Это, на наш взгляд, вызвано особенностями политических систем этих государств. Политическая система Кыргызстана гораздо демократичней, чем у соседей, а следовательно, и подвержена большим рискам трансформаций, как легитимных, так и революционных, аналогичных тем, что уже наблюдались в стране в 2005 и 2010 годах.

Исходя из этого, следует заключить, что Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан жизненно заинтересованы в направлении своей пассионарной силы в виде молодежи в другие страны. Вопросы миграционной политики должны стать определяющими для этих государств, а их эффективное решение возможно на пути евразий-

ской интеграции. Вступление в Таможенный союз откроет возможности беспрепятственного перемещения рабочей силы и значительно снизит тем самым риски политических и экономических потрясений в республиках Центральной Азии.

Сейчас евразийская интеграция находится на той стадии, когда ее политизация неуместна, для этого просто нет оснований. Трудно отрицать, что в будущем возможно формирование единого, в том числе и в политическом плане, пространства, но сейчас до этого далеко, данный вопрос на повестке дня не стоит. Соответственно, и отношение у большинства населения стран - участниц Таможенного союза деполитизированное, адекватное ритму интеграции.

В то же время евразийская интеграция пока происходит больше всего в сфере энергетического сотрудничества, так как в ней больше заинтересованы элиты и крупный бизнес. Однако с углублением евразийской интеграции все больше субъектов хозяйственной активности будут приобретать выгоды. Например, сейчас в плане популяризации евразийской интеграции очень важно создать благоприятные условия для поставки сельскохозяйственной продукции кыргызстанских фермеров на рынки стран Таможенного союза.

Простые граждане смогут ощутить на себе мультипликационный эффект евразийской интеграции только в связи с развитием рынка труда. В дополнение к соглашению между Россией, Казахстаном и Белоруссией о Едином экономическом пространстве (действует с 1 января 2012 г.) Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), подписанный 29 мая 2014 года, предполагает признание документов об образовании стран-участниц, вводится понятие «заказчик услуг», который, в отличие от «работодателя», может быть и физическим лицом, а пенсионное обеспечение трудящихся регулируется законодательством постоянного проживания. Эти изменения, безусловно, повышают мобильность трудовых ресурсов и способствуют развитию интеграционных процессов.

Помимо этого, в свете готовящегося вывода из Афганистана Международных сил содействия безопасности основания для евразийской консолидации будут только возрастать: без взаимодействия России и республик Центральной Азии невозможно обеспечение коллективной безопасности Евразии.

ПОСТМАЙДАННАЯ СТРАТЕГИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ МОСКВЫ

В сложившейся конфигурации Москве важно соблюдать тонкий баланс: реализовывать свои интересы через оказание помощи, но не переходить те грани, за которыми она будет выглядеть как прямое геополитическое давление [Наумкин, 2013. С. 63].

В современной конфигурации есть основания говорить о некоей эрозии, или «майданизации» Центральной Азии. Для ее преодоления Российской Федерации и другим субъектам евразийской интеграции необходимо предпринять ряд конкретных действий, среди которых:

1. Решение стратегических вопросов углубления экономического сотрудничества в рамках Таможенного союза, в том числе и исключение различных изъятий.

2. Стимуляция путем предоставления бизнесу, ориентированному на масштабные российские инвестиции в республики Центральной Азии, преференций.

3. Нейтрализация негативных факторов пребывания в России трудовых мигрантов из Центральной Азии.

4. Позиционирование в республиках Центральной Азии позитивного опыта Республики Татарстан и Республики Башкортостан как субъектов, коренное население которых имеет в составе Российской Федерации все условия для развития их культурной самобытности и национальной идентичности.

5. Решительные действия России по поддержанию позитивного образа победителей в Великой Отечественной войне всех народов бывшего СССР, включая меры регулярной материальной поддержки ветеранов Центральной Азии.

6. Грамотное позиционирование в республиках Центральной Азии позитивного образа модели светского государства с акцентом на консервативные ценности как альтернативы вестернизации и радикализации ислама.

7. Меры по консолидации и усилению значимости экспертного потенциала сторонников евразийской интеграции в информационном пространстве республик Центральной Азии.

8. Укрепление коллективной безопасности Центральной Азии, в том числе в формате Организации Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации сотрудничества, а также инвестиции в модернизацию сектора безопасности Таджикистана и

Кыргызстана при условии проявления лояльности к России правящих режимов этих стран.

9. Интенсификация академической мобильности между вузами России и республик Центральной Азии, в том числе и в рамках сетевого Университета Шанхайской организации сотрудничества.

10. Синхронизация инвестиционной и экономической политики в регионе с интересами Китая.

Список литературы:

1. Данные Министерства экономического развития Российской Федерации // http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/foreigneconomicactivity/cooperation/economicng/doc20140203_23

2. Заявления Х.Клинтон о евразийской интеграции спровоцировали напряжение между Россией и США. 19.05.2014 // <http://www.newsfiber.com/p/s/h?v=ESEmH7UivO8E%3D+RRkxCzsB5xw%3D>

3. *Коротаев А.* Революция бугров и разломов. 24.05.2014 // <http://topwar.ru/17138-revolyuciya-bugrov-i-razlomov.html>

4. *Наумкин В.В.* Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители / В.В.Наумкин и др. Российский совет по международным делам. М.: Спецкнига, 2013.

5. *Пиримбаев Ж.* Главным вызовом Центральной Азии сегодня является подрастающая армия безработных. 20.04.2014 // <http://www.stanradar.com/news/full/8732-glavnym-vyzovom-tsentralnoj-azii-segodnja-javljaetsja-podrastajuschaja-armija-bezrobotnyh-ekspert.html>

6. Центр геополитических исследований «Берлек-Единство»: Экономическое сотрудничество России с республиками Центральной Азии: в поисках новых горизонтов. 16.06.2014 // <http://www.avesta.tj/cental-asia/25854-i-vse-zhe-sovetskaya-modernizaciya-vazhneyshiy-etap-razvitiya-tadzhikistana.html>

7. Центральная Азия. Геополитика и экономика региона. Институт стратегических оценок и анализа / В.А.Гусейнова. М.: Красная звезда, 2010.

Ключевые слова: геополитика, Центральная Азия, евразийская интеграция, международные отношения, постсоветский регион, внешняя политика.

Международная

ЖИЗНЬ

ПОЛИТИКА

Олег Озеров:

«ЕС должен осознать, что нынешний террор - не чета палестинскому в 1970-х годов. В его основах произошла качественная перемена. Он ставит перед собой не локальные, а глобальные политические цели - создание всемирного халифата. Неотерроризм XXI века намерен добиваться поставленных задач с неслыханной доселе жестокостью и последовательностью, опираясь на глубоко проработанные теоретические установки основателей политического исламского радикализма, таких как Сейид Кутб, Саид Нурси и другие фундаменталистские «реформаторы» ислама».

Александр Лукин:

«С китайскими предпринимателями нужно работать, доказывать взаимную выгодность проектов, что не так просто, потому что некоторые печальные примеры сотрудничества в 1990-х годах многие из них хорошо помнят. Необходимо изучать китайский рынок, понимать китайскую бизнес-культуру, действительно довольно жесткую манеру ведения переговоров. Надо понимать и китайские обстоятельства, в частности то, что в Пекине ценят сотрудничество с Западом, считают его важным для достижения целей развития своей страны и вовсе не желают конфронтации с ним и не готовы делать то, что это сотрудничество может серьезно подорвать».

Ариф Асальюглу:

«Террористические организации как вектор радикализации играют большую роль в процессе геополитического сдвига. Радикальные террористические организации, некогда базировавшиеся в Центральной Азии, на Кавказе и Балканах, теперь нашли тихую гавань на Ближнем Востоке, который стал для них центром притяжения и убежищем. Геополитический сдвиг хоть и связан напрямую с вакуумом власти, возникшим после арабских восстаний, однако причины превращения региона в столь плодородную почву для радикализации лежат гораздо глубже».

Олег ОЗЕРОВ

Чрезвычайный и Полномочный
Посол России в Королевстве
Саудовская Аравия
rusembass@mail.ru

Россия и будущее Ближнего Востока

Вряд ли стоит кого-то убеждать, что с момента произнесения В.В.Путиным 28 сентября 2015 года на Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке его, как теперь уже очевидно, исторической речи ситуация на Ближнем Востоке существенно изменилась. И поменяла ее Россия, которая не просто призвала к созданию единого антитеррористического фронта, но на деле доказала, что она готова своими практическими действиями бороться с «раковой опухолью» - ИГИЛ, делать это эффективно и последовательно.

Начатая 30 сентября 2015 года операция российских ВКС, которая продолжалась всего лишь пять с половиной месяцев, не только спасла сирийскую государственность, вынудила террористов из ИГИЛ и «Джабхат ан-Нусры» отступить по всем фронтам, а оппозицию сесть за стол переговоров, и побудила США начать, пусть очень медленно и непоследовательно, переосмысливать свое отношение к борьбе с терроризмом, а по каким-то направлениям, опять

же пока весьма неохотно и узконаправленно, сотрудничать с нашей страной в деле противодействия новому мировому злу.

Вместе с тем приходится признать, что формирование единого антитеррористического фронта движется далеко не так быстро, как хотелось бы, хотя очевидно, что общие интересы у основных мировых и региональных центров силы существуют и могут привести к его созданию. Так что же этому сегодня мешает, какие существуют барьеры?

Соединенным Штатам сделать это, если смотреть из региона, препятствует их собственная стратегия обеспечения глобального доминирования и дистанцирования от Ближнего Востока, переноса центра тяжести своей политики в Азиатско-Тихоокеанский регион, где они выстраивают «под себя» одновременно региональную зону торгово-экономического партнерства и систему военного сдерживания Китая. Ближний Восток для них оказывается при такой нацеленности, да еще и в условиях самообеспеченности нефтью и газом из-за сланцевой революции (она-таки состоялась, и это надо признать), не очень-то и нужен. А значит, и его проблемы становятся для американских прагматиков излишними. Это достаточно красноречиво подтвердили слова Президента США Б.Обамы в интервью журналу «The Atlantic» за апрель 2016 года, в котором он, не моргнув глазом, сказал, что «ИГИЛ не является экзистенциальной угрозой для США», а Ближний Восток - «регион, который надо избегать» (to be avoided).

Собственно, это изрядно нашумевшее интервью посвящено объяснениям, почему Вашингтон больше не хочет использовать военную силу на Ближнем Востоке, а намерен, как Том Сойер (Б.Обама прямо ссылается на этого литературного героя), заставлять других «красить забор» и делать из них «полезных идиотов»! За горделиво выстроенной аргументацией Б.Обамы, кроме латентного признания провала американских военных интервенций в регионе и попыток переложить ответственность за свои неудачи на своих ближневосточных союзников, прежде всего Саудовскую Аравию (ей в интервью досталась самая большая доля критики), стоит убеждение, что, спрятавшись за двумя океанами, Вашингтон избежит участи Европы, сотрясаемой варварскими атаками террористов... Воюют пусть другие...

Правда, при внимательном прочтении этого пресловутого текста обнаруживается, что, по сути дела, американский президент

признает, что «тянуть» Ближний Восток он не только не хочет, но и больше не может. Вернемся на несколько лет назад. Программная и, надо сказать, весьма грамотно построенная речь лауреата Нобелевской премии мира, произнесенная с большой помпой 4 июня 2009 года в Каирском университете, сулившая палестинцам мир с Израилем и собственное государство, а остальным - демократические преобразования, оказалась пустышкой. Поддержка ведомым США Западом «демократических революций», идейное обоснование которым дала эта речь, обернулась для Ближнего Востока ужасающей геополитической катастрофой, потерей государственности целым рядом стран, распространением экстремизма и терроризма, о чем ярко сказал В.В.Путин с трибуны ООН. Неслучайно Б.Обама в упомянутом интервью всячески принижает значение своей каирской речи. Гордиться ей не очень-то хочется.

Интересная получается картина: рушить государства и целые регионы, будь то Югославия или Ирак, у США хватало сил и энергии, а когда речь зашла о том, чтобы бороться с ими же самими порожденной анархией и террором, они привычным для себя менторским тоном теперь поучают остальных, в том числе и Россию, что государственная мудрость состоит, дескать, в том, как цитирует Б.Обаму «The Atlantic», «чтобы получить то, что вы хотите, не прибегая к насилию»! Что это: новоявленное толстовство, новая проповедь о непротивлении злу насилием или новая версия американского изоляционизма? Ответ хозяин Белого дома предлагает читателям искать самим, хотя всячески открещивается от изоляционизма, утверждая, что теперь это невозможно и он, мол, интернационалист (в американском, конечно, понимании).

Позитивная сторона невольных признаний любителя Марка Твена Б.Обамы состоит в том, что вместе с демократизаторским интервенционизмом на Ближнем Востоке, от которого он вроде бы изысканно отрекается, если уж быть логичным, надо похоронить и сопутствующие концепции, разработанные под него еще недавно правившими бал в США неконами, такие как «responsibility to protect», намек на это содержится в тексте упомянутого интервью.

Ее, эту концепцию, Вашингтон активно проталкивал все 2000-е годы как чуть ли не консенсусное мнение мирового сообщества для обоснования своих военных авантюр под благородным лозунгом защиты населения от «кровавых диктаторов» вза-

мен международно признанных правовых норм, закрепленных в Уставе ООН. И вот теперь Б.Обама, как пишет его интервьюер Джеффри Голдберг, устало говорит своему представителю в ООН и теоретику этой неолиберальной доктрины Саманте Пауэр, что он «ее книжку уже прочел».

Означает ли это, что Белый дом, вслед за написавшим два года назад фундаментальный труд «Мировой порядок» Г.Киссинджером, готов вернуться к Вестфальской системе государственного суверенитета, которая лежит в основе Устава ООН и об опасности разрушения которой убедительно говорил В.В.Путин на юбилейной 70-й сессии Генассамблеи ООН?

Признаки этого, хотя пока и слабые, можно иногда подумать, появляются. Они выражаются, к примеру, в совместных с Россией действиях США по купированию конфликта в Сирии (российско-американское решение о прекращении огня вступило в силу 27 февраля и в целом соблюдается сторонами) и побуждении сирийских властей и оппозиции к переговорам. Если Вашингтон проявит последовательность и заставит своих региональных союзников, прежде всего Турцию и Катар, отказаться от поощрения спонсируемых ими группировок в Сирии к новому раунду кровопролития - а руки у тех чешутся - и согласиться с участием курдов в мирных переговорах (без них сирийское государство рассыплется), то это будет верным признаком реального разворота США к реабилитации Вестфальской системы применительно к Ближнему Востоку.

Возможно, в рамках такого поворота и под влиянием успеха российских ВКС США будут вынуждены подтолкнуть действующую под их руководством антитеррористическую коалицию, созданную в 2014 году, более энергично действовать в борьбе с ИГИЛ (ранее создавалось впечатление, что она, скорее, имитировала активность, поскольку территория под руководством халифатчиков в 2014-2015 гг. только расширялась). Собственно, это сейчас и происходит, особенно после достигнутой армией Сирии при поддержке российских ВКС впечатляющей победы над джихадистами в Пальмире 27 марта. Вопрос только в том, пойдет ли Белый дом на широкое сотрудничество с Москвой, в частности в вопросах предотвращения нарушений прекращения огня в Сирии и поиска компромиссного политического решения в этой много-страдальной стране, или все дело ограничится соглашением о не-

допущении столкновения в воздухе российских и американских самолетов? Пока оснований так думать немного.

А от позиции Вашингтона зависит во многом то, как поведут себя его союзники, раздираемые разнонаправленными интересами и порой ничем не подкрепленными амбициями. Подталкивать же их к пересмотру своей построенной иногда на узкокорыстных интересах политики, конечно же, необходимо, иначе победы над мировой террористической угрозой добиться не удастся. Только делать эта должна, естественно, не Россия, а США, которые так гордятся своими альянсами.

В самом сложном положении, если трезво взглянуть на вещи, оказалась Европа. События последних лет, а особенно теракты в Париже 13 ноября 2015 года и в Брюсселе 22 марта этого года, обнажили все ее тщательно скрывавшиеся слабости. Во-первых, слепо следуя американским установкам, она приняла деятельное участие в «арабской весне», а значит, в разрушении государственности в Сирии и Ливии. В ответ она получила все, о чем предупреждала Россия: вакуум власти на «демократизированных» территориях, заполнившийся радикалами всех мастей; многотысячный поток беженцев и, как теперь выясняется, террористов, которые и не думают щадить нежные чувства европейцев, рассчитывавших, что их толерантность к «Братьям-мусульманам» и другим экстремистам или даже их поддержка обернутся некой формой благодарности в виде устремлений к принятию европейских ценностей и отказа совершать теракты на их территории.

Разворачиваться же Евросоюзу на борьбу с террористической угрозой, а тем более идти на союз с Россией в этих вопросах, очень сложно. Во-первых, последние два года - с подачи США и громко подпевавших им восточноевропейских неофитов евроинтеграции - европейские лидеры убеждали самих себя, что главной угрозой является как раз Россия. Реальность оказалась жестокой и неприятной - не Россия, вопреки мнению обезумевшего от русофобии главы СБУ В.С.Грицака, а выросшие на попустительстве европейцев исламисты взрывают Париж, Брюссель и другие столицы, разворачивают масштабное насилие в немецких городах.

Осознание этого и прозрение приходят, это уже становится заметно, но с большим опозданием, и пока нет оснований думать, что Европа уже созрела для поворота к взаимодействию с нами. Для того чтобы это произошло, в европейских столицах долж-

но поменяться очень многое - прийти понимание, что терроризм появился всерьез и надолго, он будет совершать все более масштабные атаки, вплоть до использования ОМУ, и именно он представляет главную угрозу безопасности не только отдельных европейских государств, но и целостности Евросоюза, который трещит под напором беженцев, да и собственной бюрократии.

Но для этого ЕС должен осознать, что нынешний террор - не чета палестинскому 1970-х годов. В его основах произошла качественная перемена. Он ставит перед собой не локальные, а глобальные политические цели - создание всемирного халифата. Неотерроризм XXI века намерен добиваться поставленных задач с неслыханной доселе жестокостью и последовательностью, опираясь на глубоко проработанные теоретические установки основателей политического исламского радикализма, таких как Сейид Кутб, Саид Нурси и другие фундаменталистские «реформаторы» ислама. Причем локальные зоны халифата на территории Европы уже возникли, на континенте идет процесс «реконкисты наоборот» - где-то стихийной, а где-то управляемой и происходящей на обломках рухнувшего мультикультурализма. Осмысление этих грустных реалий займет известное время, поскольку потребует не только «перекройки мозгов», но и реализации масштабного поворота во внешней (да и внутренней) политике, к которому еще надо прийти. Исторического времени у Евросоюза крайне мало, и если он намерен защищать европейскую цивилизацию от гибели (пока это не факт), от потери собственной идентичности, то действовать надо быстро, устанавливая должный уровень координации действий с Москвой (конечно, хотелось бы верить, что США хотя бы не будут этому мешать).

Причем выбор у Европы небольшой: либо позволить себя утратить, лишиться воли к сопротивлению, либо удариться в правый радикализм, который возродит и уже возрождает демонов «коричневого прошлого», символом чего стали деяния Брейвика, либо совместно с Россией выстраивать зрелую политику отпора халифатчикам на основе цивилизационного выбора.

Остаются региональные игроки. Смогут ли они встать единым фронтом с нами? Ответ в отношении некоторых из них пока отрицательный. В.В.Путин вскоре после того, как 24 октября 2015 года по приказу Президента Турции Т.Эрдогана был сбит российский бомбардировщик СУ-24 и убит его пилот, задал вопрос: зачем он

это сделал? Тогда ответ был не очевиден, а сегодня он, возможно, есть. Это, нельзя исключать, было сделано именно затем, чтобы не допустить вхождения Анкары в единый антитеррористический альянс с Москвой, который напрашивался сам собой. Потому что, вступив в него, нынешним правящим силам в Турции пришлось бы похоронить все свои неосманские амбиции и признать провальность собственного курса на поддержку смены режима в Сирии. А делать этого им не хотелось, потому что стало бы политическим самоубийством (оставляем в стороне бизнес с ИГИЛ на нефти, потому что он здесь - частный случай).

Другое дело, что, поступив так, как Анкара поступила, она разоблачила свои установки на союз с исламскими экстремистами и, похоже, все равно, как минимум, поставила под вопрос свою договороспособность... Новая Турция, освободившаяся от политического наследия османизма, как можно надеяться, быстро осознает свои подлинные национальные интересы и вступит на путь сотрудничества с Москвой в борьбе с террором. Пересмотр Вашингтоном своего курса, отказ от ставки на «цветные революции» и экспорт демократии, возврат к уважению суверенитета ближневосточных государств, их право самим выбирать путь развития этому может сильно помочь.

Остается без ответа весьма важный вопрос: какую позицию в отношении объединения усилий в борьбе с террором будет занимать Королевство Саудовская Аравия (КСА) - де-факто нынешний лидер арабо-суннитского мира? Эр-Рияд сейчас находится в очень непростой ситуации. Прежнее руководство при короле Абдалле поддержало курс западных стран на свержение Б.Асада, его делегитимизацию из-за большого количества жертв в гражданском конфликте (вспомним *responsibility to protect!*), активно помогало сирийской оппозиции, возглавляемой Национальной коалицией с центром в Стамбуле, а также вооруженным группировкам, воюющим в Сирии против нынешней власти.

К концу 2015 года, уже при нынешнем короле Сальмане, ситуация поменялась. КСА вошла в состав Международной группы поддержки Сирии, подписалась под ее заявлениями в пользу политического урегулирования. При активном содействии Саудовской Аравии в Эр-Рияде, а не в Стамбуле в декабре прошлого года был сформирован Высший комитет по переговорам (ВКП), который объединил в своих рядах как «турецкую», так и так называемую

внутреннюю оппозицию, включающую в себя оппозиционный Б.Асаду Национальный координационный комитет с базой в Дамаске и вооруженные исламистские группировки «Джейш аль-Ислам» и «Ахрар аш-Шам».

Однако, к сожалению, ВКП не смог стать представителем всей политической части оппозиции, как этого желала сформированная под давлением России Международная группа поддержки Сирии, а также сами сауды. Под нажимом Анкары Эр-Рияд отказался от взаимодействия с наиболее представительной силой курдского сопротивления террористам - Партией демократического союза. В состав делегации не вошли ни «московская», ни «каирская» платформы оппозиции. А главное - Королевство продолжало стоять на том, что «Асад должен уйти», а это поддерживало и без того жесткий настрой ВКП.

В январе 2016 года Саудовская Аравия заявила о формировании Исламской антитеррористической коалиции (ИАК), в которую были приглашены 34 арабские и другие исламские государства под лозунгом борьбы с терроризмом. Правовой основой коалиции стали документы Организации исламского сотрудничества. Однако с самого начала в отношении этого альянса появились вопросы в связи с тем, что он объединяет только суннитские страны. Это объяснимо на фоне крайне плохих отношений Саудовской Аравии с Ираном, с которым она тогда же, в январе, разорвала дипломатические отношения после нападения на ее диппредставительства в этой стране, но вряд ли способствует формированию необходимой атмосферы для объединения усилий стран региона против общего врага - ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусры» и им подобных.

В феврале этого года ИАК даже заявила о себе желанием поспрашивать за освобождение Ракки от джихадистов-халифатчиков (саудиты перебросили звено своих истребителей на турецкую базу Инджирлик), однако королевская коалиция фактически сама поставила себя под начало антитеррористического блока во главе с США, чем обозначила свою зависимость от него. О том, кому она в конечном счете подчиняется, стало ясно после заключения вышеупомянутого российско-американского соглашения о прекращении огня в Сирии, после которого лозунг об освобождении Ракки от ИГИЛ был ИАК, во всяком случае сейчас, снят с повестки дня.

Однако жизнь диктует свое. Хотя КСА опасается усиливающегося шиитского Ирана, резко критикует его за вмешательство во внутренние дела стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и Йемена, поддержку «Хезболлы» в Ливане, в королевстве не могут не видеть, что реальную угрозу внутренней стабильности страны сегодня представляют именно игиловцы, их «спящие ячейки». В прошлом году в королевстве были задержаны, только по официальным данным, до 5 тыс. сторонников преступной идеологии ИГИЛ. С начала этого года они уже организовали целый ряд террористических атак в Восточной провинции страны, как в мечетях, так и против силовиков, а в последнее время совершают дерзкие теракты в столице. Это обстоятельство объективно побуждает Эр-Рияд к сотрудничеству, в том числе и с Москвой, в деле противостояния этой общей угрозе.

Однако выход на такое взаимодействие потребует кропотливой, терпеливой и почти ювелирной работы дипломатов, с тем чтобы выстроить необходимые структуры антитеррористического взаимодействия. Дело за малым - политической волей саудовского руководства.

Из этого краткого обзора уже понятно, насколько трудна задача формирования единого антитеррористического фронта. Вместе с тем исторический опыт говорит, что в конечном итоге выстроить такое взаимодействие возможно, как это и произошло в период Второй мировой войны. Тот же опыт подсказывает, что путь к такой коалиции тернист, извилист и изобилует крутыми поворотами. С 1939 года прошло целых четыре года, чтобы наконец сложилась антигитлеровская коалиция, которая тоже объединила очень разнородные силы. Как и тогда, сегодня многим странам не до конца очевидна общность интересов, их руководство действует под влиянием различных конъюнктурных факторов и давления внешних сил. Однако реалии невозможно долго игнорировать. Прозрение когда-то начинается. Возможно, нам еще придется пережить целую череду трагических событий, прежде чем всем станет ясна безальтернативность курса, предложенного с ооновской трибуны российским руководством.

В то же время очевидно, что события последних лет в Ближневосточном регионе, начавшиеся с агрессии США против Ира-

ка в 2003 году, необратимо разрушили систему сдержек и противовесов, существовавшую здесь после 1945 года. Даже если ИГИЛ потерпит военное поражение, предпосылки к чему созданы действиями российских ВКС, сирийской и иракской армий, и в меньшей степени - ведомой США антитеррористической коалиции, встанет вопрос о том, что будет с регионом дальше. Неужели международное сообщество согласится с выводами того же Г.Киссинджера, который вместе с многими западными экспертами предрекает региону хаос? Ведь прежнего Ближнего Востока больше не существует.

Вряд ли Россию такой ответ устроит, равно как и сами ближневосточные государства, кровно заинтересованные в возвращении к миру и стабильности в их ареале. А если это так, то требуется переосмысление поведения всех ключевых игроков, включая нашу страну, вес и влияние которой на Ближнем Востоке значительно выросли.

В этом переосмыслении отталкиваться было бы логичным от уже принятых Российской Федерацией экстренных мер, в том числе военного характера, по предотвращению обвального сценария на Ближнем Востоке - защита Сирии от полного коллапса, меры по отбрасыванию ИГИЛ за счет создания международного антитеррористического фронта. Они, безусловно, отдалают перспективу окончательного разрушения региона, распространения хаоса, но представляют собой, как это уже очевидно, лишь первый шаг на пути выправления катастрофического состояния дел в регионе.

Однако уже сейчас понятно, что Ближний Восток даже после решения этих первоначальных задач останется в зоне высокой турбулентности, а схватка исламского и либерального глобализмов, которые сходятся в главном - необходимости разрушения национальных государств, традиционных ценностей, национальной специфики, а также уничтожении сформированных ими тысячелетних идентичностей, - не прекратится.

Произошедшие же на Ближнем Востоке в результате событий последних лет необратимые изменения геополитического, военного, экономического и демографического характера по-прежнему будут генерировать долгосрочные риски для безопасности России и для всей системы международных отношений в целом. Сохраняется и высокая доля опасности нанесения через Ближний Восток

ущерба нашим экономическим интересам, прежде всего в энергетической области (слишком низкие цены на углеводороды, недопущение России до ближневосточных рынков).

Проблема ИГИЛ никуда не денется, его призрак так и будет гулять по региону и миру, мигрируя при помощи сетевых технологий из страны в страну и паразитируя на политической и экономической несостоятельности ряда государств, высокой молодежной безработице, отсутствии перспектив в рамках экономики «Вашингтонского консенсуса» и на глубоком разочаровании в западных ценностях, которые насильственно внедрялись все последние годы американскими новаторами глобальной социальной инженерии. Спонсоры же, как всегда, найдутся.

Равным образом никуда не исчезнет проблема радикального политического ислама в целом, которую оседлал ИГИЛ, но которая эксплуатируется и другими влиятельными трансграничными суннитскими силами, прежде всего «Братьями-мусульманами», присутствующими и на нашей территории. Развенчание идеологии радикального ислама намного сложнее, чем уничтожение главарей движения, а без этого победы над террористами не будет. Ситуация осложняется тем, что в суннитской части региона во многих элитах (да и в народных массах, в среде духовенства) ИГИЛ не считают воплощением мирового зла, а рассматривают как чужеродный фактор, который может быть использован для сдерживания Ирана и зачистки региона от спонсируемых им несуннитских общин, а то и борьбы с внерегиональными силами, желающими получить контроль над Ближним Востоком.

Останется вопрос, будут ли проблемы региона решаться на основе западных экономических рецептов - Вашингтонского консенсуса и системы политического плюрализма, при опоре на вообще-то чуждую для Ближнего Востока Вестфальскую систему (здесь исторически не было Тридцатилетней войны и плюрализма суверенитетов), или страны будут искать свой путь, в том числе с возвратом к исламской традиции. Ответ могут дать только сами народы этих государств.

Очевидно, что просуществовавшая 100 лет система Сайкса - Пико, в буквальном смысле взорванная американцами их агрессией в Ираке в 2003 году, будет разрушаться и далее, даже если из реальной политики изъять феномен ИГИЛ. Осевым фактором ее разрушения, кроме схватки двух глобальных идеологий (ради-

кального политического ислама и неолиберальной демократии), будут амбиции крупных региональных игроков. Уже сегодня налицо ошибка имперских притязаний выходящего из изоляции шиитского Ирана и лидера суннитов - Саудовской Аравии. Обе страны в этом противоборстве опираются на разные по своему оформлению версии исламских идеологий - веляят аль-факих и салафизм соответственно. В идущую в регионе игру постоянно вмешивается руководимая «Братьями-мусульманами» Турция, пока союзничающая с Эр-Риядом по той же самой причине, которая формирует внешнюю политику КСА, а именно - необходимость отбрасывания Ирана. Эта борьба может обостряться с постоянными попытками региональных игроков либо перетянуть влиятельных акторов на свою сторону, либо же (при поддержке США) выбить их из игры. «Добрые» советы Б.Обамы в интервью «The Atlantic» сторонам разделить сферы влияния и построить «холодный мир» могут быть не услышаны с учетом основательно подорванного авторитета США.

Вторым фактором дальнейшей имплозии региона, во многом вытекающим из вышеупомянутого, будет борьба ряда этноконфессиональных меньшинств за свое выживание. Главные болевые точки - курды и шииты. Первые, очевидно, будут стремиться создать свое государство (и мировому сообществу предстоит определиться с отношением к этому растущему энтитету), тогда как шииты и «ассоциированные» с ними алавиты, зейдиты и другие будут тяготеть к Тегерану, что еще больше послужит противоборству таких игроков, как Саудовская Аравия и некоторые малые, но богатые арабские государства Персидского залива (Бахрейн, Катар).

В-третьих, появятся новые претенденты на независимость, некоторые из которых перестают верить в возрождение, например, Сирии как многоконфессионального государства, защищающего права меньшинств. Неясна судьба езидов, христиан и ряда других этноконфессиональных групп. Много вопросов в сирийском контексте возникает и в связи с полицентричным Йеменом.

В-четвертых, ситуация будет усугубляться уже упоминавшимся и набирающим силу дистанцированием США от проблем региона, вызванным ставшей реальностью независимостью от ближневосточной нефти и желанием сосредоточиться на противодействии России и Китаю на других геополитических площадках. В то же

время практика показывает, что Вашингтону трудно будет уйти от своих обязательств перед ближневосточными партнерами, да и намерение сохранить рынок вооружений в странах Залива и завоевать экономические позиции в Иране будет предопределять меньшую, чем прежде, но все равно достаточно глубокую вовлеченность США в региональные проблемы. Соперничество держав и нестабильность в регионе Вашингтону в определенном смысле только на руку, им поощряется продолжение политики «divide et impera» и дальнейшее фрагментирование Ближнего Востока.

В этом контексте будет важно свежим взглядом посмотреть на ближневосточные аспекты внешнеполитической стратегии России. Сохранив главную установку на восстановление там мира и стабильности, решительное противодействие международному терроризму, можно было бы обозначить в ней некоторые новые моменты, связанные с неизбежным переформатированием региона.

Если стремиться к тому, чтобы, в том числе через защиту суверенитета Сирии, в той или иной форме сохранить разваливающуюся систему Сайкса - Пико, которая с некоторыми изменениями вошла неотъемлемой частью в систему современных международных отношений, обеспечить стабильность и безопасность на Ближнем Востоке то, думается, Россия могла бы вместе с другими близкими ей силами более рельефно позиционировать себя не просто в качестве борца с мировым терроризмом, но и противника обоих глобалистских проектов - всемирного халифата и неолиберальной «глобальной деревни». Вместе с нашими союзниками можно было бы и в перспективе, а не только на период борьбы с ИГИЛ, продолжать утверждать себя в качестве фактора, который на Ближнем Востоке выступает за сильные национальные государства. Нашим главным «экспортным товаром» должен в будущем стать суверенитет ближневосточных государств или тех из них, которые этого хотят. Пока неясно, все ли государства региона окажутся жизнеспособными, но за тех из них, кто захочет выжить, мы могли бы побороться.

Договариваясь с ними о поддержке их суверенитета, выводе из вассального подчинения Вашингтону, можно было бы, во-первых, обратить их внимание на то, что такая поддержка будет эффективной при условии отказа всех стран региона от экспорта различных вариантов исламистской идеологии как инструмента регионального влияния, невмешательства в дела сосед-

них государств, отказа от финансирования в них переворотов и смены режимов, не говоря уже о финансировании экстремизма и терроризма.

Во-вторых, важно уже сейчас думать о конфигурации региональной политической системы в регионе. К сожалению, сами арабы об этом мало задумываются. У них нет своего Гуго де Гроута, зато есть Юсуф аль-Кардави.

Поэтому с учетом рисков дальнейшей фрагментации региона полезным было бы обсудить с нашими партнерами там, какие у них есть представления о более гибком внутреннем устройстве их государств с предоставлением широких прав меньшинствам. Автономизация и децентрализация в приемлемых для этих стран и населяющих их народов формах еще могут спасти Ирак, Сирию, Йемен, защитить меньшинства. Понятно, что поддержку таким бытующим настроениям надо будет искать как у самих регионалов, так и тех международных акторов (БРИКС и некоторые западные, главным образом средиземноморские страны - Франция, Италия, Испания, Греция), которые заинтересованы в стабильности региона.

В-третьих, важно также выбить из рук махровых исламистов ИГИЛ карту «халифата», сноса «несправедливых» границ, навязанных колонизаторами. Сама по себе идея объединения арабов, поднятая на щит игиловцами, ничего плохого в себе не несет и исторически поддерживалась Россией в период борьбы арабских народов против османского ига и в 1920-1930-х годах Советским Союзом, однако была в 1950-х годах оставлена в пользу поддержки националистически окрашенных левых светских движений (что на том этапе было единственно разумным выбором, тем более что они придерживались панарабских идей).

Теперь же, в пику исламистам, завернувшим этот лозунг в черные знамена халифата, разве не могут регионалы через механизмы ЛАГ, ОИС, ССАГПЗ и другие предложить идеи широкой экономической и политической интеграции и модернизации региона в постконфликтный период на конфедеративных началах, лишив их привнесенного исламистами религиозного содержания? В идеале можно было бы вести дело при поддержке крупных мировых центров силы к созданию некоего аналога ЕАЭС без конфессиональных разделительных линий. Носителями таких идей в перспективе мог бы стать Ирак и Египет.

Напрашивается уже озвученная, но пока никем основательно не подхваченная идея плана Маршалла по восстановлению и модернизации Ближнего Востока, в рамках которого наше участие могло бы быть весьма весомым. Регион должен получить перспективу превращения не в проходной двор транзитеров и даже не в «Шелковый путь», а в экономически состоятельный проект, который свяжет инфраструктурными и экономическими узлами Иран и арабские страны с выходом на ЕАЭС. Например, могут быть востребованы проекты единых железных дорог, систем судоходства, электроэнергетики, связи. В этом случае наша концепция коллективной безопасности в зоне Персидского залива, основанная на опыте многосторонней дипломатии в Европе и Азии, обретет твердую почву (она, конечно, должна быть еще не раз обновлена с точки зрения новых реалий).

В-четвертых, через российско-исламский диалог, механизмы ОИС было бы полезным привносить в исламскую среду, в том числе силами вменяемых богословов, идею если не реформирования ислама (в чем он остро нуждается), то вытеснения из его многочисленных толкований на периферию сознания идей деления мира на правоверных и неверных, на землю мира (дар ас-салям) и территорию войны (дар уль-харб) и других ветхозаветных концепций, которые в христианстве давно были изъяты из религиозной практики наиболее прогрессивными религиозными деятелями и превращены в предания. Надо всячески поддерживать эти настроения, не жалеть средств для их культивирования через поддержку реформаторских идей в духе, например, «джадидизма». В данном случае принципиально важно опираться не только на опыт ближневосточных коллег, но и на разработки российских мусульман и ученых, занимавшихся модернизацией и оптимизацией ислама с XIX века, таких как И.Гаспринский.

В-пятых, по-новому надо будет оформить идею ближневосточного урегулирования уже не просто как идею мира между Израилем и арабами, а как насущное требование в борьбе с терроризмом. В этом контексте можно было бы «стряхнуть пыль» с основательно подзабытых наработок Мадридского мирного процесса, реабилитации идеи «двух государств». Напомним, что в этих разработках содержалась и идея укрепления регионального мира и безопасности.

Иными словами, в нашей ближневосточной концепции в корректно сформулированной форме могла бы быть обозначена мысль о новом образе будущего региона, притягательного для его народов, а не идей Армагеддона. Важно доносить до сознания ближневосточных политиков, что если ими не будет выработано новое видение будущего, отличное и от исламского халифата, и от демократической шизофрении неоконков, даже если его воплощение потребует десятилетий упорной работы, то оставшиеся страны ждет бессмысленная конфронтация, крах и окончательный распад.

Ключевые слова: Королевство Саудовская Аравия, ИГИЛ, система Сайкса - Пико, этноконфессиональные группы, БРИКС.

Александр ЛУКИН

Директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО (У) МИД России, руководитель Департамента международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор исторических наук

Поворот России к Азии: миф или реальность?

ПОВОРОТ ПОД ОГНЕМ КРИТИКИ

В последние месяцы 2015 года в России и за рубежом активизировалась дискуссия о повороте России к Азии. Обсуждалось, насколько лозунги о его необходимости и большие ожидания соответствуют результатам реальной российской политики. При этом значительная часть споров шла относительно крупнейшего российского азиатского партнера - Китая.

Примечательно, что новый толчок дискуссии дал сам Китай, точнее, комментарий одного из его журналистов. 17 декабря на интернет-сайте официального китайского информационного агентства «Синьхуа» был опубликован комментарий одного из обозревателей, который с многочисленными ссылками на российских официаль-

ных лиц и некоторых китайских экспертов весьма взвешенно проанализировал проблемы внешней и внутренней политики России, указав, конечно, и на трудности. В целом выводы были весьма позитивны и заканчивались выражением уверенности в том, что, «опираясь на собственные силы и разум, а также на эффективное сотрудничество с другими странами, россияне способны преодолеть существующий непростой кризис»¹.

Удивление вызвала не сама статья, а реакция на нее некоторых российских СМИ прозападного направления, представители которых увидели в ней то, чего в ней явно не было, и начали бурную кампанию критики российской политики в отношении Китая и Азии в целом. Начало положила «Независимая газета», в которой содержание китайского комментария было изложено под совершенно неадекватным заголовком «Россия зашла в стратегический тупик»². За ней последовали многочисленные информагентства и интернет-сайты, в материалах которых комментаторы, вероятно, даже не прочитав первоисточник, на разные лады обсуждали, зачем Пекин начал резко критиковать Россию, почему он в ней разочаровался и отдал предпочтение сотрудничеству с Западом. Многие делали вывод, что на российском повороте к Азии теперь можно поставить крест. Интересно, что в этой кампании в едином порыве объединились как прозападные СМИ, всегда стремившиеся в преувеличенном виде показать различные опасности, якобы исходящие от Китая и сотрудничества с ним, так и их противники, указывавшие на то, что в Китае якобы критикуют не Россию в целом, а ее «монетаристско-прозападное» правительство³.

Этот довольно низкокачественный информационный поток вызвал более серьезную дискуссию. Ряд авторов, подводя итоги российской политики поворота к Азии, попытались подойти к ней более взвешенно, но в целом также довольно критически⁴. Их аргументы можно суммировать в нескольких пунктах:

1. Ухудшение отношений России с Западом сопровождалось завышенными ожиданиями в отношении азиатских партнеров, которые, как считалось, могут почти полностью заменить европейских. Эти ожидания не оправдались.

2. Азиатские партнеры, в особенности Китай, оказались жесткими переговорщиками, в ряде случаев они воспользовались сложной ситуацией в России, чтобы добиться более выгодных для себя условий.

3. Китайские партнеры интересуются только российским сырьем, продажей России товаров и использованием своей рабочей силы, они не помогают ей решить задачи развития собственного производства, импортозамещения, мало инвестируют.

4. Китайские банки опасаются американских санкций и не предоставляют достаточного количества кредитов.

5. Товарооборот с Китаем и другими странами Азии в 2015 году резко упал.

6. Разочарованное российское руководство утратило интерес к сотрудничеству с государствами АТР, о чем свидетельствует отказ В.В.Путина от участия в Восточноазиатском саммите и саммите АТЭС, а также от встречи с азиатскими бизнесменами на Восточном саммите во Владивостоке.

Из всего этого можно сделать вывод, что, несмотря на некоторые позитивные моменты, масштабы сотрудничества с Китаем и другими государствами Азии не достигли ожидаемого уровня, Азия не смогла заменить Европу и расчет российского руководства на азиатских партнеров был неверным. Далее мнения расходятся. Для одних эта ситуация подразумевает, что с Западом ссорились зря, надо было идти на уступки и следовать за «цивилизованным миром», для других - что надо менять курс правительства и более решительно идти к Азии, принаравливаясь к ее потребностям.

РЕАЛЬНОСТИ АЗИАТСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

За критикой политики поворота к Азии можно видеть реальные интересы различных политических и экономических групп внутри России. С одной стороны, те, кто имеет бизнес-интересы и собственность на Западе, пытаются доказать вредность и опасность сотрудничества с «непредсказуемым» и «эгоистичным» Востоком. С другой - сторонники более «национально ориентированной» внутренней политики стремятся отправить в отставку нынешнее правительство, которое они считают наследником прозападного курса Гайдара - Чубайса. Однако понимание этого не должно препятствовать разбору их аргументов по существу.

Прежде всего бросается в глаза, что для большинства критиков, несмотря на все различия в их подходах, характерны несколько общих весьма спорных положений. Во-первых, в большинстве крити-

ческих статей начало поворота Москвы к Азии относят ко времени последнего ухудшения отношений России с Западом, связанного с украинским кризисом. Во-вторых, поворот к Азии рассматривается и оценивается как чисто экономический процесс. В-третьих, критики непропорционально выделяют значение сотрудничества с Китаем. В-четвертых, поворот к Азии рассматривается как альтернатива отношениям с Западом, сохранение сотрудничества с которым якобы подразумевает отказ от интенсификации связей с Востоком.

В действительности, о необходимости развития отношений с государствами АТР в России, а до этого - в СССР, говорят уже несколько десятилетий. Об этом аналитики из академических институтов начали писать еще в период правления Л.И.Брежнева, о новой политике в АТР говорил М.С.Горбачев в 1986 году в знаменитом выступлении во Владивостоке, многое для активизации азиатского направления сделал Е.М.Примаков, находясь на постах министра иностранных дел и премьера.

Он впервые еще в 1998 году сформулировал идею координации действий России, Китая и Индии. Задолго до украинского кризиса многократно выступал с идеями о необходимости повысить активность в Азии и В.В.Путин. При этом поворот к Азии с самого начала связывался не с ухудшением отношений с Западом, а с двумя совершенно объективными задачами: необходимостью налаживания связей с регионом, который постепенно становится центром мировой экономики и политики, а также с решением стратегической задачи развития России - подъемом ее сибирских и дальневосточных регионов.

Конечно, решение этих задач шло медленно. Многочисленные правительственные программы оставались невыполненными, население восточных регионов страны сокращалось, российское экономическое присутствие в АТР оставалось на минимальном уровне. Лишь в последнее время, благодаря усилиям руководства В.В.Путина, достигли некоторых успехов: к саммиту АТЭС во Владивостоке в 2012 году была значительно обновлена инфраструктура, в 2014 году принят важный Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ», который уже заработал, а также ряд других мер.

Если рассматривать процесс развития российско-китайских отношений, то он также начался еще в брежневский период и с тех пор поступательно развивался при всех сменявших друг друга властях в

Пекине и Москве. Он прошел от этапа восстановления, через нормализацию до тесного стратегического партнерства. Это означает, что улучшение отношений между двумя странами объективно соответствует их интересам и не зависит от политической конъюнктуры или отношений с другими странами.

И в российском сближении с Китаем, и в повороте к Азии в целом экономическое сотрудничество является важным компонентом, но лишь одним из многих. При этом коренные причины этого поворота, особенно на первом этапе, определенно относились к сфере геополитики, а не экономики. Советское руководство, проигрывая соревнование с Западом, пыталось использовать нормализацию отношений с Китаем прежде всего для того, чтобы разыграть «китайскую карту» против США так же, как ранее Вашингтон разыграл ее против Москвы, и хотя бы частично разорвать «единый антигегемонистский фронт» (используя китайский термин) США и их союзников с Китаем.

В начале 90-х годов XX века для России, пытавшейся проводить односторонний прозападный курс, быстрый возврат после некоторых колебаний к курсу на развитие отношений с Китаем, как и с другими не ориентирующимися на Запад государствами Азии, был действительно вызван экономической необходимостью. Выяснилось, что без китайских военных заказов может окончательно встать весь российский ВПК, а это вызовет серьезное недовольство сотен тысяч занятых на его предприятиях людей (о военной мощи тогда не думали). И несмотря на то что еще в 1996 году Е.Т.Гайдар призывал ориентироваться в Азии на Японию, а против Китая создать военный кордон⁵, его сторонники были оттеснены, по крайней мере от внешней политики. Заняв пост министра иностранных дел, Е.М.Примаков сразу же заговорил о важности АТР для России⁶.

В дальнейшем, по мере нарастания взаимного непонимания с Западом, сотрудничество с Китаем, Индией и другими растущими незападными центрами силы стало рассматриваться прежде всего как поиск альтернативы рушащемуся проекту создания единой Европы от Лиссабона до Владивостока, вхождению в единый, мощный, «цивилизованный» мир как главный центр мировой политики. Выяснилось, что в этом центре России уготовано лишь подчиненное место, с чем она согласиться не пожелала. Москва, не сокращая связей с Западом - экономических с Европой, а политических - с США (сви-

детельство тому - попытка так называемой «перезагрузки»), начала искать тех, с кем она могла бы разговаривать на равных, кто мог бы составить противовес западному направлению и посодействовать уходу от чрезмерной зависимости от Запада.

Основа развития отношений с такими государствами, как Китай и Индия, лежала не в экономических интересах, а в сходном видении будущего мира, в поддержке идей многополярности как альтернативы однополярному миру - где Запад решает все вопросы по собственному усмотрению - в отстаивании решающей роли ООН, в стремлении сохранить систему международного права, как она сложилась после Второй мировой войны, в демократизации международных отношений, то есть учете мнений и интересов незападных государств, в отходе от диктатуры Запада, в плюрализме в международных делах. На этой основе, а вовсе не на экономической, как предсказывали западные аналитики, сложилась группа БРИКС, выросшая не из двустороннего экономического сотрудничества ее членов, а из геополитического сближения Москвы и Пекина, к которому затем присоединились сначала Дели, а позднее - Бразилия и Претория. Стремление государств БРИКС изменить международные экономические институты, получить в них больший вес также тесно связано с их геополитическими амбициями.

Именно на этой основе развивались и развиваются отношения Москвы с Пекином. В редакционном комментарии китайского агентства «Синьхуа» в качестве основных достижений двух стран прежде всего отмечается полное решение доставшихся в историческое наследие приграничных проблем, достижение взаимного доверия в военной области и взаимного разоружения в приграничных районах, упрочение политической и законодательной основы отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, а лишь затем - экономическое сотрудничество. «Синьхуа» приводит мнение китайского эксперта Сунь Чжуанчжи, который замечает, что Россия и Китай имеют близкие позиции по многим важным международным и региональным вопросам, два государства ставят единые цели в ходе международного сотрудничества: выступать против однополярного мира и политики силы, содействовать демократизации международных отношений и разработке более рациональных правил многостороннего торгово-экономического сотрудничества⁷. Все это относится к политическому, а не экономическому взаимодействию.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Украинский кризис и последовавшее за ним резкое ухудшение отношений России с Западом, ставшее закономерным следствием давно нараставших противоречий, лишь стимулировали некоторые тенденции, ускорив российский поворот к Азии, а вовсе не став его началом. Основным результатом этого кризиса стало изменение не риторики или планов, но психологии российской элиты, в особенности бизнес-элиты. «В 2015 году уже почти вся российская элита поняла, что противостояние с Западом надолго и неслучайно, что России придется жить в иной реальности, чем предполагали прекраснотушние мечты об интеграции с Западом при сохранении независимости и суверенитета. Они превалировали в российском политическом классе чуть ли не до конца 2000-х годов», - пишет С.А.Караганов⁸.

Представители крупного российского бизнеса, привыкшие ездить в страны ЕС и США, как к себе домой, покупать там особняки, отправлять детей на учебу и вести дела с западными компаниями на равных, поняли, что на этот раз руководство России не шутит, улучшения отношений с Западом можно не дожидаться. А так как большинство из них тесно связаны с этим руководством и зависят от его отношения к себе, им пришлось подумать о реальной переориентации на Восток. К тому же к Западу было утеряно доверие как к партнеру: кто-то попал в санкционные списки и физически не смог продолжить сотрудничество, но и тот, кто не попал в них, все равно начал учитывать такую возможность. Одним словом, политические риски экономического сотрудничества с Западом стали оцениваться многими как слишком высокие.

В большинстве стран Азии такие политические риски отсутствуют. Но там сдерживает другое: инерция привычной западной ориентации, плохое знание азиатских рынков и азиатской культуры ведения бизнеса, нехватка соответствующих специалистов. Поэтому естественно, что экономический поворот к Азии осуществляется медленно, и если у кого-то и были завышенные ожидания, если кто-то и считал, что, скажем, Китай сможет быстро заменить Запад и как торговый партнер, и как инвестор, и как источник банковских кредитов, то он действительно ошибался. Но подобные настроения могли существовать лишь среди крайне слабо информированных представителей бизнеса. Эксперты всегда предостерегали от излиш-

него оптимизма, объясняли, что государства Азии, даже наш стратегический партнер Китай, никогда не станут спасать Россию за счет собственных интересов, торговать себе в убыток или без достаточной прибыли, инвестировать в непроработанные проекты исключительно из братских чувств. Китай ценит сотрудничество с Россией, она важна ему и в геополитическом (в большей степени), и экономическом (в меньшей) планах, он многократно продемонстрировал, что готов учитывать ее интересы, идти на определенные компромиссы. Но компромиссы взаимоприемлемые, а не те, что несут ему убытки, да еще в той непростой экономической ситуации, в которой он сегодня оказался.

С китайскими предпринимателями нужно работать, доказывать взаимную выгодность проектов, что не так просто, потому что некоторые печальные примеры сотрудничества в 1990-х годах многие из них хорошо помнят. Необходимо изучать китайский рынок, понимать китайскую бизнес-культуру, действительно довольно жесткую манеру ведения переговоров. Надо понимать и китайские обстоятельства, в частности то, что в Пекине ценят сотрудничество с Западом, считают его важным для достижения целей развития своей страны и вовсе не желают конфронтации с ним и не готовы делать то, что это сотрудничество может серьезно подорвать. Считая США геополитическим оппонентом, обвиняя их в стремлении сдерживать растущее политическое и экономическое влияние Китая в мире, пекинское руководство пока полагает, что занять свое законное место в мировой системе ему удастся без серьезных конфликтов, путем последовательного давления, разъяснения своей позиции и постепенной перестройки сложившейся системы глобального управления без ее революционного разрушения. Пекин ведет тонкую дипломатическую игру, а не войну с американским империализмом по всем фронтам, как это кажется некоторым слабо информированным российским политикам и экспертам, которые хотят подтолкнуть к подобному, заведомо проигрышному курсу и саму Россию.

Недавно китайское видение России и российской политики было четко сформулировано в статье бывшего заместителя министра иностранных дел, а ныне председателя Комитета по международным делам ВСНП Фу Ин, которая была опубликована в американском журнале «Foreign Affairs»⁹. И автор, и выбор места для публикации весьма примечательны. Как дипломат, Фу Ин не занималась Россией и вряд ли хорошо знакома с деталями двустороннего сотрудниче-

ства, поэтому, вероятно, тут не обошлось без коллективного творчества китайского дипломатического ведомства. Выбор влиятельного журнала явно свидетельствует о том, что статья предназначалась западной аудитории (хотя ее перевод был опубликован и в китайской газете «Гуанмин жибао»¹⁰). Видимо, автор посчитал необходимым разъяснить западным партнерам китайские мотивы и ограничения для сближения с Россией и подчеркнуть, что (как явствует из подзаголовка) «Китай и Россия близки, но не являются союзниками». В самих Китае и России этого разъяснять никому не нужно, так как эта официальная позиция обеих стран там хорошо известна.

Тем интереснее ясные выводы автора, что «российско-китайские отношения являются стратегическим партнерством и ни в коем случае не браком по расчету: они являются комплексными, крепкими и глубоко укорененными», а «изменения в международных отношениях после конца холодной войны лишь способствовали большему сближению двух стран»¹¹. Далее автор говорит что рассуждения, а возможно, и надежды некоторых западных аналитиков и политиков относительно того, что конфликты в Сирии и на Украине вызовут напряженность или даже разрыв между Пекином и Москвой, явно не оправдались.

В то же время Фу Ин замечает, что ни Китай, ни Россия не собираются заключать юридически оформленный союз или формировать антизападный блок, и отмечает некоторые расхождения. В частности, по ее мнению, Россия в своей политике продолжает в основном ориентироваться на Европу, а Китай - на Азию, российская дипломатия имеет большой опыт ведения дел на глобальном уровне и «имеет тенденцию отдавать предпочтение сильным, активным и часто неожиданным дипломатическим маневрам», в то время как китайская дипломатия, наоборот, реактивна и осторожна. Автор также отмечает, что в России не все смогли приспособиться к изменению соотношения сил между двумя странами, что вызывает теории «китайской угрозы» и опасения относительно роста китайского влияния в «ближнем зарубежье». В то же время, несмотря на решение пограничного вопроса, «китайские комментаторы иногда критически высказываются по поводу 600 тыс. кв. км территории, которые царская Россия аннексировала в конце XIX века»¹². Тем не менее, как отмечает Фу Ин, эти различия не ведут к охлаждению двусторонних отношений, которые продолжают крепнуть, прежде всего благодаря развитию геополитической ситуации.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Что касается аргумента о сокращении торговли как показателя отсутствия переориентации России на Азию, то он не выдерживает критики. Во-первых, падает торговый оборот России не только с Азией, а со всеми государствами. Это вызвано ее экономическими проблемами, а в случае с Китаем еще и китайскими, а также падением цен на ее основной экспортный товар - энергоносители. Такое было и после кризиса 1998 года, и после 2008-го, но последующее улучшение экономической ситуации в России всегда вело к тому, что показатели всякий раз восстанавливались и резко росли, в результате чего Китай с 2010 года занял первое место как торговый партнер России. Кроме того, торговый оборот в 2015 году снижался не только у России с партнерами, но и у многих стран мира. Выступая на VII Гайдаровском форуме в Москве 13 января 2016 года, заместитель министра экономического развития России С.С.Воскресенский привел следующие цифры за 2015 год: экспорт в странах ОЭСР снизился на 20,4%, а импорт на 20,8%, в Европе, соответственно, на 13,2% и 14,5%, товарооборот Германии упал на 12%, Японии на 18%, Бразилии - на 16%, Австралии - на 21%¹³. Таким образом, ничего экстраординарного в российско-китайской торговле не происходит.

В то же время одновременно с падением в торговле наблюдались и благоприятные для России тенденции. По данным С.С.Воскресенского, в 2015 году в российском экспорте в Китай доля минерального сырья снизилась с 78% до 71%, экспорт продовольствия вырос на 23%, а химической промышленности почти на 8%¹⁴. Кроме того, как отмечалось выше, торговая статистика - лишь один и вовсе не основной показатель уровня партнерства. В российско-китайском торгово-экономическом партнерстве происходят гораздо более значимые сдвиги. Эти сдвиги как раз и говорят о коренном изменении психологии российских элит, позволившем двустороннему сотрудничеству распространиться на такие сферы, которые раньше для него были закрыты.

Приблизительно те же аргументы приводятся и в комментарии агентства «Синьхуа», полностью посвященном резкой критике тех, кто, ссылаясь на снижение показателей торговли, утверждает, что двусторонние отношения в целом идут на спад. Между тем, согласно комментарию, «за три года Россия стала страной, визиты Си Цзиньпина в которую принесли наиболее значимые плоды»¹⁵.

В упомянутом выступлении С.С.Воскресенский выделил несколько знаковых российско-китайских сделок, заключенных в 2015 году, о которых стоит рассказать подробнее.

1. Экспортный проект по сжижению природного газа «Ямал СПГ», в который были привлечены китайские инвестиции в размере 700 млн. евро. Договоренность о продаже фонду «Шелковый путь» 9,9-процентной доли в «Ямал СПГ» была достигнута во время визита премьер-министра Д.А.Медведева в Китай в декабре 2015 года. При этом 20% «Ямал СПГ» уже принадлежит Китайской национальной нефтегазовой корпорации (CNPC).

2. Соглашение о покупке десятипроцентной доли в крупнейшей российской газоперерабатывающей и нефтехимической группе «СИБУР» Китайской нефтехимической корпорацией («Sinopet Group»). Китайские инвестиции составили 1,338 млрд. долларов, что сделало «Sinopet» стратегическим инвестором. При этом предполагается, что в течение трех лет «Sinopet» купит еще 10% акций «СИБУР»¹⁶.

3. Консорциум частных инвестиционных китайских фондов выкупил 13,3-процентную долю в капитале в забайкальском Быстринском ГОК у ГМК «Норильский никель»¹⁷. И хотя сумма сделки там не столь велика (100 млн. долл.), она важна, так как является первым случаем масштабных частных китайских инвестиций, причем инвесторы не претендовали на контрольный пакет.

Все эти соглашения, заключенные под самый конец года, свидетельствуют о том, что российские власти теперь поощряют китайские инвестиции в чувствительные секторы экономики, куда ранее они не допускались (достаточно вспомнить известную историю с недопуском той же CNPC к тендеру по продаже в 2002 г.).

Важно и то, что российский холдинг En+Group, объединяющий алюминиевые, металлургические, энергетические, горнодобывающие и логистические компании О.В.Дерипаски, договорился с китайскими корпорациями «Centrin Data Systems» и «Huawei» о совместном строительстве нескольких центров по обработке данных (ЦОД) в Иркутске. Это соглашение было заключено во время визита Президента В.В.Путина в Китай в сентябре 2015 года. Примечательно это потому, что, по данным СМИ, когда в январе 2005 года во время совещания по проблемам высоких технологий в Новосибирске председатель Сибирского отделения Российской академии наук Н.Л.Добрецов предложил создать сибирский центр информационных технологий сов-

местно с китайскими партнерами, В.В.Путин спросил его: «Зачем с Китаем?», призвал к аккуратности со стратегическим партнером и просил следить за тем, «чтобы эти зоны не превратились потом для китайцев в доступную такую... Ну, понятно...»¹⁸. Изменение отношения здесь налицо.

Сделаны серьезные шаги по устранению барьеров в торгово-экономическом сотрудничестве. Так, был подписан Протокол о внесении изменений в Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР об избежании двойного налогообложения и о предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы от 13 октября 2014 года, целью которого является переориентация заемного капитала с евторынков в сторону азиатского рынка капитала¹⁹.

И, конечно, основным достижением 2015 года было подписание в мае во время визита Си Цзиньпина в Россию Совместного заявления о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути», которое дало возможность готовить не только российско-китайские, но и ЕАЭС-китайские проекты сотрудничества, то есть рассматривать ЕАЭС в целом как единого партнера Китая. В настоящее время во исполнение заявления готовятся проекты по совместным инвестициям в транспортные коридоры, по снятию торговых барьеров и сотрудничеству в области высоких технологий.

Немаловажно и то, что уже после ухудшения отношений с Западом были заключены важнейшие российско-китайские контракты в области ВТС, согласно которым Китай получит самые современные виды российских вооружений. Так, согласно сообщениям СМИ, в начале осени 2014 года был заключен контракт на поставку в Китай четырех дивизионов зенитных ракетных комплексов (ЗРК) С-400 на сумму не менее 1,9 млрд. долларов с доставкой в 2017 году. А через год была достигнута договоренность о продаже Китаю 24 истребителей СУ-35. И хотя ведущий российский эксперт по российско-китайскому ВТС В.Кашин и утверждает, что эти контракты нельзя рассматривать как результат украинского кризиса, так как переговоры по ним начались еще в 2010-2011 годах, а «к 2014 году многие спорные вопросы уже были решены»²⁰, все же ранее в России многие высказывались против продажи Пекину новейших российских вооружений. Очевидно, новые трудности с Западом снизили убедительность аргументов скептиков, и здесь, как и в случае с китайскими инвестициями в российский сырьевой сектор, они могли ускорить принятие давно назревавших решений.

АЗИЯ - НЕ ТОЛЬКО КИТАЙ

Важные сдвиги происходят и в российском подходе к другим частям Азии. Во время визита в Россию премьера Индии Н.Моди в конце декабря 2015 года был сделан ряд шагов по расширению сотрудничества: подписано Соглашение о поставке нефти на десять лет, достигнуты договоренности о производстве военной продукции, о совместных инвестициях на сумму в 1 млрд. долларов и об объединении усилий по борьбе с терроризмом, подписан межправительственный протокол, облегчающий визовой режим для бизнесменов. Н.Моди заявил о планах увеличить товарооборот к 2025 году до 30 млрд. долларов²¹. И хотя российско-индийское торгово-экономическое сотрудничество значительно уступает российско-китайскому, Россия и Индия разделяют взгляды друг друга на устройство мира, их геополитические цели совпадают, и вряд ли можно найти россиян, которые недружелюбно относятся к Индии или испытывают в ее отношении какие-либо опасения, или индийцев, которые такие чувства питают к России. Активно развивается и сотрудничество России с АСЕАН и как организацией, а также с отдельными ее странами. Участие или вынужденное неучастие тех или иных лидеров в отдельных мероприятиях тут не показатель. На заседании Совета глав правительств Шанхайской организации сотрудничества в Пекине в декабре 2015 года Д.А.Медведев предложил начать консультации ЕАЭС и ШОС с АСЕАН по формированию возможных экономических партнерств²².

Но особенно активно идет российско-иранское сближение. Кризис в отношениях России с Западом значительно повысил для нее ценность сотрудничества с Ираном. Если ранее Москва с большим вниманием относилась к позиции США и ЕС по иранскому вопросу, шла на определенные уступки, что, в частности, выразилось в поддержке антииранских санкций и отказе от продажи новейших систем вооружения, то теперь ситуация меняется. Однако и здесь изменения начались еще до кризиса, а он лишь эти изменения стимулировал. Как и в случае с АТР, после распада СССР Россия снизила интенсивность своего участия в делах Среднего и Ближнего Востока. В начале 90-х годов XX века она практически во всем соглашалась с действиями Запада. Позже, в особенности после того как в 1995 году прозападный А.В.Козырев был смещен на посту министра иностранных дел специалистом по Ближнему Востоку

Е.М.Примаковым, даже когда Москва была не согласна с действиями США и их союзников, она предпочитала высказывать свои возражения устно, не предпринимая других мер. Так было, например, во время войны в Ираке в 2003 году.

Ситуация изменилась с началом так называемых «цветных революций» в арабских государствах, которые вызвали новую активность России. В Москве эти революции воспринимались как серьезные угрозы по ряду причин. Во-первых, они подрывали политическую стабильность арабских государств, многие из которых были партнерами России. Во-вторых, часто в возникшем хаосе значительное влияние получали радикальные исламисты, которые могли, действуя через своих сторонников, дестабилизировать ситуацию в самой России и в союзных с нею государствах Центральной Азии. В-третьих, правящая в России группа проецировала развитие событий в этих странах на саму Россию и принципиально выступала против любых способов неконституционного захвата власти.

В результате ухудшения отношений с Западом из-за кризиса на Украине Россия серьезно изменила свою политику в этом регионе. Во-первых, Россия перестала сдерживать свою активность, так как реакция Запада стала заботить ее гораздо меньше. Во-вторых, действия Запада в регионе, особенно в Сирии, стали рассматриваться как одно из звеньев общей политики на окружение России, на лишение ее традиционных партнеров. В этих условиях была выстроена новая линия Москвы в регионе. Она сводилась к следующим пунктам:

1. Поддержка правительства Б.Асада военными средствами с тем, чтобы его войска смогли улучшить положение и восстановить контроль над всей страной или хотя бы на значительной ее части (в последнем случае Б.Асад смог бы вести переговоры об урегулировании с более сильных позиций).

2. Содействие Ирану и его союзникам в их стремлении поддержать Сирию. Достижение соглашения по иранской ядерной проблеме в этом плане воспринимается в России как важная победа. Оно открывает путь к расширению сотрудничеству с Ираном, а также к возможному принятию его в ШОС.

3. Расширение сотрудничества с Ираком, который также борется с ИГИЛ и, по сути, является союзником шиитского Ирана.

4. Расширение сотрудничества с Египтом, власти которого недовольны курсом Вашингтона, поддерживавшего правительство «Братьев-мусульман».

5. Первоначально Россия пыталась играть сбалансированную политику, не порывая отношений с Турцией и Саудовской Аравией и даже пытаясь сыграть на растущих в этих странах антиамериканских чувствах. Однако все более отчетливо складывающееся противостояние в регионе по линии шииты-сунниты действует в сторону роста напряженности между Россией и этими странами. В этом смысле разрыв с Турцией не был случайным. Россия попытается сохранить отношения с Саудовской Аравией. На это направлено недавнее предложение стать посредником в ее споре с Ираном. Но это будет нелегко, учитывая жесткую позицию Эр-Рияда по Б.Асаду, Ирану и его помощь США в снижении мировых цен на нефть, что подрывает российскую экономику.

В результате складывается система сотрудничества между Россией, Ираном, Ираком и Сирией, которой противостоят Турция и Саудовская Аравия со своими союзниками. Речь там не идет о четком союзе, так как действует множество других сложных факторов. Например, ненавидимый как шиитами, так и суннитами Израиль имеет с Россией хорошие отношения, которыми она вряд ли захочет пожертвовать. Сам же Израиль считает угрозу со стороны Ирана и поддерживаемой им «Хезболлы» более опасной, чем даже со стороны ИГИЛ. Важный российский партнер Египет сотрудничает с Саудовской Аравией в Йемене. Отношения с Анкарой важны для Москвы, и ей трудно будет пойти на полный разрыв. Кроме того, в населении самой России традиционно мусульманские народы составляют от 10 до 15%, и большинство из них - сунниты. Их реакцию также нельзя не учитывать.

Если на Западе многие надеялись, что после отмены антииранских санкций смогут развить отношения с ним и даже использовать его против России (например, в игре на понижение цен на нефть), то ситуация явно складывается не в их пользу. Из-за конфронтации с Саудовской Аравией и ее союзниками, которых поддерживают США, значение России для Ирана также возрастает. Россия демонстрирует решительность в желании развивать сотрудничество. В 2014 году были подписаны Межправительственный протокол о сотрудничестве в сооружении на территории Ирана до восьми энергоблоков для АЭС и соответствующие контракты. В январе 2015 года было заключено соглашение о военном сотрудничестве²³. Министр иностранных дел России С.В.Лавров неоднократно высказывался в том смысле, что Россия готова поддержать вступление Ирана в ШОС

в качестве полного члена и что снятие с него санкций СБ ООН открывает для этого дорогу²⁴. В июле 2015 года иранский Президент Х.Рухани посетил саммит ШОС в Уфе и в очередной раз высказал такую заинтересованность. В августе Иран отозвал иск в Женевский суд к «Рособоронэкспорту» за непоставку ЗРК С-300, которую подал в связи с тем, что в 2010 году Москва приостановила выполнение контракта под давлением США. Россия обязалась поставить их в Иран даже несмотря на то, что они были уже сняты с производства.

В целом политика России на Среднем и Ближнем Востоке вполне соответствует общему курсу Москвы, направленному на создание партнерских отношений с самостоятельными незападными игроками на мировой арене: Китаем, Индией, Бразилией, ЮАР. Иран хорошо вписывается в этот ряд.

Таким образом, поворот России к Азии - реальность, вызванная как политическими, так и экономическими интересами страны. И пусть он происходит не так быстро, как кому-то хотелось бы, и сопровождается некоторыми трудностями, но процесс, как говорится, пошел и вряд ли можно ожидать обратного движения. Конечно, отношения России с Западом знали различные периоды. Нынешний период чрезмерной конфронтации может смениться более спокойным, но полный возврат к прошлому вряд ли возможен. Лишь небольшая, маргинальная часть российского общества продолжает мечтать о единстве с Европой, которая сама вступила в полосу тяжелейшего кризиса. Большинство российской элиты, да и ее граждан, понимают, что никто нас там на приемлемых условиях не ждет. Поэтому, не желая конфронтации и стремясь к рабочим отношениям, Москва при любом правительстве вряд ли будет стремиться к отношениям, основанным на единстве взглядов. «Мирное сосуществование», договоренности о том, о чем можно договориться, при сохранении разногласий - такова будет основа ее отношений с Западом, а это станет все больше сближать ее с западным миром, прежде всего с азиатскими гигантами, которые давно уже проводят такой курс. В этом и есть прочная основа российского поворота к Азии.

¹ Чжао Юй. Комментарий. Сможет ли Россия выдержать испытание на прочность на фоне сложного кризиса? 17.12.2015 // http://russian.news.cn/2015-12/17/c_134926887_2.htm

- ²Забелина Н. Россия зашла в стратегический тупик. Китайцы задаются вопросом - выдержит ли наша страна экономические испытания //Независимая газета. 18.12.2015 // http://www.ng.ru/economics/2015-12-18/1_tupik.html
- ³См., например: *Оверченко М.* Как Китай отвоевывает у России Центральную Азию //Ведомости. 25.10.2015 //http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/10/26/614254-kitai-aziyu-rossii?utm_source=google&utm_medium=news&utm_campaign=top-news&google_editors_picks=true; *Иванов А.* Китай «списывает» российское правительство //Свободная пресса. 18.12.2015 // <http://svpressa.ru/politic/article/138622/>
- ⁴См., например: *Коростиков М.* Недоворот на Восток. Итоги российской политики поворота в Азию противоречивы //Коммерсантъ. 25.12.2015 // <http://kommersant.ru/doc/2884691>; *Габуев А.* Поворот в никуда. Итоги азиатской политики России в 2015 г. 29.12.2015 // <http://carnegie.ru/commentary/2015/12/29/ru-62369/ieo2>
- ⁵Гайдар Е.Т. Россия XXI века: Не мировой жандарм, а форпост демократии в Евразии // Известия. 1995. 18 мая. С. 4.
- ⁶Sergounin Alexander A., Subbotin Sergey V. Sino-Russian Military Cooperation: Russian Perspective //Regional Studies. 1997. Vol. 15. №4. P. 26.
- ⁷Китай и Россия служат образцовым примером междержавных отношений //Жэньминьван. 12.11.2015 // <http://russian.people.com.cn/n/2015/1112/c31521-8975278.html>
- ⁸Караганов С.А. Праздновать еще рано //Российская газета. 11.01.2016 // <http://www.rg.ru/2016/01/12/karaganov.html>
- ⁹Fu Ying. How China Sees Russia: Beijing and Moscow Are Close, but Not Allies // Foreign Affairs. 2016. January/February //<https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-12-14/how-china-sees-russia>
- ¹⁰傅莹谈中俄关系：是伙伴还是盟友 (Фу Ин о китайско-российских отношениях. 光明日报. 23.12.2015. 第16页. Фу Ин. Отношения Китая, России и США - это неравносторонний треугольник. 23.12.2015 // <http://russian.people.com.cn/n/2015/1223/c95181-8994641.html>
- ¹¹Fu Ying. How China Sees Russia: Beijing and Moscow Are Close, but Not Allies // Foreign Affairs. 2016. January/February // <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-12-14/how-china-sees-russia>
- ¹²Там же.
- ¹³Экономика Китая: возможные сценарии развития и стратегия России // https://www.youtube.com/watch?v=M_FC2swBKhY
- ¹⁴Там же.
- ¹⁵Комментарий. Отношения китайско-российского партнерства устоят перед вызовами// <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0128/c95181-9010535.html>
- ¹⁶Мордюшенко О. Китаю разрешили зайти в СИБУР //Коммерсантъ. 11.12.2015 // <http://www.kommersant.ru/doc/2876066>
- ¹⁷«Норникель» продал инвесторам из Китая 13,3% акций в золотомедном проекте за 100 млн. долл. // <http://tass.ru/ekonomika/2563649>

- ¹⁸Колесников А. Владимир Путин поработал на науку // Коммерсантъ. 12.01.2005 // <http://www.kommersant.ru/doc/537896>
- ¹⁹Стародубцева И. Анализ изменений, внесенных в соглашение между правительством РФ и правительством Китая об избежании двойного налогообложения. 07.06.2015 // http://rosco.su/press/analiz_izmeneniy_vnesennykh_v_soglashenie_mezhdu_pravitelstvom_rf_i_pravitelstvom_knr_ob_izbezhanii/
- ²⁰Кашин В. Зачем Китай купил у России новые истребители? // Московский центр Карнеги // <http://carnegie.ru/commentary/2016/02/02/ru-62640/itfn>
- ²¹Моди Н. в столице России: подписание стратегических контрактов, усиление торгово-экономического сотрудничества России и Индии // <http://centeresir.ru/archives/1308>
- ²²Россия предложила начать переговоры ШОС и ЕАЭС с АСЕАН о возможных партнерствах. 15.12.2015 // <http://lenta.ru/news/2015/12/15/medvedev/>
- ²³Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел Исламской Республики Иран М.Дж.Зарифом. Москва. 17 августа 2015 г. // http://www.mid.ru/maps/ir/-/asset_publisher/HUPBmpXjn4Ob/content/id/1654185
- ²⁴Пресс-конференция министра иностранных дел России С.В.Лаврова «на полях» саммитов БРИКС и ШОС //Уфа. 09.07.2015 // http://www.mid.ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicstva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/1551620

Ключевые слова: Азия, азиатская политика России, АТЭС, ШОС, Китай.

Ариф АСАЛЫОГЛУ

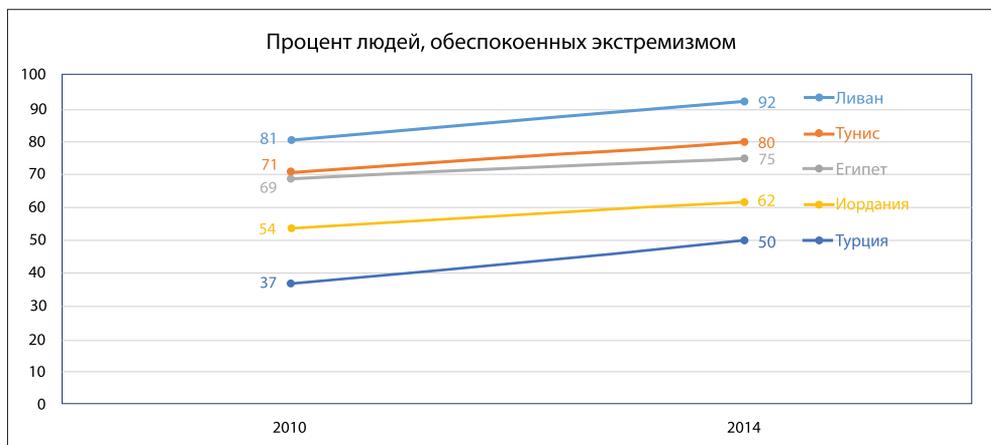
Генеральный директор
Международного института развития
научного сотрудничества (МИРНАС)
aasalioglu72@gmail.com

Ближний Восток в тупике радикализма

Радикализм использовал и продолжает использовать религиозные атрибуты, этническую принадлежность, идеологию и отсутствие образования как средство подпитки и поддержания своего существования. Радикализм деформирует социумы, в которых появляется. В конечном итоге радикальные террористические организации, действующие в обществе, взаимодействуют не только друг с другом. Радикальные организации создают не только собственную социальную базу, но и способствуют формированию оппозиционной социальной базы, вызывая таким образом значительную социальную трансформацию. Исследования «Pew Research Center» показали, что в 2014 году по сравнению с 2013 годом на Ближнем Востоке выросла обеспокоенность радикализацией и экстремизмом, деятельностью таких организаций, как «Аль-Каида», ХАМАС и «Хезболла». Согласно тому же исследованию, наибольший рост обеспокоенности наблюдается в Турции... Там же говорится, что большинство из ближневосточных народов встревожены экстремизмом.

Возросшая обеспокоенность радикализацией на Ближнем Востоке

Растущая радикализация - одна из реальных угроз для Запада, и по этому вопросу сформировалось глобальное понимание. Радикализация тем не менее хоть и демонстрируется как угроза Западу, несет больше разрушительного влияния региону, откуда она берет начало, по сравнению с регионами, куда она распространяется.

Упадок Ближнего Востока, зажатого в клешнях радикализма, сопровождается укреплением ИГИЛ, появившегося в Ираке и распространившегося сначала в Сирии, а затем и в странах Запада. Корни этого упадка уходят далеко в прошлое, но искать причину страданий, испытываемых людьми на Ближнем Востоке, только в них самих не приведет к чему-либо кроме упущения первопричин угроз, с которыми столкнулось современное человечество. Ближний Восток, да и вообще вся Африка, последние 70 лет живут в атмосфере эксплуатации, принуждения, рабства, бедности, невежества, несправедливости, унижения и, самое главное, отчаяния. Конечно же, организации, злоупотребляющие этой несправедливостью, подобные ИГИЛ, не облегчат страдания жителей региона. Но невозможно предотвратить появление новых ИГИЛов, если человечество будет продолжать закрывать глаза на такие невыносимые условия.

В наши дни, когда можно проследить за каждым шагом человека, было бы наивно полагать, что террористические организации и крупные теракты могут иметь место без ведома государств, сил и служб разведки. Сегодня терроризм используется для достижения больших целей в странах, регионах и в мире, и в случае если против

страны или региона планируется операция, приводятся в действие террористические организации, сформированные на их территории, а дальше следует силовое вмешательство в эти движения, страны или регионы, терроризм выступает в качестве «законного» основания для такого вмешательства.

Пока международное сообщество будет продолжать рассматривать эту несправедливость как результат краха политики арабских и африканских лидеров, пока будет затягивать с устранением первопричины проблемы, не нужно быть большим политиком или политологом, чтобы спрогнозировать будущее, где массы, обреченные на вечную бедность, будут бессознательно идти за любыми деспотами, которые предлагают другой образ жизни, вплоть до шоковой терапии. Вопрос радикализма нужно рассматривать в контексте структурных проблем региона и местных жителей. Таким образом, укрепляющийся и распространяющийся радикализм следует изучать в связке с политической и социальной несправедливостью и давлением, ориентированной на собственную выгоду политикой Запада, социальными аномалиями, политическими амбициями и недалекостью, теологическими искажениями и невежеством. С другой стороны, помимо регионального аспекта проблемы, нужно отметить глобальный аспект.

ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РАДИКАЛИЗМА

На данный момент радикальные организации, возникшие однажды на этнической и религиозной почве на географически сравнительно близких к нам территориях, укрепились до такой степени, что уже не могут быть проигнорированы, и располагают значительной социальной базой. Радикализм, являющийся сочетанием ненависти, гнева и чувства мести, а в региональном контексте - невежеством, беспомощностью и отсутствием самореализации, никогда ранее не был столь влиятельным и не находил столько приверженцев в сердце исламского мира - Ближнем Востоке. Растущая проблема радикализации в регионе хоть и приняла четкие очертания с началом арабских революций, было бы ошибочным искать ее причины только в текущих событиях. Радикализм - давняя хроническая проблема региона. Таким образом, радикализация началась в прошлом, а сегодня мы имеем дело с очередной ее волной.

Рассмотрим факторы возникновения радикализма:

Исторические предпосылки

- Провал светских движений в государствах Ближнего Востока и арабских странах привел к распространению убеждения, согласно которому успех в таких больных темах, как палестинский вопрос, возможен только благодаря усилиям религиозных движений.

- Обстановка нарастающего кризиса 1967 года вкупе с нерешенностью палестинской проблемы поспособствовали распространению религиозной пропаганды, и активность исламистских групп заметно возросла. Исламская революция в Иране, произошедшая в 1979 году, - еще один фактор, вызвавший повышение влияния исламистского популизма в регионе.

- Гражданские войны в Ливане 1970-х и 1980-х годов ускорили движение в сторону радикализма. После вторжения Израиля в 1982 году Ливан стал центром укрепления радикальных течений.

- События, происходившие в 1990-х годах на Балканах, особенно в Боснии и Герцеговине, столкнули широкие массы общества в тупик радикализма.

- Вторжения в Афганистан и Ирак на волне терактов 11 сентября стали еще одной причиной укрепления радикализма. На фоне религиозных конфликтов в постаддамовском Ираке так и не был установлен государственный порядок и это сделало страну благодатной почвой для появления радикальных группировок. Таким образом, этот новый период оказался первым периодом, когда радикальные террористические организации стали причиной геополитических изменений на Ближнем Востоке.

- Успех контрреволюционных сил после начала народных волнений в 2011 году породил новую волну радикализации. Те явления, что мы наблюдали раньше в Палестине, Афганистане, Боснии, Кашмире, можно увидеть сейчас в Тунисе, Египте, Ираке, Сирии, странах Персидского залива и Турции - государствах, традиционно считающихся центром исламского мира.

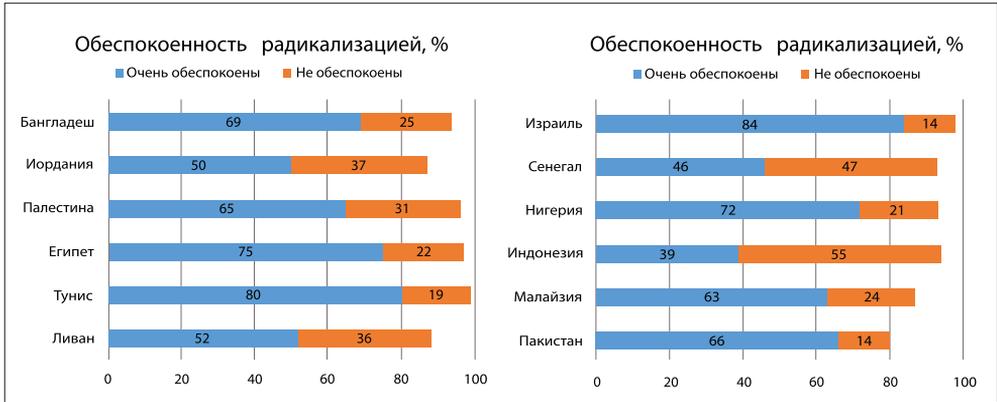
Социально-экономические предпосылки

- В результате проводившейся в 1980-х и 1990-х годах неолиберальной политики ослабло понимание социалистического государства и сократилась его социальная функция. В условиях, когда обещанное государством благоденствие так и не наступило, образовавшаяся пустота была заполнена различными группами. Радикальные организации с похожей на государство социально-экономической структу-

рой имели возможность расширить область влияния в образовавшемся социальном вакууме.

- Модернистская концепция национализма, в какой-то степени потерявшая влияние в достигших постмодернистского уровня развития цивилизованных западных странах, оказывает сильное влияние на ближневосточные этнические группы, для которых не сложились условия для формирования национального государства.

Все больше людей беспокоятся о радикализации в своих странах

- Среди важных причин данной ситуации следует отметить нехватку политического авторитета и уязвимость систем безопасности. В условиях возникшего на Ближнем Востоке вакуума власти либеральные, светские, исламские политические фракции прилагают усилия по укреплению влияния и, по утверждению Альтермана, радикальные группы перенимают опыт других групп и путем применения подобных практик пытаются создать свою собственную социальную среду обитания.

- Подпитывающие друг друга религиозные конфликты, моновластные режимы, использование региональными государствами террористических организаций как элемент внешней политики, травмы от ближневосточной политики США и стран Запада, диаметрально противоположные позиции Ирана и Саудовской Аравии при и без того низком уровне сотрудничества региональных акторов препятствуют выработке общей политики противодействия радикализации.

- Исламские политические движения, на протяжении многих лет не имевшие возможности проявлять политическую активность, после арабских восстаний пришли к власти в обширном географическом регионе, но эти группы не оправдали ожиданий. Возникшее

впоследствии разочарование подготовило почву для дальнейшего укрепления радикалов.

- Как правило, в ряды ИГИЛ или подобных террористических организаций вступают люди с развитыми религиозными чувствами и невысоким уровнем образования либо молодежь, совершавшая ранее преступления. В основном это молодые люди, открытые к манипулированию, неимеющие прочных познаний в религии, на них выходят через группы крайних салафитов в социальных сетях, предлагают финансовую поддержку и помощь с бракосочетанием.

- В Европе ИГИЛ больше притягивает молодежь, переживающую кризис идентичности. Следует подчеркнуть, что движения салафитов имеют большое влияние на национальные меньшинства в Европе. Переживающие кризис идентичности представители мусульманских меньшинств (в Англии, Франции, Бельгии и др.), жители стран, где в течение длительного времени ислам находился под давлением, и вновь вступившие в группы салафитов энергичные молодые люди (особенно на Балканах) являются основной целевой аудиторией ИГИЛ. Мусульманские общины, не сумевшие интегрироваться в новое общество, подверглись маргинализации. Чувство поражения перед Западом как итог маргинализации становится причиной того, что ИГИЛ и подобные организации становятся предметом гордости.

- В свою очередь, участников из арабского мира привлекают, используя идеологические мотивы. Важную роль в этом отношении играют выступления салафитов и радикальных проповедников, распространяющиеся через Интернет (отсутствует языковой барьер). Деньги стран Персидского залива во главе с Саудовской Аравией и Кувейтом в течение многих лет используются для распространения собственной религиозной идеологии в регионах, где массово проживает мусульманское население. Эта идеология со временем приняла настолько радикально-экстремистский характер, что способна повергнуть в смятение даже своих идеологов. Практическое ее проявление можно увидеть в ненависти и актах насилия, предшествовавших терактам ИГИЛ. Действительно, каждый лабораторный эксперимент по политизации и уходу от истоков ислама выдавал на выходе «Аль-Каиду», ИГИЛ, Боко Харам, Харакат аш-Шабаб и других «франкенштейнов».

- Также следует отметить несостоятельность систем образования стран с наблюдающейся тенденцией радикализации. Проблемы в системе образования повышают популярность радикальных движений. Особенно важно понимать, кем и как дается религиозное обра-

зование. В этом контексте вероятность обучения сирийских детей и молодежи, находящихся в Турции, Ливане и Иордании, радикально настроенными преподавателями может сыграть определенную роль в ускорении радикализации.

- Социально-экономические проблемы, наступившие после многих лет, проведенных в состоянии войны и конфликта.

- Несправедливая политика и недостаточность правовых норм.

- Ситуация усугубляется тем, что даже духовные лидеры, получившие широкое признание, обсуждают вопрос радикализации как исключительно религиозный, не учитывая политический, социологический и уголовный аспекты. Эта нехватка стратегического подхода порождает усиление волны насилия и увеличивает масштаб разрушений, а также открывает путь к легкой радикализации людей.

Геополитические изменения

Наряду с десятками проблем, пришедшими из прошлого, мы имеем дело, в особенности после арабских восстаний, с проблемой распространяющегося и углубляющегося радикализма, сопровождающегося массовым насилием и другими формами проявлений. Ситуация, сложившаяся после американского вторжения в 2003 году в Ирак, после арабских восстаний распространилась на весь регион. Мы можем сказать, что процесс геополитического сдвига Ближнего Востока в сторону радикализации, начавшийся с превращения Ирака в несостоявшееся государство, ускорился с включением в процесс Сирии и Ливии. Сюда же можно отнести и Йемен: оттуда хоть и поступали положительные сигналы о возможности реформ, но в итоге и он не смог избежать гражданской войны.

Таким образом, мы можем говорить о четырех странах региона, в той или иной степени предоставивших жизненное пространство радикальным организациям и даже обеспечивших им набор авторитета. Иордания и Ливан, хоть и не стали несостоявшимися государствами, но из-за слабого политического устройства влияние радикальных террористических организаций на их территориях крайне велико. Ситуация с радикализацией и насилием, сложившаяся в регионе после арабских восстаний, указывает на ряд геополитических изменений. Если раньше радикализация наблюдалась в странах, которые можно рассматривать как периферию мусульманского мира, таких как Пакистан, Афганистан, ряд стран Центральной Азии и Сомали, теперь же она распространилась и на Центральный регион - Египет, Ирак, Сирию и Турцию.

Национальный состав иностранных боевиков

Страна	Примерное количество	Страна	Примерное количество
Афганистан	50	Казахстан	250
Албания	90	Косово	100-250
Алжир	200	Кувейт	70
Австралия	100-250	Кыргызстан	100
Бахрейн	12	Ливан	900
Босния и Герцеговина	330	Ливия	600
Канада	100	Македония	12
Китай	300	Марокко	1500
Египет	360	Новая Зеландия	6
Израиль / Палестина	120	Пакистан	500
Иордания	1500	Катар	15
Россия	800-1500	США	100
Саудовская Аравия	1500-2500	Узбекистан	500
Сербия	50-70	Йемен	110
Сомали	70	Австрия	100-150
Судан	100	Бельгия	440
Таджикистан	190	Дания	100-150
Турция	600	Финляндия	50-70
Туркменистан	360	Франция	1200
Тунис	1500-3000	Германия	500-600
Украина	50	Ирландия	30
ОАЭ	15	Италия	80
Голландия	200-250	Швеция	150-180
Норвегия	60	Швейцария	40
Испания	50-100	Великобритания	500-600

Этот геополитический сдвиг, породивший в регионе водоворот радикализации, получает подпитку из обширной территории. Данный факт можно увидеть, проанализировав показатель доли иностранных боевиков. Исследования Международного центра по изучению радикализации и политического насилия (ICSR, Лондон) показали, что численность иностранных боевиков в регионе в настоящее время превышает 20 тыс. человек. Вопрос иностранных боевиков хоть и ставится на повестку дня Европой по той причине, что они представляют потенциальную угрозу безопасности для европейских стран после своего возвращения, напрямую затрагивает и мусульманские страны региона. Проблемы, затронутые Европой, более чем актуальны для этих стран.

Террористические организации как вектор радикализации играют большую роль в процессе геополитического сдвига. Радикальные террористические организации, некогда базировавшиеся в Центральной Азии, на Кавказе и Балканах, теперь нашли тихую гавань на Ближнем Востоке, который стал для них центром притяжения и убежищем. Геополитический сдвиг хоть и связан напрямую с вакуумом власти, возникшим после арабских восстаний, однако причины превращения региона в столь плодородную почву для радикализации лежат гораздо глубже.

Не будем забывать о том, что явление радикализации региона имеет динамический характер, нацеленный на будущее. Ближний Восток, в некотором смысле превратившийся в «плавильный котел» (melting pot), приютил у себя многочисленные радикальные террористические организации с различными характерными особенностями и породил динамичную среду, в которой эти организации оказывают влияние друг на друга. Они имеют мобильную структуру, преобразовываясь и обмениваясь опытом, что представляет множество потенциальных угроз для стран, которые организации используют как источник подпитки и в которые могут вернуться. Впрочем, в регионе, где после арабских бунтов отсутствует политическая стабильность, радикальные террористические организации влияют не только друг на друга.

Необходимо отметить, что тенденция радикализации с центром на Ближнем Востоке, помимо видимой и осязаемой ее части, формирует глобальную идеологию для террористических организаций, находящихся за пределами региона, и даже в некоторой степени является источником вдохновения для них. Террористические организации, активно используя блага цивилизации, прежде всего средства массовой коммуникации, расширяют границы своего влияния и открывают путь к ряду глобальных и региональных актов насилия. Одним из проявлений этого является то, что Ансар Бейт аль-Макдис в Египте, Боко Харам в Нигерии, Киренаика в Ливии присягнули на верность ИГИЛ. Трансграничное влияние радикальных организаций увеличивает вероятность появления так называемого «терроризма волков-одиночек» (Lone Wolf Terrorism), то есть терактов, совершаемых отдельными людьми в знак поддержки тех или иных организаций.

ПАНОРАМА РАДИКАЛИЗАЦИИ: ИГИЛ

Вслед за «Аль-Каидой» угроза радикализации в регионе возникает в виде «духа ИГИЛ». ИГИЛ, многие боевики которого при-

шли не из Сирии и Ирака, дополненный местными жителями, стал крупным центром притяжения. Основная целевая аудитория ИГИЛ, которому удалось привлечь в свои ряды людей из разных уголков мира, - население с низкими доходами.

Такие организации, как «Аль-Каида», ИГИЛ, «Фронт ан-Нусра», используются в целях, отмеченных выше. В их составе много искренних мусульман; этих людей привели в терроризм жестокость, эксплуатация, угнетение, экономические и политические мотивы, а также провокации. Но на самом деле никакие обстоятельства не могут быть основанием для террора. В Коране убийство человека приравнивается к преданию Аллаха сотоварищей, то есть является непростительным грехом; в исламе право каждого свято, не бывает маленького или большого нарушения прав, а, следовательно, неправомерное убийство одного человека приравнивается к убийству всего человечества; в вопросе целеполагания обязательной является дозволенность не только цели, но и средств ее достижения - конечно же, ислам не приемлет терроризма.

Тем не менее может ли мусульманин превратиться в террориста? Может, и таких случаев много. Ассасины, карматы и даже хариджиты - все это исторические примеры террористических организаций. В одном из хадисов говорится: «Не прелюбодействует прелюбодей, оставаясь верующим; не ворует вор, сохраняя веру свою», то есть вера в процессе совершения столь страшных преступлений покидает человека, аналогичным образом вера и совершение теракта не могут быть вместе. Помимо этого ислам за основу берет принципы верности, честности, правдивости и считает их первым характерным качеством всех пророков, а справедливость - одной из четырех основ; рассматривает ложь, ненадежность, необязательность и крайнюю враждебность как признаки лицемерия. Аллах говорит в Коране, что проклянет в этом мире и в следующем тех, кто клеветает на невинных. И уж совсем трудно понять тех людей в Турции, которые когда-то говорили о законе, справедливости, честности, но сегодня превратились в машины лжи, клеветы, коррупции, беззакония, жестокости, предательства, необязательности, враждебности.

Следует помнить о том, что, даже если ИГИЛ будет побежден военными методами, без принятия необходимых политических и социальных мер, эта организация будет поддерживать свое существование в суннитской общине в виде «спящих» адептов. При первой же возможности она возобновит нападения, как это было в случае с

«Аль-Каидой». В этом контексте ожидается, что во избежание хаоса основные страны исламского мира сыграют активную роль в борьбе с ИГИЛ. Для решения проблемы имеет важное значение разработка комплексного подхода с участием Анкары, Каира, Аммана, Эр-Рияда, освободившегося от одержимости в вопросах религиозных течений Багдада, а также западных акторов.

Отсутствие развитой системы государственной безопасности на Ближнем Востоке способствует быстрому развитию негосударственных субъектов. Особенно назидательно постепенное ослабление некогда развитых сил безопасности Ирака и сегодняшнее плачевное состояние страны. Турция, также расположенная в данной местности, должна быть осторожной, не растратить свои силы безопасности и сохранить потенциал. С другой стороны, на Ближнем Востоке наблюдается отчужденность населения, которое, не имея доступа к ряду услуг, не видит себя частью государственного механизма и поэтому используется негосударственными субъектами.

Турция не должна становиться участником столкновений и войны в регионе, ведь, как и в случае ирано-иракской войны, этот конфликт может продолжаться длительное время, вплоть до истощения экономических и человеческих ресурсов сторон. Вовлечение Турции в подобную войну может стать причиной утраты ряда накопленных, выделяющих ее на региональной арене. Турции следует быть осторожной, чтобы не оказаться вовлеченной в войну как в Сирии, так и Ираке, а также всячески избегать действий, которые могут стать причиной развязывания войны. В противном случае явление «быстрой радикализации», свидетелями которого мы стали во время последней волны радикализации, также может стать возможным для Турции, и мы увидели реальность этой угрозы во время событий 6-7 октября (бурные протесты на территории Турции, вызванные событиями в сирийском городе Кобани). Не будем забывать, что у страны уже был подобный опыт в 1990-х годах, что люди, радикализировавшиеся против РПК вокруг «Хезболлы», впоследствии стали террористической угрозой для всей страны. С другой стороны, нужно помнить на примере Пакистана, что страны, попавшие в водоворот терроризма и радикализации, тратят долгие годы на поиск решения этой проблемы.

Ключевые слова: радикализм, Ближний Восток, ИГИЛ.

Международная

ЖИЗНЬ

Гуманитарный вектор

Робин Граймс:

«Главные научные советники помогают нашему правительству понимать, почему необходимо финансировать науку. Один из аспектов, остающийся важным, касается катастроф. С 1990 по 2010 год Великобритания пережила ряд национальных катастроф, которые требовали лучшего научного осмысления. Среди них - пожар на вокзале Кингс-Кросс, трагедия на стадионе Хиллсборо, железнодорожная авария на станции Поттерс Бар, пожар на нефтехранилище «Бансфилд», падение строительного крана в Ливерпуле и другие. Как нация, мы размышляли над этими ужасными происшествиями, пытаясь разработать новые инженерные и научные методы решения соответствующих проблем. Было ясно, что наша способность реагировать на сопряженные с катастрофами риски основана на качественных научных данных, которые повышают эффективность при поиске решений различных проблем».

Владимир Коннов:

«При этом фонды могут быть достаточно компактными организациями, располагающими лишь небольшими долями научных бюджетов, однако создаваемая ими возможность для ученых влиять на финансирование науки обеспечивает им особое внимание со стороны научных сообществ своих стран. Национальный научный фонд США (ННФ) послужил образцом для целого ряда аналогичных организаций, в том числе и для возникших раньше него Немецкого научно-исследовательского сообщества и Японского общества продвижения науки. К тому же на сегодняшний день ННФ с бюджетом 7,3 млрд. долларов является крупнейшим в ряду такого рода организаций».

Робин ГРАЙМС

Главный советник по науке
МИД Великобритании, профессор
ScientificAdviser@fco.gov.uk

Наука в Великобритании - диалог с правительством и обществом

Развитие науки и инноваций входит в число приоритетов Великобритании. Это происходит по вполне очевидным причинам, которые характерны не только для Великобритании: наука лежит в основе экономического роста, ее динамизм и креативность позволяют экономике двигаться вперед. Новые технологии создают базу для новых компаний, помогают улучшать поддерживающий их сервис, позволяют существующему бизнесу расти и развиваться. Широкая поддержка исследований и разработок внутри страны рождает международный интерес, привлекает иностранные инвестиции. Наука не только занимает центральное место в экономике страны, но также является ключом к обеспечению благосостояния общества.

В связи с тем, что наука и технологии неотрывны от жизни общества, Великобритания уделяет все большее внимание коммуникациям между научным сообществом, правительством и общественностью. Это взаимодействие имеет трехстороннюю направленность. Во-первых, существуют механизмы, содействующие диалогу меж-

ду научным сообществом Великобритании и британскими политиками. Во-вторых, весьма важен диалог между учеными и теми, кто занимается непосредственным внедрением технологической политики. В-третьих, в Великобритании мы создаем возможности для взаимодействия ученых и общественности. В каждом случае существует ряд механизмов, цель которых - поддерживать этот диалог как на национальном, так и мировом уровнях, учитывая международный характер научных исследований.

В этом отношении науку можно рассматривать в качестве платформы для построения и улучшения политических, социальных и экономических связей. Объединить эти составляющие на международном уровне - непростая задача. В МИД Великобритании (Foreign and Commonwealth Office) мы занимаемся разработкой концепции «научной дипломатии». В научной дипломатии выделяют три ключевых направления:

- наука в поддержку дипломатии;
- дипломатия в поддержку науки;
- вклад ученых в выстраивание дипломатических отношений.

Научно-инновационная сеть Великобритании, работающая при поддержке МИД Великобритании и Министерства бизнеса, инноваций и профессионального образования Великобритании (Department for Business, Innovation and Skills), - один из мощных инструментов, созданных для выполнения этой задачи. Научно-инновационная сеть умело соединяет науку, дипломатию и международное взаимодействие. Под эгидой Научно-инновационной сети научные отделы работают в дипломатических миссиях Великобритании в 28 странах и 47 городах, включая посольство Великобритании в Москве, с целью наладить двусторонние научные связи и укрепить взаимовыгодное научное сотрудничество.

В Великобритании существует правительственная сеть, объединяющая главных научных советников от разных министерств, которая обеспечивает эффективную коммуникацию между учеными, правительством и людьми, формирующими технологическую политику. Будучи главным научным советником МИД Великобритании, я отвечаю за предоставление консультаций по вопросам науки, технологий и инноваций министру иностранных дел, заместителям министра и другим правительственным должностным лицам. Моя задача сделать так, чтобы научная составляющая должным образом учитывалась в работе МИД Великобритании. Еженедельные собра-

ния главных научных советников министерств создают прочную платформу для обмена мнениями и обсуждения проблем, которыми в данный момент занимаются в министерствах.

Главные научные советники помогают нашему правительству понимать, почему необходимо финансировать науку. Один из аспектов, остающийся важным, касается катастроф. С 1990 по 2010 год Великобритания пережила ряд национальных катастроф, которые требовали лучшего научного осмысления. Среди них - пожар на вокзале Кингс-Кросс, трагедия на стадионе Хиллсборо, железнодорожная авария на станции Поттерс Бар, пожар на нефтехранилище «Бансфилд», падение строительного крана в Ливерпуле и другие. Как нация, мы размышляли над этими ужасными происшествиями, пытались разработать новые инженерные и научные методы решения соответствующих проблем. Было ясно, что наша способность реагировать на сопряженные с катастрофами риски основана на качественных научных данных, которые повышают эффективность при поиске решений различных проблем.

Необходимы наблюдения, чтобы иметь возможность прогнозировать, интерпретировать и анализировать риски и информировать общественность на базе этих данных. Сбор и анализ научных данных - это непрерывный процесс. Благодаря ему мы можем определять и в дальнейшем ликвидировать пробелы, существующие в нашем понимании и в процессах, которые мы желаем применить, для предотвращения новых катастроф в будущем.

В результате совместных размышлений и проведенного анализа была сформирована Научная консультативная группа по чрезвычайным ситуациям (SAGE - Scientific Advisory Group in Emergencies). С 2009 года SAGE работает на территории Великобритании во время чрезвычайных ситуаций с целью давать консультации по техническим и научным аспектам происшествия и мерам реагирования. В SAGE входят главные научные советники, независимые исследователи, представители промышленности и неправительственных организаций. Эти люди собираются вместе и оценивают лежащую в основе катастрофы научную проблему в течение всего того времени, что длится чрезвычайная ситуация. За последние семь лет этой группой был накоплен богатый опыт. SAGE довелось поработать над целым рядом происшествий: от пандемии гриппа (2009 г.) до проблем авиаперелетов после извержения исландского вулкана (2010 г.); от ядерной аварии на станции Фукусима (2011 г.) до круп-

номасштабного наводнения в Великобритании (2014 и 2015 гг.) и, наконец, эпидемии лихорадки Эбола в Африке.

Что касается чрезвычайных ситуаций, то я лично много работал над аварией на Фукусиме и со СМИ. Один случай общения с журналистами запомнился мне особенно хорошо. Я был в студии BBC и готовился дать интервью в прямом эфире, который смотрели миллионы зрителей. В тот момент, когда я сел на свое место, на экране появились свежие кадры с Фукусимы, показывающие взрыв второго реактора. Ведущий посмотрел на меня и сказал: «Когда мы будем в прямом эфире, вам придется сообщить, что там случилось. Через пять секунд». Как быть ученым, оказавшимся в подобной ситуации? Считаю необходимым объяснить, что в данный момент мы не располагаем точной информацией о происшествии, однако сразу же после этого нужно подробнее рассказывать, что именно ученым предстоит выяснить. Общество понимает, что у ученых не всегда есть готовые ответы, но люди должны быть уверены, что в этом направлении ведется работа.

Постоянное общение ученых с людьми, формирующими технологическую политику, также весьма важно. В Великобритании мы сформировали и активно используем ряд содействующих этому механизмов. Например, у нас существует Научно-технологический фонд (The Foundation for Science and Technology), который выступает площадкой для диалога между основными участниками - парламентом, промышленностью, учеными и государственными служащими. Еще один хороший пример: в парламенте существует подразделение под названием «Парламентский офис науки и технологий» (Parliamentary Office of Science and Technology). Эта организация не только занимается анализом, обучением и созданием новых связей, но и издает печатные материалы, которые рассматривают научные детали, сопряженные с ключевыми вопросами повестки дня.

Другая важная сторона взаимодействия с учеными касается вопросов эффективной коммуникации научного сообщества и общественности. В зависимости от того, как вы разговариваете с людьми и формулируете свои вопросы, могут получаться совершенно разные картины. В связи с этим весьма важно научиться видеть сложные вопросы глазами других людей.

Сланцевый газ служит хорошей иллюстрацией данной проблемы. Ученые хотят понять, приведет ли добыча сланцевого газа к за-

грязнению пресной воды, изменению сейсмической активности или выбросам метана. Что же думает об этом общественность? Конечно же, люди обеспокоены. Во многих странах они выходят на митинги, требуя прекратить бурение. Однако в целом люди считают, что добыча природных ресурсов должна продолжаться, но не «у них на заднем дворе». Людей мало заботили технические аспекты, они часто достаточно открыто говорили, что не разбираются в научных деталях. Между тем люди были глубоко обеспокоены.

Существуют инструменты, для того чтобы поддерживать и совершенствовать диалог между научным сообществом и общественностью в Великобритании. Научный медиациентр (Science Media Center), небольшая, но весьма эффективная организация, вносит свой важный вклад в работу, направленную на то, чтобы приблизить науку к обществу. Научный медиациентр был создан в 2002 году, потому что в Великобритании нам не удалось эффективно обсудить научные вопросы, связанные с тривакциной против кори, краснухи, паротита. В то время бытовало мнение, что вакцинация грудных детей способствует развитию аутизма. Однако это был далеко не единственный вопрос подобного рода. Эти проблемы оказывались на передовицах всех газет, но не выносились журналистами на обсуждение, основанное на научных данных.

Философия Научного медиациентра проста: СМИ будут лучше справляться с научными вопросами, когда ученые начнут эффективнее общаться со СМИ. Если ученые не разговаривают со СМИ, то кто-то сделает это вместо них. В своей работе Научный медиациентр использует следующие стратегии: быстрая реакция на громкие новостные истории; раундапы - обзоры, в которых научные исследования объясняются в контексте; пресс-брифинги - для освещения наиболее насущных вопросов.

Недавно мы провели исследование, чтобы понять, насколько эффективна британская наука. В Великобритании проживает 1% мирового населения; наши инвестиции в науку составляют всего лишь 3% от общего объема мировых инвестиций. Однако Великобритания публикует 6% всех научных статей в мире, на долю которых приходится 12% мировой научной цитируемости. На долю Великобритании также приходится 16% наиболее цитируемых статей в мире. Стоит отметить, что, когда Великобритания и Россия сотрудничают, цитируемость получившихся публикаций в два раза превышает среднемировые показатели.

Чем объяснить такой рост продуктивности? Ответ следующий: у нас разное мышление, системы и структуры. Когда мы работаем вместе, мы можем объединить свои разные подходы, чтобы разрешить особенно трудные проблемы. Разговаривая с коллегами в Великобритании, я осознаю, что у них одинаковое понимание и видение вещей. Нам нужен взгляд извне, и Россия может помочь с этим. Безусловно, легче и зачастую комфортнее работать с людьми, которые думают одинаково. Однако в долгосрочной перспективе этот подход оказывается не таким продуктивным и не приводит так же быстро к основным научным прорывам, необходимым мировому сообществу.

Научные прорывы и более совершенные технологии требуют налаженного международного научного сотрудничества и обменов, которые создают динамичные синергии и расширяют наш научный кругозор. В конечном счете наука всегда была и остается международной. Как ученый, я получил огромную пользу от своих научно-исследовательских обменов, один из которых позволил мне провести время в России. Молодым ученым я приехал в университет Санкт-Петербурга 25 лет назад. Моя поездка была профинансирована в рамках соглашения между Лондонским королевским обществом и Российской академией наук. Она оказала сильное влияние на мою карьеру. До сих пор благодарен за эту возможность. Частично являюсь продуктом сотрудничества наших двух стран.

Коммуникации на личном уровне - будь то поездки на конференции или более продолжительное пребывание для проведения совместных исследований - играют весьма важную роль. Они сближают нас, помогают завязывать дружеские отношения, которые длятся десятилетиями. Все это - ключ к нашим будущим совместным научным успехам. Надеюсь, что российско-британское научное сотрудничество и в дальнейшем продолжит развиваться.

Ключевые слова: научная дипломатия, наука и правительство, наука и общество, МИД Великобритании.

Владимир КОННОВ

Доцент кафедры философии
МГИМО (У) МИД России,
кандидат социологических наук
v.konnov@inno.mgimo.ru

Национальные научные фонды в институциональной структуре науки: зарубежный опыт

В настоящее время бесперебойно работающая инновационная экономика воспринимается как практически самоочевидная цель экономической политики любой страны, независимо от того, как далеко от этой цели она отстоит в реальности. Главным элементом такой экономики, на который приходится основной оборот средств, являются высокотехнологичные, наукоемкие производства, однако пристальное внимание уделяется также и научно-исследовательскому сектору, который, хотя уже и не рассматривается как единственный источник принципиальных новшеств, способных стать основой технологического развития, продолжает играть роль одной из ключевых составляющих.

Внутри же научного сектора наиболее далеко от рыночного поля располагаются фундаментальные исследования, которые по определению не нацелены на получение результатов, имеющих коммер-

ческое значение. Поскольку же конкурентный рынок обеспечивает более эффективные отбор и продвижение новых идей, чем административно-плановый подход, особое внимание уделяется здесь финансовым механизмам, призванным привнести элементы конкуренции в очевидно нерыночный вид деятельности. Возможно, главным таким механизмом на сегодняшний день является национальный фонд поддержки науки.

Основная идея фондов такого рода заключается в передаче государственных средств организации, находящейся под управлением ведущих ученых, с тем чтобы распределить эти средства между наиболее заслуживающими поддержки исследовательскими проектами. Средства могут поступать и из иных источников, помимо государственных, над организацией возможно установление административного контроля разной степени, а сама она может называться не фондом, а советом, агентством или как-то иначе, но определяющим признаком данного вида учреждений является распределение исследовательского бюджета на конкурсной основе при прямом влиянии на этот процесс самих ученых.

При этом фонды могут быть достаточно компактными организациями, располагающими лишь небольшими долями научных бюджетов, однако создаваемая ими возможность для ученых влиять на финансирование науки обеспечивает им особое внимание со стороны научных сообществ своих стран.

Национальный научный фонд США (ННФ) послужил образцом для целого ряда аналогичных организаций, в том числе и для возникших раньше него Немецкого научно-исследовательского сообщества и Японского общества продвижения науки¹. К тому же на сегодняшний день ННФ с бюджетом 7,3 млрд. долларов² является крупнейшим в ряду такого рода организаций.

Несмотря на то что доля США в мировых затратах на исследования и разработки за последние годы заметно сократилась, они все также остаются безусловным лидером - в 2011 году сумма затрат составляла 428,75 млрд. долларов, а к 2013 году возросла до 456,98 млрд. долларов³. По данным на 2011 год, на финансирование фундаментальных исследований пришлось 74,96 миллиарда, из которых 40,91 миллиарда были потрачены федеральным правительством⁴. Из них 4,58 миллиарда было выплачено исследователям со стороны ННФ⁵ (при этом затраты фонда на прикладные исследования составили 343 млн. долл.⁶, а общий бюджет - 6,85 млрд.⁷). Та-

ким образом, фонд финансирует примерно 6% всех национальных расходов на фундаментальные исследования. Основным получателем средств ННФ выступают организации высшего образования - на их долю приходится 77% всех выплат фонда⁸, и для них он играет гораздо более заметную роль, так как его средства составляют 24% от всего федерального финансирования фундаментальных исследований.

Это делает ННФ самым значимым федеральным ведомством, поддерживающим вузы по широкому спектру научных направлений и опережающим на этом поле в том числе и таких гигантов, как Министерство обороны и Министерство энергетики. По общему же объему средств, выделяемых вузам, ННФ уступает только Министерству здравоохранения и социальных служб США, в ведении которого находятся национальные институты здравоохранения - организации с крупнейшим в мире научно-исследовательским бюджетом (в 2011 г. - 30,92 млрд. долл.)⁹.

Конечно, ННФ, затративший в том же году на биологические науки (life sciences) 619 млн. долларов, не может претендовать на лидерство на этом направлении. Однако в других отраслях науки его роль оказывается гораздо более значительной: в информатике и математике (computer science and mathematics) она составляет 75,62% от общего объема федерального финансирования фундаментальных исследований в вузах, в науках о Земле (environmental sciences) - 60,18%, в социальных науках (social sciences) - 55,16%, в физических науках (physical sciences) - 44,13%, в инженерных науках (engineering) - 40,01%. А более детализированная разбивка на дисциплины показывает, что в некоторых из них фонд играет еще более заметную роль: например, аналогичные доли ННФ для океанографии - 76,82%, для информатики - 87,11%, а для антропологии и политологии фонд является единственным федеральным агентством, предоставляющим вузам средства на проведение фундаментальных исследований¹⁰.

Таким образом, если в контексте всех американских расходов на исследования и разработки фонд не играет ключевой роли, то для университетов он оказывается гораздо более значимым учреждением, а с точки зрения фундаментальных исследований, являющихся одним из основных видов университетской деятельности, имеет определяющее значение. Эта связь фонда с университетской фундаментальной наукой отражает как идеи, заложенные в его основу, так и историче-

ские обстоятельства его возникновения. Его учреждению, состоявшемуся в 1950 году, предшествовала длительная дискуссия о принципах государственной поддержки фундаментальной науки: в годы войны эта поддержка вышла на принципиально новый уровень и принесла выдающиеся результаты - помимо создания атомного оружия, на счету американских ученых была разработка технологий радара и сонара, неконтактных взрывателей, способов сохранения и перевозки крови для переливаний и еще целый ряд частных усовершенствований. Соответственно, после войны американские политики искали пути, которые позволили бы перенести столь успешный опыт взаимодействия государства и ученых в мирные условия.

Характерной особенностью организации научной работы в США в военное время было то, что главную роль в нем играли университеты. Радар разрабатывался в лаборатории Массачусетского технологического института, сонар - в лаборатории университета Сан-Диего и даже исследовательские центры, сформированные в рамках атомного проекта, управлялись при участии университетов¹¹. В принципе, это решение было естественным для США, в которых, в отличие от европейских стран, отсутствовала традиция создания крупных государственных научных центров, таких как Общество кайзера Вильгельма в Германии, Национальный центр научных исследований во Франции или Академия наук СССР. Однако свою роль сыграл и личностный фактор: резко возросшее финансирование исследований оказалось под контролем представителей университетского сообщества - центральными фигурами здесь были бывший вице-президент Массачусетского технологического института Энивар Буш и ректор Гарвардского университета Джеймс Конант.

После войны Буш выступил автором широко известного доклада «Наука - бесконечная передовая», подготовленного по поручению Президента Рузвельта. В нем обосновывалась модель научно-технического развития, предполагавшая выделение трех этапов продвижения нового знания: фундаментальные исследования, прикладные исследования и разработки. Продвижение фундаментальных исследований изображалось в докладе следующим образом: «Научный прогресс, продвигающийся широким фронтом, - это результат свободной игры свободных умов, направляемой стремлением к исследованию неведомого»¹².

В качестве оптимальных для этого вида работ рассматриваются колледжи и университеты: «Именно в организациях такого рода

ученые могут работать в атмосфере, относительно свободной от мешающего им давления общепринятых норм, предубеждений или коммерческой целесообразности. В лучшем же случае они обеспечивают научному работнику четкое ощущение солидарности и безопасности, а также значительную степень личной интеллектуальной свободы»¹³.

Для поддержки свободной исследовательской деятельности должно быть создано специальное учреждение, единственной задачей которого будет финансирование фундаментальной науки и подготовки научных кадров. «Первоочередной задачей функциональных агентств является повседневная реализация их основных функций, и они работают в условиях постоянной необходимости демонстрировать осязаемые результаты, которые, собственно, и служат доказательством их полезности. Эти условия никак не способствуют фундаментальным исследованиям. Научные исследования - это изучение неизвестного, и они необходимым образом предполагают абстрактные размышления. Им мешают общепринятые подходы, традиции и стандарты. И их невозможно осуществлять в атмосфере, которая предполагает их оценку и проверку на основе функциональных или производственных стандартов. Таким образом, фундаментальные научные исследования не должны входить в сферу ответственности функциональных агентств, главным вопросом для которых является что-либо, помимо собственно исследований»¹⁴.

Специальным агентством по фундаментальным исследованиям стал Национальный научный фонд, в качестве основного направления деятельности которого было утверждено распределение грантов на выполнение исследовательских проектов. В принципе, финансирование научных проектов в форме грантов было американским изобретением. На активном этапе формирования американской университетской системы, который начался в 1870-х годах, главным образцом для американцев служили немецкие университеты, определяющим для которых была обязанность профессоров совмещать преподавание с научно-исследовательской работой. Однако если в Германии профессорское жалование гарантировалось государством, то в США вузы были либо частными, либо находились в ведении правительств штатов, сосредоточенных на решении хозяйственных проблем.

В этих условиях те затраты, которые в Германии оправдывались политической целью гражданского просвещения и воспитания, в Америке осуществлялись главным образом в порядке благотвори-

тельности. Механизм финансирования профессур как постоянных должностей с гарантированным доходом по немецкому образцу применялся американскими благотворителями, однако большую популярность приобрело выделение средств под конкретную исследовательскую работу, пусть и не способную привести к практически значимым результатам. Такой подход лучше сочетался с предпринимательским образом мысли, характерным для социальной среды, в которой развивались американские университеты и в которой, собственно, и сформировалось понятие научного гранта - безвозмездного договора, по которому грантополучатель обязуется выполнить определенную исследовательскую работу.

Отсутствие государственного финансирования также имело следствием то, что университеты, с одной стороны, недвусмысленно давали своим профессорам понять, что ожидают от них самостоятельного привлечения средств для своей научной работы, с другой - были готовы предоставить им определенную свободу для этих поисков. Из этого сочетания возникли такие традиции, как годовые творческие отпуска в каждый седьмой год работы, практика посвящать один день в неделю коммерческому консультированию и, возможно, самое главное - девятимесячные контракты, по которым период летних каникул не оплачивается. Последнее фактически означает, что три месяца в году профессор может полностью посвятить научной работе за счет привлеченных им средств. Более того, значительную часть доходов самого университета могут составлять «накладные», изымаемые из средств, которые поступают по договорам и грантам.

В некоторых случаях на организационно-техническое обслуживание может уходить более половины всей суммы. Таким образом, доходы самого профессора и условия его работы напрямую зависят от его способности находить финансирование: в американских университетах зарплаты профессорско-преподавательского состава определяются индивидуальными соглашениями и разрыв в оплате сотрудников на аналогичных должностях может быть очень существенным. Также может варьироваться и учебная нагрузка, в том числе благодаря возможности использовать средства грантов для оплаты работы преподавателя, заменяющего руководителя проекта на время его осуществления.

Таким образом, для американских университетов гранты ННФ и аналогичных организаций играют необходимую и органичную роль.

По сути, это главный инструмент, обеспечивающий возможность совмещать преподавание и научные исследования в условиях, когда вузы не являются государственными учреждениями, финансируемыми из бюджета. Его применение в условиях более тесной связи университета и государства заметно изменяет его содержание, примером чему может служить работа Немецкого научно-исследовательского сообщества (ННИС).

ННИС является крупнейшей в Европе организацией, работающей по принципам, аналогичным ННФ. Любопытно, что официальное английское название организации звучит как «German Research Foundation» - Немецкий научно-исследовательский фонд. Притом, что в отличие от ННФ, являющегося правительственным агентством, ННИС представляет собой негосударственную ассоциацию немецких научных организаций, его бюджет практически полностью формируется за счет государственных средств: в 2014 году он составил 2,9 млрд. евро, из которых 67,4% поступили от федерального правительства, а 32,5% - от правительств земель. Основная часть средств направляется в университеты - за период с 2008 по 2010 год их доля в выплатах ННИС составила 88,9%¹⁵. В свою очередь, для университетов доля ННИС составляет примерно 35% от всех внешних поступлений на исследовательские работы, что делает сообщество самым значимым источником средств на научные исследования¹⁶.

Большинство немецких университетов являются государственными учреждениями, находящимися в ведении правительств земель. Их финансовая свобода значительно ограничена уже тем, что государственное высшее образование в Германии является бесплатным и главный источник средств для университета - это государственный бюджет. В силу этого зарплаты профессоров определяются тарифами, устанавливаемыми в соответствии с Законом о реформе заработной платы профессоров от 2002 года. Профессор, получающий зарплату по государственному тарифу, обязан заниматься исследовательской работой, и по общему правилу, установленному ННИС, он не может получать дополнительных выплат из гранта, за исключением случаев, когда осуществление проекта требует освободить его от учебной работы. Одновременно предусматривается возможность создания специальных рабочих мест для участников проекта на время действия гранта, что может распространяться и на руководителя, в случае если он не является штатным сотрудником университета.

Роль, которую ННИС играет в Германии, заметно отличается от той, которую исполняет американский ННФ. Последний выступает внешним по отношению к университетам источником финансирования наравне с другими государственными и частными организациями, осуществляющими поддержку научных исследований. ННИС же, по сути, является частью той же системы, в которую включены университеты. И если по изначальному проекту ННФ задумывался как ведомство, обладающее полным контролем над федеральными средствами, которые предназначены для проведения научных исследований в университетах, то задача ННИС с самого начала заключалась в том, чтобы служить вспомогательным источником, дополняющим базовое государственное финансирование университетов, в которое уже заложены расходы на проведение исследований.

В Германии функционирует целый ряд самостоятельных научно-исследовательских институтов, организованных в четыре ассоциации - Общество им. Макса Планка, Объединение им. Гельмгольца, Общество им. Фраунгофера и Объединение им. Лейбница. Их общее государственное финансирование составило в 2013 году около 9 млрд. евро¹⁷. При этом в течение послевоенных десятилетий наблюдалось постепенное расширение сектора научно-исследовательских институтов при одновременном изменении соотношения научной и учебной работы в университетах в пользу последней под давлением стремительно растущей численности студентов. В принципе, задача ННИС заключается в том, чтобы в определенной степени компенсировать эту тенденцию. Однако это вовсе не означает, что система научно-исследовательских институтов расценивалась как недостаточно эффективная: по ряду параметров, например по возможности масштабной концентрации ресурсов на критических направлениях, по связям с промышленностью и др., она рассматривается даже как более перспективная, чем университетская¹⁸.

Еще более значимую роль научно-исследовательские институты, финансируемые государством, играют во Франции. В бюджете французского Национального исследовательского агентства (НИА), работающего по аналогичным с ННФ и ННИС принципам, их доля составляет 53,6%, в то время как на университеты приходится 32,8%¹⁹. Более того, основная часть научной работы, осуществляемой в университетах, проходит в совместных лабораториях, учреждаемых на основе партнерских соглашений с НИИ. Таким

образом, главную роль и в государственном научном секторе, и в университетской науке играет Национальный центр научных исследований (НЦНИ) - подотчетная Министерству образования и исследований организация, ведущая работы по всем направлениям фундаментальной науки.

Как отмечают эксперты ОЭСР, французскую науку отличает консервативность в выборе исследовательских направлений и инертность в распределении ресурсов, связанные с устоявшейся и трудно поддающейся изменениям сеткой институтов и лабораторий. Более того, статус государственных служащих, который имеют ключевые научные сотрудники, снижает их возможности, как, впрочем, и их стремление, к перемещениям между исследовательскими тематиками и научными центрами.

Одной из главных целей учрежденного в 2005 году НИА было как раз создание дополнительных стимулов для перемещения исследователей в новые актуальные с точки зрения экономики области научных исследований. Однако конкурсы НИА с заданными приоритетными темами встретили сопротивление со стороны государственных НИИ, под давлением которых финансирование агентства постепенно перераспределялось в пользу открытых конкурсов, не предусматривавших заранее заданных тем. Такие конкурсы позволяли НЦНИ и другим государственным организациям получать дополнительное финансирование, не меняя своей традиционной тематической ориентации. К 2014 году на открытые конкурсы уже приходилось более половины бюджета НИА.

При этом совмещение базового финансирования НИИ с проектной поддержкой создает определенные противоречия. В частности, лаборатории НЦНИ, работающие на актуальных направлениях и получившие гранты НИА, испытывают сложности с привлечением дополнительных сотрудников из других лабораторий центра из-за жестких условий постоянных трудовых контрактов, обеспечивающих высокий уровень трудовых гарантий, но делающих практически невозможным быстрый переход из одного подразделения в другое. В результате возникает ситуация, в которой одни лаборатории вынуждены расширять штат за счет временных сотрудников, в то время как другие оказываются лишены возможности реализовывать новые проекты из-за отсутствия средств.

Опыт трех рассмотренных выше стран показывает, что наиболее естественным партнером для фондов поддержки фундаментальной

науки, работающих на проектной основе, являются частные университеты. В принципе, сама идея гранта как договора особого рода предполагает, что речь идет об отношениях двух независимых друг от друга контрагентов. Интерес государства, от лица которого выступает фонд, заключается в том, чтобы получить определенный результат, в отношении которого невозможно установить исключительные права, что и делает договор безвозмездным. В свою очередь, исследователь берет на себя обязательство выполнить работу, нацеленную на получение этого результата.

Гарантом того, что он обладает необходимыми условиями для осуществления намеченных работ, как раз и выступает университет, который прямо заинтересован в получении гранта. Связано это с тем, что, во-первых, это способствует росту престижа организации, от которого прямо зависит ее способность привлекать средства из других источников, а во-вторых, он может претендовать на часть средств в виде накладных расходов. Соответственно, университет имеет прямой стимул, чтобы обеспечить своим профессорам условия для исследовательской работы или даже настойчиво подталкивать их к тому, чтобы заниматься поиском дополнительных средств, - отсюда и привычные для американской профессуры неоплачиваемые трехмесячные отпуска и другие стимулы для самостоятельных исследований.

С учетом этого, естественным выглядит то, что главными получателями грантов американского ННФ выступают именно частные университеты. Однако государственные университеты взаимодействуют с фондом практически на тех же основаниях: находясь в ведении правительств штатов, в отношениях с федеральным агентством они имеют практически такой же статус самостоятельного контрагента, как и частные вузы. Возможность же противоречий между обязательствами, которые они несут перед штатом и которые они берут на себя, получая федеральные гранты, в значительной степени исключается тем, что базовые субсидии выделяются под оплату обучения граждан соответствующего штата и, как правило, не предусматривают исследовательскую работу.

В Германии государственные университеты, преобладающие в вузовском секторе, также находятся в ведении федеральных земель. Однако там субсидии, из которых в соответствии с государственными нормами выплачивается зарплата преподавателям, уже предусматривают проведение исследовательской работы. Таким образом, профессор в

принципе не может увеличить свои личные доходы за счет грантов, так как считается, что вся работа, которую он осуществляет на своей должности, уже оплачена государством. Логично предположить, что это снижает уровень заинтересованности в получении грантов у немецких профессоров - в качестве косвенного подтверждения можно рассматривать то, что для ННИС характерен относительно невысокий конкурс: по данным на 2011 год, поддержку получили 40% заявок (для сравнения: в ННФ коэффициент прохождения в том же году составил 22%).

Главным фактором, ограничивающим возможности пересмотра условий финансирования в сторону увеличения значимости ННИС, является существование в Германии мощного сектора государственных НИИ. В принципе, это создает общую предпосылку к сокращению исследований в немецких университетах - тенденция, которая была характерна для всей второй половины XX века. В последние годы противовесом ей послужила международная вузовская конкуренция, которая фактически лишала слабые в научно-исследовательском отношении университеты шансов занять ведущие мировые позиции и, таким образом, способствовала расширению государственной поддержки научных исследований в вузах.

Если немецкую ситуацию можно обозначить как в целом сбалансированную, то французская явно характеризуется перевесом государственных НИИ во главе с НЦНИ. Характерно, что НИА, задуманное как способ компенсировать недостаточную гибкость и готовность к изменениям, демонстрируемые государственными институтами, довольно быстро оказалось под их влиянием. Грантовое же финансирование государственных институтов создает противоречия, связанные с несовпадением условий грантов, жестко ограничивающих сроки исполнения и стоимость проектов, и бессрочным гарантированным трудоустройством, которое подразумевает работа в государственном НИИ. Следует отметить, что последняя форма, безусловно, имеет свои преимущества: надежность положения и возможность работать без жестких ограничений по срокам признаются условиями, благотворно влияющими на ученых. Однако она явно диссонирует с теми принципами, которые лежат в основе грантового финансирования научной работы.

Этот опыт имеет прямое отношение к организации отечественного научного комплекса. Россия, как и Германия с Францией, является страной, в научном секторе которой преобладают государственные НИИ. Это прямо сказывается на работе функционирующих

в стране фондов - Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и заработавшего в 2014 году Российского научного фонда (РНФ): в финансировании, распределяемом каждым из них, не менее трети занимают институты РАН, а представители Академии наук имеют большинство как в советах РФФИ и РГНФ, так и экспертных советах РНФ. В принципе, такая ситуация является закономерной - основной научно-исследовательский потенциал в России действительно сосредоточен в академических институтах. Однако развитие подобного положения дел также ведет к постановке вопроса об условиях грантового финансирования НИИ.

В случае реализации плана Федерального агентства научных организаций (ФАНО) академические институты будут преобразованы в соответствии с одной из четырех организационных форм - федеральные исследовательские центры, федеральные научные центры, региональные научные центры и национальные исследовательские институты. В каждой из них будет утверждаться программа научно-исследовательской работы, причем только в последней предполагается сосредоточение на фундаментальных исследованиях. И если базовое финансирование этих организаций будет выделяться под реализацию утвержденной программы, возможность участия сотрудников институтов в дополнительных, финансируемых грантами работах потребует особого обоснования.

То, что длительное время подобные вопросы не возникали, объясняется тем, что практически вплоть до нынешнего десятилетия научный сектор существенно недофинансировался и на протяжении длительного времени средств, выделяемых как в рамках бюджета РАН, так и в форме грантов РФФИ и РГНФ, хватало, в лучшем случае, на поддержание минимального уровня исследовательской активности. В настоящее время ситуация изменилась и вопрос о привязке конкретных источников финансирования к определенным результатам выглядит вполне оправданным. И в его решении логичным будет опираться на опыт европейских стран, фонды которых уже сталкивались с аналогичными проблемами.

¹См.: *Блинов А.Н.* К истории создания национальных научных фондов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2013. №1. С. 257-268.

- ²NSF Congressional Highlight. Consolidated Appropriations Act of FY 2015 // URL: http://www.nsf.gov/about/congress/114/highlights/cu15_0109.jsp
- ³Main Science and Technology Indicators. Volume 2015. Issue 1. Paris: OECD Publishing, 2015. P. 20.
- ⁴National Science Board. 2014. Science and Engineering Indicators. Arlington: National Science Foundation, 2014. P. 4-14.
- ⁵Ibid. P. 4-36.
- ⁶Ibid.
- ⁷NSF Congressional Highlight. Full-year Appropriations Bill Passed, NSF Funded at \$6.8 Billion for FY 2011 // URL: http://www.nsf.gov/about/congress/112/highlights/cu11_0523.jsp
- ⁸Report to the National Science Board on the National Science Foundation's Merit Review Process. Fiscal Year 2011. Arlington: NSF, 2012. P. 9.
- ⁹National Institutes of Health. Office of Budget // URL: <https://officeofbudget.od.nih.gov/pdfs/FY16/Approp%20%20History%20by%20IC%20through%20FY%202014.pdf>
- ¹⁰WebCASPAR. Integrated Science and Engineering Resources Data System // URL: <https://ncsesdata.nsf.gov/webcaspar/index.jsp?subHeader=WebCASPARHome>
- ¹¹См.: *Балышев А.В., Коннов В.И.* Научная политика США: от концепций к практикам // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2012. №2. С. 6-7.
- ¹²*Bush V.* Science - the Endless Frontier. Washington D.C.: National Science Foundation, 1960. P. 12.
- ¹³Ibid. P. 19.
- ¹⁴Ibid. P. 32.
- ¹⁵Funding Atlas 2012 // URL: http://www.dfg.de/en/dfg_profile/facts_figures/funding_atlas/previous_reports/funding_atlas_2012/index.html
- ¹⁶Ibid.
- ¹⁷Research and Development // URL: <https://www.destatis.de/EN/FactsFigures/SocietyState/EducationResearchCulture/ResearchDevelopment/Tables/ResearchDevelopment.html>
- ¹⁸См.: *Enders J.* Germany // Dill D., Van Vught F. (eds.) National Innovation and the Academic Research Enterprise. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2010. P. 245-285.
- ¹⁹French National Research Agency Annual Report 2014. Paris: French National Research Agency, 2015. P. 24.

Ключевые слова: инновационная экономика, научные фонды, научная политика, конкурсное финансирование.

Международная

ЖИЗНЬ

Мир вокруг нас

Михаил Конаровский:

«Проведенные после вывода иностранного контингента новые президентские выборы в очередной раз продемонстрировали глубину и запутанность всех афганских проблем. В результате политической сделки, совершенной под давлением США, новым главой страны стал пуштун А.Гани, а «главным исполнительным лицом» Правительства национального единства - его многолетний политический оппонент, имеющий пуштунскую и таджикскую кровь, А.Абдулла. Однако слабость и конституционная сомнительность новой коалиции была predeterminedena с самого начала, поскольку последняя должность не предусмотрена Конституцией страны».

Елена Пономарева, Мирослав Младенович:

«Однако не стоит ставить знак равенства между публичной дипломатией и пропагандой, которые отличаются как методами, так и целями воздействия. «Если конечной целью пропаганды является формирование прежде всего информационными средствами нужных ее проводникам образа страны и картины мира, то публичная дипломатия ориентирована на создание новых эффективных каналов обмена мнениями на самых разных уровнях, начиная от школьников и студентов и заканчивая бизнесменами и журналистами. При этом ПД опирается не столько на традиционные и новые СМИ, сколько на негосударственных участников мировой политики».

Светлана Гасратян:

«Характерно, что в течение последних пяти лет Израиль воздерживался от критики и резких высказываний в адрес экс-премьер-министра, ныне Президента Турции Эрдогана и других турецких лидеров, несмотря на то, что на протяжении всего этого времени последние допускали резкие антисемитские и антиизраильские высказывания, поощряя соответствующие настроения как внутри Турции, так и за ее пределами. Сдержанность объяснялась надеждой на нормализацию израильско-турецких отношений...»

Михаил КОНАРОВСКИЙ

Ведущий научный сотрудник
Центра исследований Восточной Азии и ШОС
МГИМО (У) МИД России, Чрезвычайный
и Полномочный Посол России в Исламском
Государстве Афганистан (2002-2004 гг.),
кандидат исторических наук
makonarovsky@gmail.com

Перспективы национального примирения в Афганистане

Период, прошедший после вывода из Афганистана основной части западного воинского контингента, не привел к реализации слабой надежды на способность властей справиться со сложнейшими задачами по стабилизации обстановки и обеспечению мирного строительства в стране, в том числе на основе диалога с вооруженной оппозицией. Крайняя неустойчивость, скорее всего, будет определять внутреннюю ситуацию в Афганистане и на ближайшую обозримую перспективу. Более чем за десятилетний срок активного пребывания в ИРА иностранных войск, а также массированных внешних финансово-экономических вливаний эта страна продолжает ассоциироваться с понятием «несостоявшегося государства», оставаясь в плену трайбалистской этно-религиозной раздробленности и средневековых предрассудков. Проявлением провала миссии Вашингтона в Афганистане стала неспособность нанести решающий удар как по «Аль-Каиде», так и по вооруженным талибам.

Проведенные после вывода иностранного контингента новые президентские выборы в очередной раз продемонстрировали глубину и запутанность всех афганских проблем. В результате политической сделки, совершенной под давлением США, новым главой страны стал пуштун А.Гани, а «главным исполнительным лицом» Правительства национального единства - его многолетний политический оппонент, имеющий пуштунскую и таджикскую кровь, А.Абдулла. Однако слабость и конституционная сомнительность новой коалиции была предопределена с самого начала, поскольку последняя должность не предусмотрена Конституцией страны. Более того, длительный и болезненный процесс назначения руководителей основных ведомств, особенно силового блока, стал очередным проявлением всех афганских неопределенностей.

Слабость центральной власти и ее силовых структур усугубляется затяжным экономическим кризисом, когда Кабул продолжает ориентироваться прежде всего на массивную внешнюю помощь, а основой экономики страны остаются выращивание и нелегальное распространение наркотиков. Независимые эксперты уже давно признают также, что вооруженные силы ИРА, хотя экипированы и оснащены значительно лучше талибов, тем не менее не способны нанести им фатального ущерба¹. В связи с этим крайне чувствительным остается вопрос о внутренней мотивации солдат и офицеров Афганской национальной армии, в рядах которой сохраняется весьма низкий моральный дух и очень актуальна проблема дезертирства.

При любом перспективном развитии ситуации в стране - от сохранения нынешней власти без изменений до перехода правления в руки религиозно-консервативных и экстремистских кругов - разрешение комплекса всех этих проблем возможно только на основе прочного консенсуса среди многочисленных традиционных и зарождающихся новых элит страны, включая региональных авторитетов и разномастную вооруженную оппозицию. Вопрос будет заключаться только в том, как достичь такого консенсуса. Сохранение общей неопределенности в ИРА, фактор традиционной взаимной настороженности, враждебности и недоверия среди местных элит (к какому бы политическому полюсу они ни принадлежали), перманентная война всех против всех будут только усугублять ситуацию.

Талибы, вдохновленные выводом из ИРА основного контингента иностранных войск, стремились всемерно укрепить свои позиции в стране, что им в значительной степени удалось. При этом

их характерной особенностью в настоящее время является межэтническая, а не преимущественно ориентированная на пуштунов структура, как это было в период пребывания у власти во второй половине 1990-х годов и в первые годы после отстранения от нее². Это дает им возможность активно закрепляться не только в традиционных для их влияния восточных и юго-восточных, но и в северных, а также северо-западных районах Афганистана. По некоторым оценкам экспертов ООН, присутствие талибов наблюдается почти на 70% территории ИРА.

Одной из главных задач, поставленных перед Правительством национального единства, было начало переговоров с талибами. Энергичное внешнеполитическое маневрирование новой власти, в том числе в части налаживания диалога с Исламабадом, привело к проведению под эгидой Китая и Пакистана (при поддержке США) двух раундов переговоров, которые вновь зашли в тупик в результате неготовности сторон отступить от своих предварительных требований (Кабул настаивает на том, чтобы талибы уважали Конституцию страны и сложили оружие, а те, в свою очередь, требуют вывода иностранных войск, освобождения своих заключенных и ликвидацию их санкционного списка ООН).

На очередной международной конференции «Сердце Азии» (т. н. Стамбульский процесс) в декабре 2015 года в Исламабаде Президент А.Гани вновь подтвердил готовность к диалогу с талибами с целью выработки общих мер по стабилизации в Афганистане. Для усиления внешнего давления на стороны (судя по всему, прежде всего на Кабул) трехсторонний консультативный механизм (Пакистан, США, Афганистан) по инициативе Исламабада был расширен за счет КНР. В его задачу входит выработка формулы, приемлемой для возобновления межафганского диалога.

В «квартете», безусловно, существует и определенное различие в конкретных интересах: Вашингтону важно показать активность и прогресс в афганском миротворчестве перед завершением президентского срока Б.Обамы; Исламабаду важно сохранять свое политическое лидерство в процессе; Пекину - обеспечить максимальную перспективу своим экономическим позициям в Афганистане и нейтрализацию дестабилизирующего влияния военно-политического исламизма в северо-западных регионах. Тем не менее их связывает общее понимание необходимости запуска межафганского диалога. Однако прошедшие два раунда встреч также пока не привели к

конкретным результатам, в значительной степени из-за трудностей вычленения той части талибов, которая, являясь реальной военной силой, одновременно была готова к поиску примирения и компромиссов с правительством.

Основной проблемой вооруженной оппозиции, как и центрального правительства, всегда являлось отсутствие единства. Многие полевые командиры талибов стремятся к максимальной «свободе рук» как на военном, так и политическом уровнях. Смерть их многолетнего формального лидера муллы М.Омара во второй половине прошлого года (возможно, это произошло значительно раньше, но именно тогда о ней было объявлено официально) привела к новой расстановке сил.

Кандидатура нового руководителя - муллы А.Мансура устроила не всех, включая, во всяком случае на первоначальном этапе, и ближайших родственников бывшего главного талиба. Нельзя исключать, что именно для консолидации своей власти новый лидер сразу же занял жесткую позицию в отношении кабульских властей. Однако после демонстрации своих возможностей А.Мансур якобы стал проявлять определенную склонность к контактам с правительством ИРА. Осенью прошлого года его оппоненты избрали своего лидера - муллу М.Расула (во время правления талибов во второй половине 1990-х гг. тот занимал пост губернатора провинций Заболъ и Нимруз). По предположениям ООН, под лидерством А.Мансура и его сторонников в настоящее время находятся до 60% талибов, а среди групп М.Расула развивается процесс внутреннего размежевания.

Гибель А.Мансура в начале декабря 2015 года (что, правда, оспаривается некоторыми источниками) в результате внутреннего конфликта наглядно подтвердила сохранение глубокого кризиса в движении «Талибан» и отсутствие среди вооруженных оппонентов Кабула общего консолидирующего начала. Теоретически это создает правительству определенные дополнительные возможности в борьбе против своих наиболее одиозных противников, в том числе путем нахождения общих знаменателей среди части из них и внесения дополнительного раскола среди других.

Одновременно это же и затрудняет правительству поиск среди талибов той реальной силы, с которой можно было бы вести диалог в отношении будущего страны. Тем более что в зависимости от конъюнктуры талибы и другие ассоциирующиеся с ними группировки достаточно легко могут менять политические пристрастия, вступая

во временные коалиции со вчерашними противниками. В то же время и сами талибы учитывают слабость нынешней правительственной коалиции: не представляя собой монолитную силу, она тем самым объективно наносит ущерб собственным позициям. О трудностях поиска компромиссов между Кабулом и талибами свидетельствуют все попытки после 2014 года (напрямую и через посредников) наладить продуктивные контакты между ними.

Вместе с тем, несмотря на внутренние разногласия в среде талибов, неуклонный рост их влияния не только в восточных, но и северных районах страны является отличительной особенностью развития ситуации в Афганистане всех последних лет. Проявлением этого стали и их более масштабные, чем раньше, боевые операции, которые все менее носят сезонный (весенне-летний) характер. Свою лепту продолжают вносить и воевавшие многие годы на стороне противников кабульских властей боевики военно-политической оппозиции в республиках Центральной Азии. Среди основных - Исламское движение Узбекистана (ИДУ), в 2011 году переименованное в Исламскую партию Туркестана. В последнее время с ними начинают все больше смыкаться и террористы из Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) Китая. При этом последние тенденции по расширению форм и методов деятельности международного исламистского терроризма создают для них новые благоприятные возможности в части подрывной деятельности в центральноазиатских государствах бывшего Советского Союза.

Многолетний кризис в Афганистане, имея собственную внутреннюю динамику, в последние годы все более сопрягается и со стремительным развитием событий на Ближнем Востоке, прежде всего с феноменом так называемого «Исламского государства» (ИГ). Как отголосок обостряющегося противоборства с ним в Сирии и Ираке (а также в последнее время в Ливии, в ряде государств Юго-Восточной Азии - Индонезии, Филиппинах, Малайзии) в конце 2015 года этот кризис отозвался неожиданным для центральных властей ИРА захватом его противниками Кундуза - крупнейшего города афганского севера, недалеко от границы с Таджикистаном. При этом, как стало известно позднее, операция была проведена талибами совместно с боевиками «Исламского государства». (По неподтвержденным данным западных СМИ, численность активных боевиков ИГ в Афганистане достигает порядка 1600 человек и их наибольшая активность наблюдается в Нангархаре на фоне попыток активного про-

никновения также в северные, приграничные с Таджикистаном и северо-западные, граничащие с Туркменистаном регионы.)

События в Кундузе застали врасплох как кабульские власти, так и сохраняющийся в стране небольшой воинский контингент США и НАТО, хотя незадолго до этого на северо-востоке страны первый вице-президент ИРА узбекский генерал А.Р.Достум провел показательную, рассчитанную, прежде всего, на внешний эффект демонстрацию силы правительственных войск. На этом фоне Президент США Б.Обама, открыто признав «недостаточную боеспособность» Афганских национальных сил безопасности, объявил о решении сохранить в ИРА нынешнюю численность американских войск и в 2016 году³. К 2017 году они могут быть сокращены почти вдвое, однако окончательное решение будет приниматься уже следующим Президентом США. Временно сохранить в Афганиста не свои контингенты Вашингтон призвал и другие страны НАТО, что поддержал и генеральный секретарь альянса Й.Столтенберг. Первым откликнулся Берлин. Талибы же ответили готовностью продолжать боевые операции до тех пор, пока страну не покинут иностранные войска.

Появление в ИРА новой экстремистской силы в лице боевиков ИГ внесло новые коррективы и дополнительные неопределенности для перспектив процесса национального примирения в Афганистане. По различным данным, их присутствие наблюдается от нескольких до 25 провинций Афганистана. Идеология ИГ, методы и средства достижения поставленных задач, фанатизм, агрессивность и непримиримость - все это в немалой степени напоминает само движение «Талибан» образца 90-х годов прошлого века. А некоторые из нынешних деятелей «Исламского государства» проходили стажировку в афганских лагерях подготовки террористов «Аль-Каиды» и, соответственно, имеют длительные контакты и с талибами.

При этом парадокс заключается в том, что если к началу века Афганистан был одним из основных очагов международного терроризма постсоветского периода, то сегодня уже активисты из ИГ оказывают возрастающее влияние на развитие обстановки в ряде регионов самой этой страны. Территория Афганистана включена ими в так называемый Хорасанский эмират (охватывающий территорию от Туркменистана до северо-западного Китая), к которому стали примыкать и те талибы, кто не нашел себя в трансформирующейся иерархии собственного движения. Ситуация в некотором смысле вновь напоминает середину 90-х годов прошлого века, когда

набиравшие силу талибы активно рекрутировали боровшихся против власти Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) моджахедов, недовольных своим положением при дележе власти и влияния после свержения в 1992 году «коммунистического» режима Наджибуллы. Подогревает ситуацию и наличие нескольких десятков тысяч сторонников ИГ в Пакистане.

Пока большинство экспертов, в том числе в ООН, полагают, что масштабное проникновение боевиков ИГ весьма ограничено, прежде всего в связи с общей враждебностью к ним со стороны большинства талибов. Последние рассматривают их как чужеродную афганскому традиционному обществу субстанцию и конкурента за влияние на население, особенно молодежи. Борьба же за ее умы в нынешних условиях приобретает для Афганистана все большее значение. Причина - продолжающийся процесс омоложения населения, среди многих представителей которого, как считают некоторые наблюдатели, уже не столь ясны проявления исторического традиционализма и все более зримым является сочетание трайбализма и религиозно-экстремистского джихадизма. Демонстрацией противоречий между талибами и игиловцами могли послужить уничтожительные нападки на муллу М.Омара со стороны лидера ИГ аль-Багдади весной 2015 года, что вызвало энергичные протесты с его стороны и запрет на рекрутирование на территории Афганистана добровольцев в отряды «Исламского государства».

В последнее время афганские (а также пакистанские) талибы вновь заявили о нежелании присоединиться к ИГ. В прошлом году в ряде уездов страны произошли жесткие столкновения между талибами и боевиками ИГ, а в октябре в Кабуле прошла грандиозная (по афганским масштабам) демонстрация протеста в связи с казнью боевиками «Исламского государства» семерых заложников, в связи с чем была проведена также аналогичная демонстративная акция в отношении нескольких игиловцев. Из всего этого можно сделать вывод, что общая заинтересованность правительства ИРА и талибов в противодействии росту влияния в стране ИГ может стать определенной точкой соприкосновения для их совместных действий.

Однако, наиболее радикальное крыло талибов - группа Хаккани, а также Исламская партия Г.Хекматьяра заявили о присоединении к «Исламскому государству». В таком же ключе действуют и пакистанские талибы. В этой связи многие информированные наблюдатели⁴ полагают, что в Афганистане не без влияния внешних сил

нарастает процесс популярности ИГ, в том числе в силу его финансовых и материально-технических возможностей. Для некоторых сегментов афганского общества пребывание талибов (как ранее и контингента США и НАТО) имеет и определенную коммерческую привлекательность. Одновременно имеет место и прямое рекрутирование сочувствующих в том числе и из образованной афганской молодежи, в частности университетской. Некоторые наблюдатели утверждают также, что талибы и игиловцы в целом достаточно мирно сосуществуют между собой в некоторых северных анклавах страны, что предопределяет и возможность их сотрудничества.

Однако представляется, что практически более значимым данный процесс может быть для базирующейся в Афганистане центральноазиатской оппозиции, менее завязанной на специфику межафганских отношений. В лице представителей ИГ сторонники ИДУ, а также проводники идей и лозунгов «Исламского движения Восточного Туркестана» на территории северо-западного Китая и другие могут найти конкретных союзников для дальнейшего развертывания своей деятельности применительно к уязвимым к религиозному терроризму регионам Центральной Азии и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Речь может идти в том числе в организации на постоянной основе лагерей подготовки и психологической обработки боевиков на центральноазиатское, китайское, а также кавказское и российское направления.

Государства постсоветской Центральной Азии, прежде всего Таджикистан, а также Узбекистан, проявляют растущую озабоченность вероятной террористической угрозой с территории Афганистана (хотя возможности массированного вторжения исламских боевиков с этого направления, скорее всего, ожидать не следует). Непростая обстановка складывается в Киргизии, где экстремистские группировки сращиваются с организованной преступностью и некоторыми силовыми структурами. Повышенную нервозность в отношении террористических угроз из ИРА в последнее время начали проявлять и в Ашхабаде (где, по некоторым предположениям, уже насчитывается до 5 тыс. сторонников ИГ, а часть связанных с талибами афганских туркменов выступают за отторжение некоторых южных районов Туркменистана).

Значительную обеспокоенность сохраняющимся тупиком в межафганском урегулировании проявляет и Китай, чем вызвана его активность по налаживанию переговорного процесса между Кабулом

и оппозицией. Предмет особой нервозности Пекина - возможность распространения деструктивного влияния на северо-западные районы КНР с мусульманским населением (деятельность в СУАР «Исламского движения Восточного Туркестана»). Повышенное внимание к ситуации в ИРА вызвано и китайской заинтересованностью в освоении полезных ископаемых страны. Этим же стимулируется и осторожная позиция Пекина по отношению к талибам. Экономические и политические интересы КНР в регионе, в том числе для реализации идеи «Экономического пояса Шелкового пути», к которой в какой-либо форме может быть привлечен и Афганистан, неизбежно подтолкнул Пекин к дальнейшей активизации политики на афганском направлении. При этом рост ангажированности Китая в афганских делах позитивно рассматривается как в США, так и Пакистане, с которыми налажен конкретный механизм возможных совместных действий.

Несмотря на активность Вашингтона на афганском направлении, создается впечатление, что в США стремятся поскорее снять с себя груз проблем этой страны и в большей мере перебросить их решение на заинтересованных соседей, а также на Россию. В этом же контексте Вашингтон вырабатывает и алгоритмы своего дальнейшего закрепления в Центральной Азии. Помимо двусторонней составляющей, это давало бы возможность не выпускать из своей орбиты проблематику региона, а также «приглядывать» за действиями там России и Китая и при случае пытаться противопоставить их друг другу. Именно это имеют в виду и некоторые американские эксперты, прогнозируя «снижение американского присутствия и влияния в регионе» и повышение в нем роли Китая, а также сохранение влияния России⁵.

В связи с этим можно интерпретировать и визит госсекретаря США Дж. Керри в Центральную Азию в ноябре 2015 года, который продемонстрировал намерение Вашингтона дать новый импульс политическому взаимодействию с центральноазиатской «пятеркой» по ключевым региональным вопросам, включая борьбу с терроризмом и экстремизмом и содействие в противодействии «возможной эскалации насилия» с территории ИРА. Для конкретного взаимодействия с партнерами был создан и новый формат консультаций на уровне министров иностранных дел (5+1), который, по сообщениям СМИ, был задуман Вашингтоном в качестве нового инструмента проникновения в Центральную Азию, в частности и для поиска надежных проамериканских политиков.

Нельзя исключать, что в определенных обстоятельствах Вашингтон может инициировать закрепление формата новой «шестерки», в том числе и для того, чтобы попытаться в случае необходимости противопоставлять ее структурам (пока еще) другой «шестерки», то есть Шанхайской организации сотрудничества.

После распада СССР политико-экономические интересы России в Афганистане существенно снизились. Основная задача, стоящая перед РФ на афганском направлении на обозримую перспективу, заключается в противодействии распространению с территории ИРА религиозно-политического экстремизма и наркотиков в Центральную Азию и непосредственно в Россию. Феномен ИГ, закрепляющийся в Афганистане, ставит новые задачи, предопределяет необходимость дополнительного активного мониторинга ситуации и принятия совместных с государствами Центральной Азии и Китаем превентивных контртеррористических мер. Перманентное внимание к ситуации в регионе диктуется также и тем, что процесс достижения внутреннего консенсуса в Афганистане может затянуться на довольно длительную перспективу и турбулентная обстановка в стране будет сохраняться долгие годы.

На фоне нынешнего обострения отношений России с Западом вполне возможна его заинтересованность во втягивании РФ еще в один конфликт с расчетом на то, что она увязнет в новых проблемах, которые неизбежно будут сопровождать такой шаг. Поэтому действовать на афганском направлении следует крайне осмотрительно, избегая односторонних действий, прежде всего силовых, к которым при определенных обстоятельствах Россию могут подталкивать ее центральноазиатские партнеры.

Российско-американское сотрудничество, как в мире в целом, так и в Афганистане в частности, было прервано односторонними акциями Вашингтона. В последнее время представители Белого дома вновь формально заявляли о заинтересованности в сотрудничестве с РФ в афганских делах. К этому призывают США и экспертные круги страны⁶. Координация между структурами ОДКБ, под зонтиком которой, по существу, проходят превентивные контртеррористические мероприятия в Центрально-Азиатском регионе, с одной стороны, и американцами и натовцами в Афганистане - с другой (а также между Москвой и Вашингтоном на двусторонней основе), безусловно, была бы практически полезной как сегодня, так и на перспективу.

¹ *Sarwar Ali Reza and Madadi Moh Sayed*. The Plight of Afghanistan's Solders //www.aiss.af. Oct. 10, 2015.

² *Масадыков Т.* Раскол Афганистана по религиозно-радикальным взглядам вполне реален // <http://www.fergananews.com/art/8776> 17/11/2015

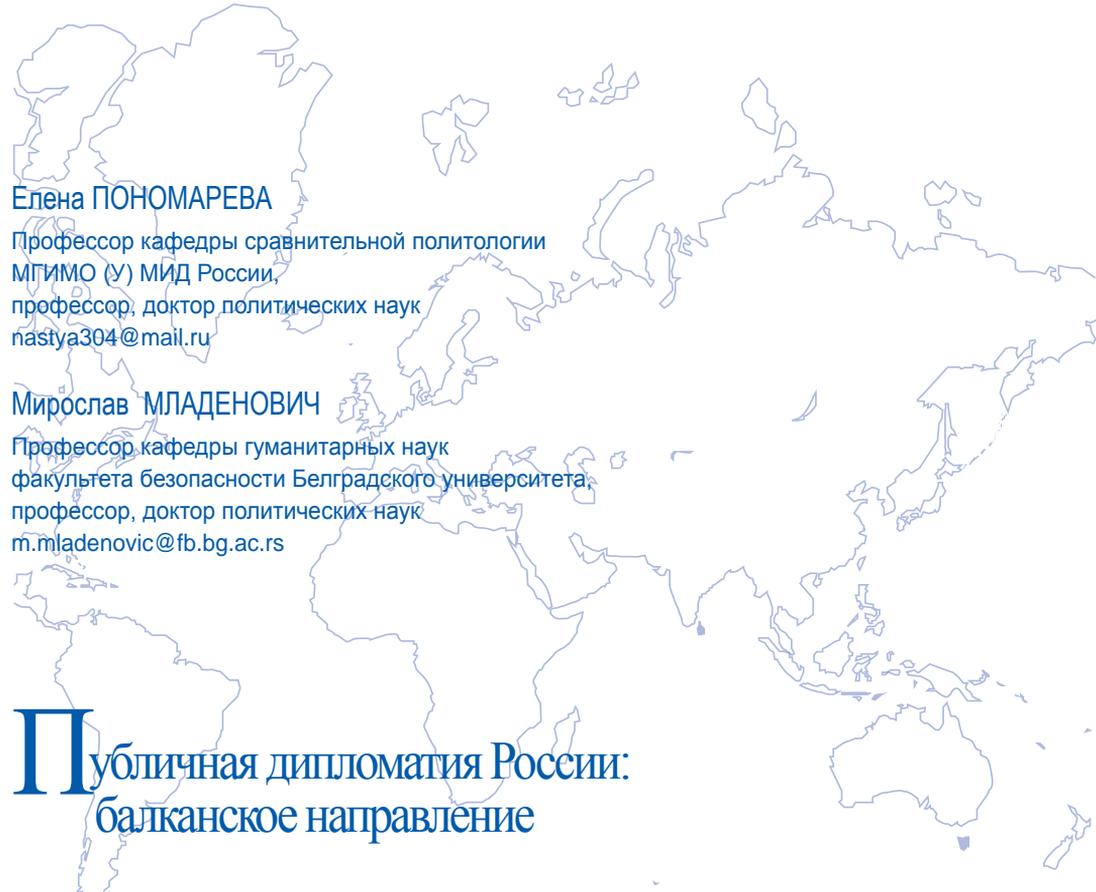
³ www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/10/15statement-president-afghanistan

⁴ См.: *Масадыков Т.* Указ. соч.

⁵ *Rumer E., Sokolsky R., Stronski P.* U.S. Policy Toward Central Asia 3.0. Jan. 25, 2016 // <http://carnegieendowment.org/2016/01/25/u.s.-policy-b>

⁶ Ibid.

Ключевые слова: Афганистан, Россия, «Исламское государство», национальное примирение, США.

Елена ПОНОМАРЕВА

Профессор кафедры сравнительной политологии
МГИМО (У) МИД России,
профессор, доктор политических наук
nastyia304@mail.ru

Мирослав МЛАДЕНОВИЧ

Профессор кафедры гуманитарных наук
факультета безопасности Белградского университета,
профессор, доктор политических наук
m.mladenovic@fb.bg.ac.rs

Публичная дипломатия России: балканское направление

В условиях глобальных (политических, экономических, информационных) трансформаций публичная дипломатия (ПД) как одна из действенных практик внешнеполитической деятельности занимает все более прочные позиции. Сегодня под влиянием технологических изменений сама политика, как внутренняя, так и внешняя, становится публичной, представляя собой «новый жанр осуществления власти в период глобальной информатизации»¹.

Публичная дипломатия (в научном дискурсе с начала XXI в. активно присутствует термин «новая публичная дипломатия»², который отличается усилившимся сетевым и информационным компонентом), будучи продолжением и проявлением именно такой «новой политики», представляет некую политико-дипломатическую «вселенную». «Ее главными действующими лицами - «планетами» - являются не только и даже не столько политики, сколько различные СМИ и неправительственные организации, деятели науки и образо-

вания, культуры и спорта, кинематографа и шоу-бизнеса, пользователи социальных сетей»³. По истине, вспоминая слова Ш. де Голля, можно утверждать: «Политика слишком серьезное дело, чтобы доверять ее только политикам».

Однако не следует понимать публичную дипломатию как совершенно независимую, самостоятельную от государства сферу деятельности - любая государственная власть заинтересована в создании благоприятного образа страны, который позволяет решать многие экономические и геополитические задачи. Россия не является в этом смысле исключением. В Указе Президента России от 7 мая 2012 года «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» особо подчеркнут интерес государства в повышении результативности российской внешней политики. В этих целях государство должно «эффективнее использовать ресурс публичной дипломатии, вовлекать гражданское общество во внешнеполитический процесс, укреплять взаимодействие с Общественной палатой Российской Федерации, некоммерческой организацией «Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М.Горчакова», другими неправительственными организациями внешнеполитической направленности, содействовать их широкому участию в деятельности мировых экспертно-политологических диалоговых форумов, в международном гуманитарном сотрудничестве»⁴.

Значение и роль публичной дипломатии в продвижении интересов и позиций России детализированы в Концепции внешней политики РФ. В частности, в документе указывается, что «в рамках публичной дипломатии Россия будет добиваться объективного восприятия ее в мире, развивать собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, обеспечивать усиление позиций российских СМИ в мировом информационном пространстве, предоставляя им необходимую государственную поддержку, активно участвовать в международном сотрудничестве в информационной сфере, принимать необходимые меры по отражению информационных угроз ее суверенитету и безопасности»⁵.

Итак, хотя изначально публичная дипломатия понималась не только и даже не столько как государственное, сколько общественное явление, она тем не менее была и остается важным проводником национальных интересов конкретной страны. Поэтому

глубинный смысл ПД заключается в создании особой синергии государственных и общественных инициатив.

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: НАУЧНЫЙ ДИСКУРС И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Одним из принципиальных отличий ПД от классической дипломатии является ее субъект. Это не государство, а «инициативная часть социума, в том числе и любой гражданин, неравнодушный к тому, что и как происходит в России и вне ее»⁶.

Формально главные акторы публичной дипломатии не относятся к так называемой «внешнеполитической триаде» - МИД, военные, спецслужбы и непосредственно, то есть напрямую, не связаны с государством как политическим институтом. Иными словами, большинство субъектов ПД не находятся на государственной службе, хотя профессиональные дипломаты могут быть включены в процесс продвижения гуманитарных инициатив страны. Например, дипломатические представительства за рубежом содействуют развитию культурных связей. Непосредственно этим, как правило, занимаются атташе по культуре. В то же время ведущие дипломаты вплоть до посла могут присутствовать на научных симпозиумах и конференциях, активно работать с медиаресурсами и социальными сетями. И все же это лишь вершина огромного айсберга под названием «публичная дипломатия». Его мощь определяют количество и качество гуманитарных контактов самой широкой направленности.

Особым в публичной дипломатии является также объект ее воздействия. Как известно, классическая дипломатия подразумевает обмен мнениями в единой политической плоскости - посредством действующих политиков и представителей МИД происходит влияние на формирование внешнеполитического курса той или иной страны, на принятие политических решений и процесс их реализации. В свою очередь, главная цель ПД - это общество, его различные сегменты, начиная от простых граждан и заканчивая институтами гражданского общества. В результате «обработанное» публичной дипломатией общественное мнение конкретной страны способно влиять как на внешнеполитическую повестку своего государства, так и на отношении различных гражданских структур (СМИ, НПО, фондов, ассоциаций, бизнеса и т. п.) общества к стране - инициатору ПД.

Однако не стоит ставить знак равенства между публичной дипломатией и пропагандой, которые отличаются как методами, так и целями воздействия. «Если конечной целью пропаганды является формирование прежде всего информационными средствами нужных ее проводникам образа страны и картины мира, то публичная дипломатия ориентирована на создание новых эффективных каналов обмена мнениями на самых разных уровнях, начиная от школьников и студентов и заканчивая бизнесменами и журналистами. При этом ПД опирается не столько на традиционные и новые СМИ, сколько на негосударственных участников мировой политики»⁷. Прежде всего это международные организации и наднациональные гуманитарные структуры, неправительственные организации самой разной направленности, региональные объединения, международные сетевые сообщества, научные и экспертные сообщества. Эффективными площадками ПД являются экономические и гуманитарные форумы, кинофестивали, книжные ярмарки, научные конгрессы и конвенты, практические семинары и т. п.

Исключение из практики публичной дипломатии такого метода воздействия, как дезинформация, есть еще одно важное ее отличие от пропаганды. Главный инструмент публичной дипломатии - грамотное преподнесение выгодных стране - проводнику ПД фактов и проектов. Искусство публичной дипломатии - в изложении правдивых фактов в нужном свете. Как ни патетично это звучит, но в условиях глобализации, когда взаимопроникновению подвергаются все сферы жизни государства и общества, публичная дипломатия может быть названа сверхразумом дипломатии классической. Более того, ПД в современном мире - не просто технология представительства страны, а вопрос выживания сегодня и в будущем столетии.

Пожалуй, самым показательным примером недопустимости пренебрежения публичной дипломатией служит политическая и гуманитарная катастрофа в российско-украинских отношениях. То, что почти 80% украинского населения, по оценке спикера парламента Новороссии О.А.Царева⁸, в настоящее время настороженно и негативно относятся к России, есть результат не только киевской пропагандистской машины, но и недоработки российской стороны. Причем речь в данном случае идет не только о постмайданном кризисе, но о всех постсоветских десятилетиях.

Начиная с 1991 года степень российского гуманитарного влияния на украинское общество не просто снижалась. Происходило

медленное, но целенаправленное вытеснение общих для наших стран и народов ценностей. Итогом такой политики, на которую Россия должным образом не прореагировала, стало возникновение, преимущественно в молодежной среде, невероятно агрессивных русофобских настроений. Такое положение вещей усугубляется фактическим уходом России из гуманитарного пространства соседней страны: 87% студентов с Украины участвуют в западных программах, а вот о российских программах практически никто ничего не знает.

Впрочем, не только современная Украина служит укором наших недоработок в сфере публичной дипломатии. Фактически Россия потеряла даже такой близкий исторически и культурно регион, как Балканы. В данном случае речь идет прежде всего о православных странах. Прямым доказательством тому служит, в частности, ежегодный рост числа сербов, позитивно рассматривающих вступление страны не только в ЕС, но и в НАТО. Более того, Черногория, которую Александр III назвал (после русских армии и флота) самым надежным историческим союзником России, не будучи членом ЕС, 11 апреля 2014 года присоединилась к антироссийским санкциям и в ближайшее время собирается стать 29-й страной - членом агрессивного Североатлантического альянса.

Конечно, ответить на такие действия можно словами святого Петра Цетиньского: «Кто не будет верен единокровной России, да будет проклят трижды и еще три тысячи раз». Но этого явно не достаточно. Российским государству и обществу необходимо в корне пересмотреть свое отношение к публичной дипломатии в этом регионе, и не только, максимально полно и широко использовать ее инструментарий в продвижении своих позиций и интересов.

Содержание ПД лучше всего раскрывает понятие «информационно-разъяснительная работа». Речь прежде всего идет об информировании о стране, ее культуре, ценностях и политике, и делается это все в целях большей заинтересованности конкретного общества в сотрудничестве с субъектом ПД. В то же время публичная дипломатия косвенно, опосредованно содействует пресечению попыток дискредитации политики государства - проводника ПД. Например, болгары, греки, сербы, хорошо знающие историю своих стран, русские культуру и традиции, бывающие часто в России и тесно сотрудничающие с различными российскими НКО, то есть включенные в пространство российской публичной дипломатии, никогда не пове-

рят в тиражируемые в западных СМИ и социальных сетях мемы об агрессивной политике Российской Федерации.

В российском научном и политическом дискурсе существует еще одна концептуальная ошибка - приравнивание публичной дипломатии к «мягкой силе» (МС). С нашей точки зрения, ПД - не синонимичное «мягкой силе» понятие. Публичную дипломатию следует рассматривать как один из инструментов МС, главной целью которой является посредством различных активов (культуры, образования, СМИ, кино, шоу-бизнеса, моды и т. д.) продуцировать привлекательность страны - проводника МС. Достичь этого удастся, используя прежде всего власть информации и образов, власть нематериального, что гораздо шире, чем понятие ПД. Поэтому правильнее понимать публичную дипломатию как инструмент «мягкого» влияния, как механизм поиска новых и активизации существующих каналов взаимодействия в целях позиционирования и продвижения культурно-ценностных (а в идеале - и политических) ориентиров страны - субъекта публичной дипломатии.

В современных условиях усиление роли публичной дипломатии связано с появлением новых участников мировой политики. Это негосударственные субъекты самого разного уровня, начиная от международных и наднациональных институтов (например, ПАСЕ, ОБСЕ, «Врачи без границ») и заканчивая малыми некоммерческими организациями, занимающимися широким спектром общегуманитарных вопросов. В то же время само это явление - публичная дипломатия - нельзя назвать «политически инновационным продуктом»⁹.

Само понятие ПД как способа «влияния общественных установок на осуществление внешней политики страны»¹⁰ появилось стараниями декана Школы права и дипломатии им. А.Б.Флетчера (Университет Тафтса, США) Эдмунда А.Гуллиона ровно полвека назад - в 1965 году. В широком смысле ПД включала в себя различные, выходящие за рамки традиционной дипломатии способы изменения международных отношений. Развивая понятие «публичная дипломатия», Гуллион указывал на необходимость воздействия на общественное мнение в других странах; на взаимодействие частных групп интересов, прежде всего бизнеса; на взаимодействие между представителями госструктур и СМИ; на важность межкультурных коммуникаций. Иными словами, центральным моментом для публичной дипломатии как в 1965 году, так и полвека спустя был и остается транснациональный поток идей и информации.

Вне всякого сомнения, пальма первенства в освоении практик ПД принадлежит Соединенным Штатам, которые использовали их как один из видов воздействия и продвижения своих интересов в условиях холодной войны. Именно в биполярный период мировой истории были созданы «масштабные программы в области информации, культуры и образования, направленные на дискредитацию политики СССР и его союзников»¹¹. Тем не менее в официальный дискурс правительства США термин «публичная дипломатия» вошел лишь после 1991 года, что является косвенным свидетельством перехода мировой политики на новый уровень развития.

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД: СТАРЫЕ ЦЕЛИ, НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В последние годы интерес к публичной дипломатии в силу объективных причин - развитие информационных технологий и рост влияния негосударственных участников мировой политики, в том числе сетевых, - усилился. Одним из первых на значительную роль информационной составляющей в развитии концептуального понимания этого явления обратил внимание израильский исследователь Э.Гилбоа¹².

По его мнению, существуют три разновидности ПД: традиционная публичная дипломатия, медиадипломатия и дипломатия журналистов-посредников. *Традиционная дипломатия* предполагает использование программ, приносящих долгосрочный эффект. Это прежде всего образование и культура в самом широком смысле (литература, искусство, в том числе сценическое, кинематограф). *Медиадипломатия* приносит быстрые результаты в конкретном социуме, поскольку выполняет дипломатические задачи посредством СМИ и так называемых «новых медиа» (Интернет, социальные сети, фотосети и т. п.). *Дипломатия журналистов-посредников* - своего рода высший пилотаж посредничества и даже лоббизма. В ее задачи входит налаживание переговорного процесса между представителями различных общественных сфер - политиками, бизнесменами, гражданскими активистами, что может приносить как краткосрочные, так и долгосрочные дивиденды.

Не менее актуальной представляется анализ компонентов публичной дипломатии, предложенный американским исследователем Н.Куллом. В зависимости от целей он выделил пять форм ПД,

первые две из которых были впервые введены в научный оборот. Это (1) изучение общественного мнения и установление диалога с зарубежным обществом, обозначенное им как *listening* (буквально - слушание); (2) информационные кампании для формирования положительного мнения в зарубежных странах (*advocacy*); (3) культурная дипломатия; (4) программы обменов и (5) международное вещание¹³.

Первые два компонента стали неотъемлемой частью современной внешней политики США. Как справедливо отмечает Кулл, «сегодня эффективность публичной дипломатии зависит от наличия *диалога* между правительством страны и зарубежным обществом»¹⁴. Установление такого диалога возможно, если субъект ПД изучает все сигналы, оценки, мнения, идущие со стороны зарубежного общества. Это и есть процесс своеобразного «слушания» общества, «вслушивания» в оценки и мнения, имеющие место в конкретной стране. «Вслушивание» позволяет правильно отреагировать на внешние импульсы - провести, если есть такая необходимость, серию информационных кампаний (*advocacy*), реабилитирующих поведение и корректирующих имидж субъекта ПД. Это, в свою очередь, способствует достижению главной цели - установлению диалога даже с теми, кто относится отрицательно к деятельности страны - проводника публичной дипломатии.

Примеры Сербии и Черногории - яркое доказательство эффективности такой работы. Несмотря на негативный образ США и НАТО, особенно после агрессии с их стороны против Союзной Республики Югославии в 1999 году, сербское общественное мнение постепенно меняет свои приоритеты, особенно это касается молодежной аудитории. А вот Россия в этом смысле явно не дорабатывает.

Роли общения, диалога в продвижении имиджа и интересов страны в западных научном дискурсе и политической практике уделяется самое пристальное внимание. Так, американские исследователи и публичные дипломаты различают три уровня ПД: монологический, диалоговый и уровень сотрудничества¹⁵.

Монологическая ПД, по их мнению, была доминирующей в период холодной войны, когда приоритетом считалось донесение, озвучивание своей позиции по тем или иным вопросам. Дискуссия была по многим причинам неуместна. Хотя именно монологическая ПД позволяла реализовывать Советскому Союзу свои национальные интересы. *Диалоговая ПД* считается западными учеными и практика-

ми более эффективной и востребованной. Очевидно, что в диалоге есть больше возможностей донести до противоположной стороны информацию с целью создания положительного имиджа страны - проводника ПД. Однако именно в диалоге российская сторона часто проигрывала. Может быть, потому, что становилась лишь объектом чужой ПД, забывая о своей изначально значимой субъектной роли.

Показателен в этом смысле диалог, о котором в своих мемуарах вспоминал Е.М.Примаков, между бывшем Президентом США Р.Никсоном и действующим тогда министром иностранных дел РФ А.Козыревым. Никсон спросил Козырева о том, каковы интересы новой России. «Одна из проблем Советского Союза состояла в том, что мы слишком как бы заклинились на национальных интересах, - ответил на это Козырев. - И теперь мы больше думаем об общечеловеческих ценностях. Но если у вас есть какие-то идеи и вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, то я буду вам очень благодарен»¹⁶. Очевидно, что при таком подходе к диалогу сложно было продвигать свои интересы как посредством классической, так и публичной дипломатии. Нынешнее российское руководство не нуждается в такого рода «подсказках» и делает все возможное, чтобы вернуть утраченные позиции, «отыграть назад», расширить коридор возможностей. Однако сегодня это требует огромных усилий и ресурсов. Тем не менее, если Россия хочет быть субъектом мировой политики, у нее нет иного выбора. Нужно научиться использовать диалог в своих интересах.

Третий уровень ПД - *дипломатия сотрудничества* - подразумевает создание совместных проектов, формирующих позитивное восприятие разных обществ и стран, что также важно и весьма перспективно в целях продвижения российского влияния.

Однако, несмотря на акцентирование внимания российской стороной на «философии сотрудничества»¹⁷, ошибочно утверждать, что в сфере публичной дипломатии сотрудничество пришло на смену соперничеству, что «перезагрузка» действительно состоялась. Более того, в условиях усиления конфронтации по целому ряду вопросов (сирийский и украинский кризисы, расширение НАТО, интеграционные процессы на постсоветском пространстве) сохранение своей гегемонии США видят в том числе в наращивании мощи своей публичной дипломатии. В результате усиливается не только антироссийская риторика, но постоянно открываются новые «фронты» информационной войны против России.

В качестве примеров, подтверждающих данный тезис, можно привести создание сети русскоязычных медиаресурсов, осуществляющих вещание на постсоветском пространстве. Так, в 2015 году на базе чешского офиса холдинга «Радио Свободная Европа/Радио Свобода» (RFE/RL) создан цифровой медиадепартамент, где работают специалисты по социальным сетям. Перед руководством департамента поставлена задача: «противостоять дезинформации в российской медиасфере посредством различных соцмедиаплатформ («Facebook», «Twitter», «ВКонтакте» и «Одноклассники»)».

На первое время американский Совет управляющих по вопросам вещания (Broadcasting Board of Governors, BBG), которому и принадлежит RFE/RL, выделил департаменту огромную сумму - 15,6 млн. долларов. Причем этот проект определен BBG как приоритетный наравне с противостоянием идеологии фундаменталистов запрещенного в России «Исламского государства». Всего на 2016 финансовый год BBG запросило у Конгресса США бюджет в 751 млн. долларов (+1% к предыдущему году). Заявки BBG на финансирование за обозримый период удовлетворялись в полном объеме, так что у ведомства нет повода для беспокойства¹⁸.

К этому следует добавить выделение США гранта в размере 500 тыс. долларов на подготовку (с 25 сентября 2015 г. по 30 ноября 2016 г.) русскоязычных журналистов и других медиапрофессионалов, которые должны будут противостоять «русской пропаганде» в странах Балтии. В этом случае важна не сумма гранта, а его цель - создание «послушной экосистемы, в которой выпускники проекта из трех балтийских стран будут и после учебы поддерживать тесные контакты как между собой, так и с «американскими тренерами, экспертами» в целях «расширения аудитории и круга источников»¹⁹. На самом деле мы являемся свидетелями создания очередных структур влияния - американские кураторы будут указывать балтийским СМИ, что писать, как оценивать тот или иной факт. Иными словами, оруэлловское Министерство правды в действии.

Политическая практика доказывает, что, несмотря на изначальное понимание публичной дипломатии как дистанцированного от государства института, в условиях обострения борьбы за влияние США активно используют его ресурс в своих интересах. Полагаем, что в такой ситуации российское правительство должно эффективнее задействовать возможности и инструментарий ПД; брать на себя (хотя бы частично) финансовое бремя расходов по проведению

мероприятий, позволяющих продвигать инициативы и интересы России за рубежом.

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ НА БАЛКАНАХ

Балканы были и остаются для России особой геополитической и геоэкономической зоной. В современных условиях борьба за влияние в различных частях мира не только не ослабевает, а, наоборот, «сопровождается возросшей турбулентностью на глобальном и региональном уровнях»²⁰. Возрастающая конкуренция в политической, экономической и информационной сферах требует от России серьезных усилий по сохранению своего влияния в регионе, поиска эффективных методов внешнеполитической деятельности. Это, в свою очередь, подразумевает диверсификацию коммуникаций с различными общественными сегментами балканских стран, что невозможно без использования инструментария публичной дипломатии.

Все теоретические изыскания о публичной дипломатии оказываются блефом, если нет реально работающих институтов. Среди десятков НПО, формирующих образ России на Балканах, безусловные гранды - Россотрудничество, Русский мир и Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М.Горчакова (ФГ). Последний является грандом не в плане количества работающих в организации, не в плане получаемого финансирования, но исключительно в силу влияния, которое фонд оказывает на общественное мнение балканских стран. Пожалуй, ФГ можно назвать единственной российской организацией, профессионально занимающейся публичной дипломатией. Особо значимо то, что фонд ориентирован на молодежь, то есть он в буквальном смысле работает на будущее.

Фонд Горчакова - довольно молодая организация: распоряжение Президента России Д.А.Медведева «О создании Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М.Горчакова» за №60-рп было подписано 2 февраля 2010 года. Однако, несмотря на столь юный по историческим меркам возраст, фонд, руководимый Л.В.Драчевским, - это авторитетный и представительный институт российской публичной дипломатии во многих странах мира.

ФГ - одна из крупнейших грантодающих организаций в России, хотя, конечно, не стоит ее сравнивать с западными структурами -

масштабы финансирования у Фонда Горчакова очень скромные. Однако это не является препятствием к сотрудничеству: количество грантополучателей из стран Балканского региона ежегодно растет в геометрической прогрессии. И это несмотря на довольно жесткие требования к оформлению заявок и отчетности по грантам. Представители стран региона активно включаются практически во все программы фонда. Прежде всего, это действующий с 2012 года Дипломатический семинар, различные экспертные площадки и форумы. Серьезный эффект имеет работа Клуба друзей фонда: проводятся не только ежегодные встречи, но постоянно поддерживаются контакты в виртуальном пространстве. Можно с уверенностью сказать, что Клуб друзей - это живая, развивающаяся сетевая структура.

С 2013 года в рамках фонда действует ежегодная масштабная программа «Балканский диалог». Участники «Диалога» - представители всех балканских и ряда европейских стран, в том числе Беларуси, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Греции, Македонии, Молдавии, Сербии, Словакии, Словении, Республики Сербской, России, Украины, Хорватии, Черногории.

Проект реализуется в формате двухдневной «дискуссионной площадки для молодых специалистов в области международных отношений, международной журналистики, а также представителей научного сообщества балканских стран. В качестве тем дискуссии приоритетными являются балканский вектор внешней политики России, региональные интеграционные проекты России и перспективы участия в них балканских государств, а также глобальные аспекты мировой политики сквозь призму их восприятия на Балканах»²¹. I Балканский диалог проходил на базе исторического факультета Софийского университета им. святого Климента Охридского при поддержке Центра евразийских исследований «VIA EVRASIA».

Масштабным по количеству участников и политической повестке был II Балканский диалог молодых экспертов, состоявшийся 6-7 мая 2014 года в Белграде. Мероприятие открыл председатель Государственной Думы РФ С.Е.Нарышкин, посетивший Сербию с официальным визитом в эти дни. На панельной дискуссии выступили известные российские и балканские историки, специалисты в области международных отношений и права, парламентарии и политики. В своей как всегда эмоциональной речи всемирно известный режиссер Э.Кустурица особо подчеркнул, что Россия не имеет

адекватного своей силе и мощи влияния в мире в силу «занавеса CNN»²², который накрывает страны и народы подобно толкиеновской «завесе мрака». Сбросить этот «занавес/завесу» можно лишь комплексными усилиями активной государственной политики и публичной дипломатии.

В рамках II Балканского диалога состоялась встреча представителей фонда со студентами правового факультета Белградского университета и публичная лекция российских экспертов для молодежной аудитории; прошли презентации фонда для сербских НКО, работающих в сфере ПД. Как непосредственные участники названных мероприятий, можем авторитетно констатировать живой интерес сербской молодежи к российским инициативам и проектам фонда. Партнером ФГ в организации мероприятия стал белградский Центр евразийских исследований при поддержке Посольства России в Сербии.

III Балканский диалог, собравший рекордное количество участников - более 80 человек из 15 стран, прошел в июне 2015 года в Нови-Саде и Белграде. С приветственным словом к участникам встречи обратился Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Сербия А.В.Чепурин. Партнерами ФГ выступили сербская НПО «Сербски код», организационную и медиаподдержку оказали «Российская газета» и белградский медиацентр «Руски экспрес».

О последнем следует сказать отдельно. Хрестоматийным примером эффективной публичной дипломатии может служить показ в Сербии фильма Н.С.Михалкова «Солнечный удар». Подчеркнем, что не Российское государство, а небольшой медиацентр «Руски экспрес», созданный русскими и сербскими энтузиастами и направляемый энергией продюсера Е.Баранова, обеспечил потрясающий прием картины признанного мэтра кинематографии в сербском обществе. Закономерно, что после такого триумфального показа Н.С.Михалков получил звание почетного гражданина Белграда.

«Руски экспрес» выступал также соорганизатором показов таких российских фильмов, как «Батальонъ» и «Битва за Севастополь»; организатором приезда в марте 2015 года российских деятелей искусства на крупнейший в Сербии 43-й международный кинофестиваль «FEST». Координация усилий Фонда Андрея Первозванного, Центра национальной славы и Фонда святителя Василия Великого по доставке впервые в истории Благодатного огня в

пасхальную ночь с 11 на 12 апреля 2015 года из иерусалимского храма Гроба Господня в Сербию также была возложена на медиа-центр²³.

Эта акция собрала только на улицах Белграда более 35 тыс. человек, не говоря уже о тех, кто смотрел торжественное событие по телевизору. Огонь был отвезен также в Республику Сербскую и Черногорию, что стало своеобразным символическим объединением сербского пространства. Важно отметить, что в том действии объединились не только сербы, разделенные государственными границами, но и русские фонды и организации. Деятельность медиацентра «Руски экспрес», выраженная лозунгом «Мягкая сила единства», соединяет различные формы и методы ПД: диалоговую и дипломатию сотрудничества, медиадипломатию и дипломатию журналистов-посредников. Полагаем, что именно такие институты гражданского общества Российское государство должно всячески поддерживать и поощрять.

Взаимодействие Фонда Горчакова и таких структур, как «Руски экспрес», не только существенно расширяет возможности российской публичной дипломатии в регионе, но и приносит столь необходимый «масштабируемый» (Н.Талеб) эффект. В современном высокотехнологичном и информационном мире достучаться до сознания общества невозможно без использования медиаресурсов и пиар-технологий. К тому же в грантовой политике при всем желании Россия не может конкурировать с западными странами. К примеру, только США ежегодно выделяют на поддержку своего влияния в Балканском регионе посредством НПО, СМИ и социальных сетей более 40 млн. долларов. Поэтому России необходимо искать в публичной дипломатии альтернативные и инновационные методы работы, что реально сделать, лишь объединив усилия эффективных гражданских институтов.

В заключение подчеркнем еще раз, что в реалиях быстроменяющегося мира развитие публичной дипломатии - залог успеха и продвижения России, реализация ее субъектности. Общественное мнение - важнейший барометр политического климата в любой стране. Балканы в этом смысле не исключение. Поэтому нужно работать со всеми сегментами общества, работать постоянно и кропотливо.

И главное, следует помнить, что сотрудничество, как и несотрудничество, приносит свои плоды. Современная Россия нацелена на сотрудничество. Дело за малым - реализовать желаемое.

¹Зонова Т.В. Публичная дипломатия и ее актеры // URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=681#top-content

²The New Public Diplomacy: Soft Power in the Information Age / Jan Melissen ed. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2005; Zaharna R.S. The Soft Power Differential: Network Communication and Mass Communication in Public Diplomacy // The Hague Journal of Diplomacy. 2007. №2. P. 219-221.

³Ягья В.С., Пономарева Е.Г. Научное сотрудничество - форма и метод публичной дипломатии // Обозреватель-Observer. 2015. №8. С. 69.

⁴Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15256>

⁵Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом В.В.Путиным 12 февраля 2013 г. // URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/info/c32577ca0017434944257b160051bf7f>

⁶Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М.Горчакова // URL: <http://gorchakovfund.ru/about/>

⁷Ягья В.С., Пономарева Е.Г. Указ. соч. С. 71.

⁸Выступление О.А.Царева на VI Международной конференции «Особенности современных интеграционных процессов на постсоветском пространстве», организованной журналом «Международная жизнь». Ялта. 20 октября 2015 г. (личный архив Е.Г.Пономаревой).

⁹Пономарева Е.Г., Никифорова А.Э. Инновации как научная и политическая проблема // Свободная мысль. 2011. №1. С. 29.

¹⁰What is Public Diplomacy? // URL: <http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy>

¹¹Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 6.

¹²Gilboa E. Diplomacy in the Media Age: Three Models of Uses and Effects // Diplomacy and Statecraft. 2001. №6. P. 3.

¹³Cull N. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. №1. P. 32-34.

¹⁴Ibid. P. 49.

¹⁵Cowan G., Arsenault A. Moving from Monologue to Dialogue to Collaboration: The Three Layers of Public Diplomacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. №1. P. 10-12.

- ¹⁶Примаков Е.М. Годы в большой политике. М.: Совершенно секретно, 1999. С. 210.
- ¹⁷Путин В.В. Интервью итальянской газете «Il Corriere della Sera» // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49629>
- ¹⁸США вводят информационные войска в российские социальные сети // URL: <http://izvestia.ru/news/585366#ixzz3ib6HJw11>
- ¹⁹США запускают балтийский проект по борьбе с российской пропагандой // URL: <http://izvestia.ru/news/589736#ixzz3iZzXPQNB>
- ²⁰Пресс-конференция министра иностранных дел России С.В.Лаврова 18 января 2012 г. // URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/FBBD4D11AF502771442579890048D166
- ²¹Фонд Горчакова. Балканский диалог // URL: <http://gorchakovfund.ru/project/6212/>
- ²²Эмир Кустурица на Балканском диалоге: Россия в одиночку бьется о занавес CNN // URL: <http://gorchakovfund.ru/news/11277/>
- ²³Руски експрес // URL: <http://ruskiekspres.rs/>

Ключевые слова: публичная дипломатия, гражданское общество, медиадипломатия, Россия, Балканы, Фонд Горчакова.

Светлана ГАСРАТЯН

Научный сотрудник Института
востоковедения РАН,
кандидат исторических наук
gasratyan_svetlana@mail.ru

Отношения Израиля и Турции на современном этапе и исламский фактор

После того как в 1948 году был создан Израиль, важнейшим партнером на Ближнем Востоке для него стала Турция. В 1949 году Анкара признала еврейское государство, установила официальные связи, что свидетельствовало о прозападной ориентации внешней политики Турции, в то время как арабы боролись за свою независимость. В 1954 году Г.А.Насер критиковал Турцию за ее политику в отношении Израиля. Но взаимосвязи Израиля и Турции тогда были в основном символическими¹.

Два первых израильских премьер-министра Давид Бен-Гурион и Моше Шарет владели турецким языком. Бен-Гурион изучал юриспруденцию в Стамбуле. Шарет служил офицером в оттоманской армии во время Первой мировой войны. Мустафа Кемаль Ататюрк и его правая рука - Исмет Инёню были высшими офицерами на палестинском фронте². Бен-Гурион и Ататюрк выступили против религиозной среды, в которой они воспитывались, и оба создали секулярные государства, ориентированные на Запад. Бен-гурионовская государст-

венность была во многом похожа на турецкий кемализм. Обе идеологии противостояли религиозным течениям и влиянию религии на повседневную жизнь страны. Болезненные внутренние проблемы двух государств также схожи: проблемы с меньшинствами, чрезмерное влияние армии, которое в Турции обернулось военным переворотом. Отношения между государствами ослабли после 1973 года, когда турки под влиянием арабского нефтяного эмбарго дистанцировались от Израиля. Охлаждение отношений с Израилем длилось свыше двух десятилетий. В 1970-1980-х годах антисемитские настроения в Турции усилились, они звучали в программах некоторых партий.

Главным идеологическим источником антисемитизма в Турции являлся исланизм, левый антисионизм и правый националистический экстремизм. Турецкие аналитики, как правило, были пропалестински и антиизраильски настроенными. К тому же в то время дебаты по ближневосточному конфликту в Турции часто принимали антисемитскую окраску.

Согласно исследованиям Тель-Авивского университета, исламская Партия благосостояния была основным источником антисемитизма в Турции до 1997 года. В то же время в 90-х годах XX века Турция в целом постепенно отступила от большей части политического наследия Ататюрка, при этом сохранив 35-тысячную армию. Атеистическое наследие Ататюрка является, возможно, самым отличительным элементом турецкого общества. Ататюрк в течение 15 лет (1923-1938 гг.) реализовывал идеи модернизации, которым нет аналогов в других странах мусульманского мира.

В период, когда Израиль и Турция находились под руководством Ицхака Рабина и Тансу Чиллер, соответственно, возникло впечатление, что западный секуляризм одерживает победу в обоих государствах. Еще немного - Израиль и Турция займут подобающие места в стане экономически развитых демократических государств. Турция стала активно стучаться в двери объединенной Европы. Израиль наслаждался плодами нормализации отношений с международным сообществом, что явилось итогом соглашений в Мадриде и Осло. В то время, когда мусульманский фундаменталист Неджметтин Эрбакан стал премьер-министром Турции, он говорил об Израиле как о «вечном враге», «раке в сердце арабского и мусульманского мира». По его мнению, Израиль стремился подорвать исламскую веру и уничтожить мусульман. Он критиковал идею «Большого Израиля», простирающегося от Нила до Евфрата, и заявлял о сионист-

ском «заговоре» в отношении Турции. Эрбакан считал, что связи Турции с Израилем необходимо разорвать³.

Исламисты же постоянно укрепляли свои позиции в Турции, несмотря на их преследование со стороны светских властей и периодическое привлечение к суду Эрбакана. В заявлениях и публикациях Н.Эрбакан подвергал Общий рынок, а затем и Европейское экономическое сообщество жесточайшей критике, называя их детищем «некоторых сионистских кругов, владельцев крупного капитала»⁴. Вступление Турции в эту организацию, утверждал Эрбакан, «приведет к колонизации Турции Западом». Госсектор он считал «локомотивом индустриализации», призывал к созданию исламского Общего рынка, «восстановлению исторических и культурных связей с мусульманскими странами, сохранению духовных ценностей ислама»⁵.

Американские и израильские наблюдатели еще в середине 1990-х годов не одобряли деятельность Н.Эрбакана на посту премьера коалиционного правительства в 1996-1997 годах. Соглашение 1993 года между Израилем и ООП подтолкнуло Анкару к сближению с Израилем. Последовал ряд визитов на высшем уровне. В то же время в 1990-х годах турки надеялись на то, что Израиль поможет им поставками оружия и современных технологий в их борьбе против курдского сопротивления. В свою очередь, благодаря израильским спецслужбам был обнаружен Абдулла Оджалан, лидер РПК, что привело к его аресту⁶. Одновременно министр иностранных дел Турции нанес визит в Израиль, и оба государства подписали три соглашения о сотрудничестве в области безопасности, борьбы с терроризмом и в осуществлении совместных сельскохозяйственных проектов в Средней Азии. Было также подписано соглашение, согласно которому израильским самолетам разрешалось находиться в турецком воздушном пространстве. В марте 1996 года был подписан Договор о свободной торговле.

В 1997 году двусторонние связи заметно расширились, состоялся ряд визитов высших военных чиновников. Так, начальник штаба турецкой армии Исмаил Карадаи и министр обороны Турции Терхэн Таян посетили Израиль, а руководитель штаба Израиля Амнон Липкин-Шахак посетил Турцию. Турецкие военные корабли заходили в израильские порты. Результатом этих интенсивных контактов стали соглашения по пяти пунктам. В соответствии с соглашением, израильская авиационная промышленность должна была модернизировать 54 самолета F-4E Турции, истребитель-бомбардировщик

времен войны во Вьетнаме. Для завершения проекта Израиль предоставил Турции кредит почти равной стоимости модернизации⁷.

Израиль обещал поставить Турции 1 тыс. танков на сумму приблизительно 5 млрд. долларов. Турция проявила интерес к винтовкам марки «Галиль», военно-морскому патрульному самолету, беспилотным воздушным транспортным средствам и самолету дальнего обнаружения. По словам турецкого аналитика, «турецкие вооруженные силы интересовались всем, что имел Израиль». Согласно сообщению турецкого аналитика, когда произошло воссоединение Восточной и Западной Германии, ФРГ передали МИГ-29 Израилю, а Израиль, в свою очередь, передал техническую информацию о самом современном военном самолете, находившемся на вооружении Сирии, - туркам. Известно также, что израильтяне использовали в своих интересах полеты над Анатолией с целью сбора информации о враждебных Израилю государствах - Сирии, Ираке и Иране.

Это должно было способствовать четырехкратному увеличению ежегодной торговли - только за три года рост составил от 450 млн. долларов до 2 млрд. долларов. Соглашение также предоставило дополнительные льготы для Турции: Израиль имел свободный доступ к торговле с США (и через США с Канадой и Мексикой) и открывал такие возможности для Турции. Состоялся первый визит турецкой религиозной делегации в Израиль. В апреле 1997 года муфтий Стамбула заявил, что «ислам ни в коем случае не отвергает существования Государства Израиль». Тем не менее турецкие вооруженные силы настаивали на усилении связей с Израилем.

Обе стороны согласились инвестировать 150 млн. долларов в производство ракет, в том числе ракет дальнего действия. Турецкие пилоты F-16 и командиры стали перенимать опыт у Израиля в ведении радиоэлектронной войны, а израильские пилоты получили доступ к огромным просторам Анатолии, чтобы практиковаться в дальних полетах над гористой местностью, что помогало им в подготовке к возможным акциям против Ирана.

Израиль и Турция отмечали миролюбивый характер своего сотрудничества. Совместные военно-морские учения, по мнению турецкой стороны, имели только «гуманитарный характер», напротив, израильский министр обороны подчеркивал, что «с Турцией мы хотим реальное стратегическое сотрудничество... и совместно при поддержке США мы продемонстрируем, как сильное сотрудничество может противостоять любой угрозе в регионе». Турецкие и изра-

ильские лидеры в то же время противоречили сами себе по поводу Сирии. Иногда они настаивали на том, что их сотрудничество не направлено против третьих стран.

Турция, вопреки всему мусульманскому миру, искала тесные связи с Израилем, по-видимому из соображений практического характера. Турки напоминали о прошлых связях с евреями. Турецкий министр обороны заявил: «У нас не было никаких проблем с Израилем и еврейским народом на протяжении всей истории». Много евреев, высланных из Испании в 1492 году, нашли убежище на Оттоманской земле.

Но были напоминания о плохих отношениях с арабами. Турки критиковали арабов в связи с их политикой в отношении Кипра, они считают арабов ненадежными экономическими партнерами. В свою очередь, часть арабов часто обвиняют Османскую империю, которая господствовала на Ближнем Востоке в течении четырех столетий, в их современном тяжелом положении⁸.

Ситуацию осложняли и нерешенные территориальные проблемы Турции с двумя арабскими соседними странами - давнишними врагами Израиля. В случае с Ираком Анкара полностью не отказывалась от своих старых требований в отношении области, где расположен Мосул. В мае 1995 года Демирель объявил, что «граница является неправильной», и назвал это «вопросом, который должен быть исправлен». Большая проблема существует также с Сирией, правительство которой постоянно требовало вернуть турецкую область Хатай, считая ее своей территорией. Проблемы с Сирией выходят за рамки земельных споров. Дамаск требовал больших прав в использовании вод реки Евфрат и возражал против сокращения их объема. Режим в Сирии поддерживал также радикальные движения в Турции, и особенно курдов.

Турция имеет и другие интересы, совпадающие с интересами Израиля. Греческий Кипр представляет постоянную проблему для Анкары. Что касается Ирана, то начиная с Исламской революции 1979 года, его режим выступал за уничтожение Израиля. Некоторые аналитики считали, что «турецкая армия могла сконцентрировать свои силы вдоль границ с Сирией, стратегически сковывая ее; разрешить израильским самолетам приземляться на турецких авиабазах, получать разведывательные данные... В турецких водах израильские военные могли использовать морскую базу в Искендеруне или неподалеку от Сирии, представляя угрозу сирийскому флоту». Для Турции соглашение важно было главным образом в связи с Си-

рией и Рабочей партией Курдистана (РПК), Израиль больше заботило воздушное пространство и Иран. Но в целом эти страны действовали согласованно⁹.

Критикуемая на международном уровне правозащитными организациями в Европе и греческим и армянским лобби в США, Турция нуждалась в надежных поставках военной техники и высоких технологий. Анкара также рассчитывала на помощь американских евреев, таких как М.Абрамович, Д.Фейт, А.Маковский, Р.Перл и Г.Рхоуд, Американско-израильский комитет по общественным связям, Еврейский институт по вопросам национальной безопасности и на ведущих еврейских ученых Турции (А.Леви, Б.Льюиса, С.Шоу).

Для Израиля отношения с Турцией являли возможность выхода из политической и экономической изоляции на Ближнем Востоке и могли служить примером для других мусульманских стран. Некоторые аналитики считали, что Турция и Израиль - единственные демократические государства в регионе и представляют собой едва ли не модель демократического выбора.

Однако среди израильтян существовало мнение о возможной недолговечности связей между этими странами. Хотя израильтяне опасались, что антиизраильское правительство Турции может отменить соглашения, Президент Демирель заявлял, что «турецко-израильское военное сотрудничество, как и сотрудничество в других областях, продолжится и в будущем»¹⁰.

Турецкие и израильские аналитики осознавали важный потенциал нового союза. «Этот подающий надежды союз изменил стратегический баланс сил на богатом нефтью Ближнем Востоке». Политолог Сабри Сайяри называл военные отношения самыми важными на Ближнем Востоке. Моше Аренс, бывший израильский министр обороны, считал, что этот союз изменил геополитику на Ближнем Востоке.

Большинство стран Запада приветствовало такой союз. «Нью-Йорк таймс» писала, что данный союз - «самая сильная военная дружба на Ближнем Востоке». Правительство Клинтона единственной стратегической целью США считало то, чтобы Израиль и Турция расширяли свое военное и политическое сотрудничество.

Противоположного мнения об израильско-турецких связях придерживались страны региона: Греция, Ливия, Ливан, Сирия, Египет, Саудовская Аравия, Ирак, Иран, Палестинская автономия. Они заявляли, что Турция, 66-миллионная мусульманская страна, якобы порабощена заговором сионистов и империалистов. Министр ино-

странных дел Сирии Фарук обвинял Турцию и Израиль в формировании военного союза. Мустафа Машур, глава «Братьев-мусульман» Египта, говорил, что этот союз опасен, потому что «евреи хотят расширить свое влияние на другие мусульманские страны, такие как Ирак, Иран и Сирия»¹¹.

Башар Асад и Саддам Хусейн, таким образом, сталкивались с общим «грозным противником» и должны были действовать осторожно, чтобы уменьшить вероятность возникновения войны. Дамаск, однако, отклонил предложение о стратегическом союзе с Ираном, опасаясь, что это могло привести к усилению координации действий между Анкарой и Тель-Авивом против Дамаска и к его дальнейшей изоляции.

По мнению некоторых аналитиков, израильско-турецкие отношения укрепляли стабильность в регионе, являясь сильным военным средством устрашения против потенциальных врагов¹². Израильско-турецкий союз был весьма выгоден Соединенным Штатам. Сотрудничество между Израилем и Турцией впервые создавало возможность союза проамериканских демократических государств подобно тому, который существовал в Европе.

В рассматриваемые годы Турция оценивала свои связи с Израилем как наиболее важные в сравнении с исламским миром. Так, на международной встрече на высшем уровне в Иране в декабре 1997 года С.Демирель, выразив недовольство в связи с критикой его внешней политики со стороны ряда стран, в знак протеста покинул мероприятие. Израильский министр обороны И.Мордехай заявил, что сотрудничество Турции и Израиля направлено на сохранение мира в регионе и защиту от возможных нападений государств, которые «поддерживают террор и имеют баллистические ракеты и химическое оружие».

И как только была одобрена резолюция, осуждавшая страны, сотрудничавшие с Израилем, турецкие генералы заявили, что Турция, Израиль и США намерены провести совместные военно-морские учения в ближайшем месяце¹³. Отношения между двумя странами начали ухудшаться после прихода к власти в 2002 году исламской Партии справедливости и развития (ПСР) во главе с Эрдоганом.

Получив на парламентских выборах 3 ноября 2002 года 363 места из 550, ПСР, заявившая себя как партия умеренного ислама, сформировала первое в истории республики однопартийное про-исламское правительство. Единственной оппозиционной партией в Меджлисе стала Народно-республиканская партия, набравшая 19,3% голосов. После следующих выборов, которые прошли

22 июля 2007 года, ПСР имела в Меджлисе 340 мест, на этот раз у нее было уже два оппонента - Народно-республиканская партия (98 мест) и Партия националистического движения (70 мест). Более того, в конце августа 2007 года второй человек в правящей партии - Абдулла Гюль был избран президентом страны¹⁴.

Когда Эрдоган стал премьер-министром Турции, началась исламизация турецкого общества. Для начала он нейтрализовал армию, постепенно назначил на руководящие посты лояльных офицеров, изменил состав и полномочия Высшего государственного совета безопасности, контролирующего армию. Эрдоган попытался ослабить судебную систему, которая играла важную роль в сохранении светского характера Турции. Он изменил ряд положений в Конституции и отменил закон, запрещавший носить паранджу в исламских университетах.

После прихода к власти ПСР отношение к Израилю стало меняться. Формально оставаясь союзниками, Анкара и Тель-Авив заняли диаметрально противоположные позиции в отношении американского вторжения в Ирак. В то время как Израиль всячески подталкивал Вашингтон к военным действиям, турецкое руководство пыталось их предотвратить¹⁵. Визит израильского президента в Турцию в июле 2003 года стал первой попыткой укрепить политическую составляющую «стратегического союза». При обсуждении вопросов региональной политики израильский президент не преминул обвинить Б.Асада в «создании проблем между Израилем и Сирией». Однако этот выпад в сторону сирийского руководства был воспринят в Анкаре сдержанно. В то время она имела совершенно другие планы в отношении Дамаска, договариваясь о визите Б.Асада в Анкару¹⁶.

В Турции началось постепенное сворачивание секуляризма, постепенная и «мягкая» исламизация и рост великодержавных настроений в элите и обществе. Реставрация роли ислама на государственном уровне означала постепенное возвращение этой страны к положению лидера суннитского мира, которым она была в период Османской империи, когда турецкие султаны исполняли функции повелителя правоверных - халифа.

Турецко-израильские отношения существенно обострились весной 2004 года, когда Эрдоган выступил с несколькими резкими заявлениями по поводу силовых методов Израиля в процессе ближневосточного урегулирования, а после ликвидации израильскими спецслужбами лидеров ХАМАС, шейха Ясина и позднее его преем-

ника А.Рантиси, даже назвал политику Израиля близкой к «государственному терроризму».

Определенным индикатором ухудшения турецко-израильских отношений стала также отсрочка на неопределенный срок визита израильского министра промышленности и торговли Э.Ольмерта в Турцию, планировавшегося на середину апреля 2004 года. В качестве предлога указывалось на «чрезвычайную занятость» турецкого руководства кипрской проблемой. Однако это не помешало правительству Турции в те же дни принять в Анкаре саудовского министра иностранных дел Сауда аль-Фейсала.

Тем не менее, исходя из приоритетов в сфере безопасности и баланса интересов на Ближнем Востоке, турецкое руководство пошло на активизацию своих отношений с Израилем. Точкой отсчета нового этапа двусторонних отношений стал визит Эрдогана в Израиль в мае 2005 года. В результате Эрдоган начал вести переговоры о продолжении военного сотрудничества. Был подтвержден контракт на продажу Турции израильских беспилотных самолетов-разведчиков дальнего радиуса действия «Харон» на общую сумму 200 млн. долларов.

Правительство ПСР стремилось наладить более тесные связи с палестинским руководством. В феврале 2006 года Турцию посетила делегация ХАМАС во главе с Х.Машаалом. Эрдоган надеялся, что визит позволит Анкаре сыграть важную роль в процессе ближневосточного урегулирования. Данный визит вызвал недовольство в США и Израиле, да и большинство турецких СМИ также отреагировали негативно. На данном этапе пришлось констатировать, что попытка наладить контакты с ХАМАС не дала никаких результатов. В Анкаре Машаал не только не выразил стремления к диалогу с Израилем, но, напротив, заявил, что «прибыл не слушать, а давать советы»¹⁷.

Серьезным испытанием для турецко-израильских отношений явились события вокруг Ливана летом 2006 года, вызванные боевыми действиями израильской армии против «Хезболлы» и вторжением Израиля в южные районы Ливана. В Турции эти действия Израиля сразу же привели к вспышке антиизраильских настроений, которые поддержала значительная часть правящей элиты страны.

Вместе с тем, несмотря на имевшиеся трения, турецко-израильское сотрудничество в политической, военной, торгово-экономической сферах неуклонно развивалось и приносило Турции ощутимые дивиденды. В середине ноября 2007 года Турцию одновременно

посетили Президент Израиля Шимон Перес и глава Палестинской автономии Махмуд Аббас, которые впервые обратились к миру с трибуны турецкого парламента. На встрече в Анкаре Перес, Аббас и Президент Турции Гюль обсудили дальнейшие шаги по ближневосточному урегулированию накануне международной конференции в американском Аннаполисе по этой проблеме¹⁸.

На встрече Гюля с Пересом обсуждался вопрос об Иране. Гюль попытался смягчить позицию израильского президента в отношении этой страны, отметив, что слова Ахмадинежада: «Хочу стереть Израиль с карты», - всего лишь риторика. Однако в этом вопросе Перес остался непреклонен, подчеркнув, что «Иран не собирается использовать ядерную энергию в мирных целях и поддерживает терроризм»¹⁹.

Тем не менее отношения между Израилем и Турцией оставались сложными. Турция начала дистанцироваться от Израиля. В 2009 году были отменены совместные военные учения с Израилем. Исламистские лидеры во главе с Эрдоганом на Давосской конференции 2009 года осудили вторжение Израиля в сектор Газа, квалифицировав это как «преступление против человечества»²⁰. Политика Эрдогана шла вразрез с новой дипломатией Турции - ее роли арбитра ближневосточных конфликтов и поиска ею компромиссов для их разрешения.

В связи с этим следует отметить, что Турция в отношении своей региональной политики придерживалась цели - никаких проблем между соседями. Ее лидеры понимали, что перспективы страны зависели от региональной стабильности, и активно стремились решить споры на Ближнем Востоке. Размеры территории, развитая экономика, приверженность демократическим ценностям давали Турции возможность стать посредником в переговорах между конфликтующими сторонами.

Для большей части мусульманского мира современная история Турции - это «предательство». Реформы Ататюрка сделали Турцию светским государством. В то же время многими она воспринималась как «лакей» Вашингтона, который находится в объятиях американской политики. И все же играя роль регионального миротворца, она следовала кардинальному правилу США: сформировать свою внешнюю политику в соответствии со своими национальными интересами, а не эмоциями²¹.

Враждебность между Израилем и Турцией стала особенно явной в январе 2009 года, во время войны между Израилем и ХАМАС.

Эрдоган жестко осудил израильскую политику как «бесчеловечные действия, которые могут привести их к самоуничтожению», и даже сослался на Бога («Аллах... накажет тех, кто обижает невинных»)²².

Израильское информационное агентство на это заявление ответило, что весь этот турецкий гнев побуждает задать вопрос: действует ли на самом деле Израиль в Газе хуже, чем Турция на Кипре? По отчетам Межнациональной группы по правам меньшинств (Minority Rights Group International), «при вторжении на Кипр в июле-августе 1974 года Турция использовала напалм и сеяла террор среди крестьян-киприотов греческого происхождения. В отличие от этого израильтяне в «ожесточенном бою» в секторе Газа применяли лишь обычное вооружение.

Последующая турецкая оккупация 37% территории острова превратилась в «принудительную этническую чистку». И, наоборот, в секторе Газа в 2005 году были ликвидированы израильские поселения. В северной части Кипра турецкое правительство проводило «систематическую политику колонизации». Население турков-киприотов в 1973 году составляло около 120 тысяч, но затем более 160 тыс. граждан Турции переселились на эти земли. В секторе же Газа не осталось ни одного израильского населенного пункта.

Анкара управляет оккупированной зоной настолько жестко, что, по словам турецкого политика Бюлента Акаркали, «Турция властвует на Северном Кипре, как в своей собственной провинции». Сектор Газа контролируется ХАМАС. Турки создали видимость автономной структуры, назвав ее «Турецкая Республика Северного Кипра». Жители Газы пользуются реальной автономией. Стена, проходящая через остров, не пускает мирных греков в северную часть Кипра. Израильская стена охраняет мирное население от палестинских террористов»²³. Эрдоган же утверждал, что турецкие войска не оккупировали северную часть Кипра, а находятся там потому, что «Турция играет роль гаранта власти».

Израильтяне считали, что Турция «вместо вмешательства в сектор Газа должна прекратить незаконную и деструктивную оккупацию, на протяжении десятилетий трагически разделяющую Кипр»²⁴. Газета «Маарив» процитировала высокопоставленного чиновника, заявившего, что «как в Израиле, так и в ведущих странах Запада вызывает озабоченность то, что премьер-министр Эрдоган тихо и решительно ведет Турцию по пути исламизации»²⁵.

В отношениях между Турцией и Израилем разразился кризис. Анкара отложила проведение очередных военных учений «Ана-

толийский орел», в которых с 12 по 23 октября 2009 года должны были принимать участие Турция, США, Италия и Израиль. Причиной этого стал отказ США участвовать в учениях после того, как Анкара потребовала исключить из списка представителей Израиля якобы потому, что израильские самолеты были задействованы в бомбардировках палестинцев в Газе.

Реакция руководства Израиля не заставила себя долго ждать. Вице-премьер С.Шалом призвал правительство Турции проявлять благоразумие и выразил надежду на сохранение турецко-израильских связей, отвечающих интересам обеих сторон. Турецкая же пресса прокомментировала это как скрытую угрозу. В газетах появились сообщения: «Заявление израильского министра напоминает угрозу» и «Вице-премьер Израиля призвал Турцию образумиться!»²⁶.

Эрдоган заявил, что Совет Безопасности ООН, на котором лежит ответственность за установление мира на Ближнем Востоке, утратил свою эффективность и не в состоянии обеспечить выполнение своих решений. Конфликтную атмосферу в отношениях между двумя странами усугубил тот факт, что в 2009 году прошли совместные военные маневры Турции и Сирии. Израильская газета «Едиот ахронот», написала, что «терпению Иерусалима приходит конец», а израильский политолог Рон Бен-Ишай заявил, что Турцию больше нельзя считать надежным стратегическим союзником²⁷.

Несмотря на возмущение, вызванное демаршем Анкары, израильское руководство все же не желало дальнейшего обострения отношений с Турцией. Министр обороны Израиля Э.Барак публично предостерег израильское руководство от чрезмерной критики Анкары, отметив, что, несмотря на трения в турецко-израильских отношениях, «Турция продолжает оставаться ключевой фигурой в регионе». По-мнению Э.Барака, сохранение стратегических отношений важно для обеих стран²⁸.

И в Анкаре, и в Иерусалиме в настоящее время у власти находятся правительства, которые стремятся избавиться от кемалистской и бен-гурионовской государственной модели. Идеологической основой двух правительств является религия и религиозная традиция. Партия Эрдогана предпринимает усилия с целью ослабления армии и судебной системы, являющимися оплотом кемализма. В Израиле это делается немного по-другому: растет число религиозных офицеров среди высшего командного состава; исполнительная власть пренебрегает постановлениями Высшего суда справедливости.

Когда Эрдоган стремится к панисламизму, а Нетаньяху развивает израильскую еврейскую идентичность, с неприязнью относящуюся к этническим меньшинствам, - столкновение между Турцией и Израилем является неизбежным. История с перехватом флотилии в 2010 году стала катализатором, ускорившим этот процесс.

Несмотря на запрет со стороны Израиля, 31 мая 2010 года во время очередной попытки турок прорвать морскую блокаду сектора Газа израильские военные высадились на борт одного из судов «Флотилии свободы». Помимо гуманитарного груза для жителей заблокированного региона, на судах находились более 600 активистов из европейских и арабских стран. Израиль отказался пропустить суда и предложил им разгрузиться в израильском порту. После того как «Флотилия» отказалась выполнить требования властей, на суда высадились израильский спецназ. На борту входившего в состав «Флотилии» турецкого теплохода «Мави Мармара» произошли вооруженные столкновения между израильскими военными и активистами. В результате были убиты девять человек и более 30 получили ранения.

Турция в связи с инцидентом отозвала своего посла из Израиля и отменила совместные военные учения. С осуждением произошедшего выступило большинство стран мира, включая Россию²⁹. Так, с призывом к Израилю снять блокаду с сектора Газа выступил посол Великобритании в ООН, указавший, что действия израильского правительства нарушают резолюцию 1860 СБ ООН. Прекратить блокаду сектора Газа кроме Великобритании призвали и другие страны, обладающие правом вето в Совбезе, - Россия, Франция и Китай³⁰.

Совбез ООН по итогам экстренного заседания, посвященного нападению на «Флотилию свободы», принял резолюцию, осуждающую действия Израиля и призывающую как можно быстрее провести расследование происшествия³¹. Соединенные Штаты, воздержались от прямого требования снять блокаду с сектора Газа. При этом в заявлении представителя США в СБ ООН отмечалось, что Израиль мог бы смягчить условия блокады палестинской территории. Глава непризнанного правительства ХАМАС в секторе Газа Исмаил Хания призвал Генсека ООН Пан Ги Муна вступить за «Флотилию свободы» и обеспечить кораблям свободный проход³².

ХАМАС призвало мусульман пикетировать израильские посольства по всему миру³³. Турецкий МИД заявил, что «бесчеловечная» акция израильтян являлась «вопиющим нарушением основ между-

народного права» и могла иметь «непоправимые последствия» для отношений двух стран.

Толпа закидала камнями израильское консульство в Стамбуле в знак протеста против нападения ВМС Израиля на турецкое судно в составе международной «Флотилии свободы». Лига арабских государств (ЛАГ) созвала экстренное совещание. Министры иностранных дел Франции и Великобритании считали необходимым провести международное расследование инцидента. Израиль, в свою очередь, настаивал на том, что самостоятельно проведет расследование. Турция закрыла свое воздушное пространство для Израиля. И вскоре было объявлено о намерении сократить военное, торговое и энергетическое сотрудничество с Израилем.

Министр инфраструктуры Израиля Бен-Элиэзер провел в Брюсселе тайную встречу с турецким министром иностранных дел А. Давутоглу, ставшую первым контактом двух государств на правительственном уровне после инцидента с «Флотилией свободы». Встреча вызвала негативную реакцию со стороны израильского министра иностранных дел А. Либермана. Он заявил, что не был информирован о планировавшихся переговорах, и подчеркнул, что поступок Бен-Элиэзера подрывает доверие к нему³⁴.

4 июля 2010 года А. Давутоглу заметил, что у Израиля есть только три варианта выхода из сложившейся ситуации: принести извинения, признать результаты международного независимого расследования или же отказаться от всех дипломатических связей с Турцией. Госсекретарь США Хиллари Клинтон обратилась к Б. Нетаньяху с прямой просьбой извиниться за нападение на флотилию. Однако тот отклонил просьбу, аргументировав тем, что ожидает публикации доклада Генерального секретаря ООН о захвате флотилии.

17 августа 2011 года израильская газета «Едиот ахронот» писала, что израильские дипломаты получили сообщение Госдепартамента, в котором говорилось, что охлаждение в турецко-израильских отношениях наносит вред американским интересам в регионе, так как и США, и Турция выступали за скорейшее прекращение столкновений в Сирии и уход Президента Башара Асада из власти.

Комиссия при ООН пришла к выводу, что израильтяне, высадившиеся на судно «Мави Мармара», были вынуждены применить силу в целях самозащиты, так как они встретили «организованное и вооруженное сопротивление со стороны группы пассажиров». При этом насильственные действия со стороны Израиля все же названы

«чрезмерными и необоснованными», а дальнейшее обращение военных с пассажирами - оскорбительным³⁵.

Турецкие чиновники намеревались усилить патрули в Восточном Средиземноморье и перейти к более агрессивной стратегии в регионе. К тому же геологи нашли значительные объемы углеводородного сырья под шельфом Восточного Средиземноморья. За обладание природными богатствами региона развернулась дипломатическая борьба между Израилем, Ливаном, непризнанным Северным Кипром и международно признанной Республикой Кипр, а также Турцией. Стороны конфликта использовали различные методы, чтобы доказать, что имеют право участвовать в разработке богатых залежей нефти и газа³⁶.

А. Давутоглу, выступая в парламенте, заявил, что в 2011 году его страна «поставила на колени Израиль». Решительные действия турецкого правительства, подчеркнул он, обеспечили региональную и международную изоляцию еврейского государства. Так он ответил на обвинения со стороны оппозиции, которая выражала недовольство «прозападной» политикой страны.

Вместе с тем Министерство обороны Израиля опровергло распространённую ранее информацию о полном разрыве военных отношений с Турцией. Как пояснил военный атташе Израиля в Анкаре Гилад, в Министерстве обороны уверены, что вне зависимости от решения Турции выслать израильского посла военное сотрудничество с Иерусалимом Анкаре по-прежнему необходимо³⁷, а Э. Барак подтвердил, что Турция не является врагом его страны.

После публикации доклада ООН о событиях в мае 2010 года правительство Турции одобрило план «Барбаросса». В рамках стратегии, названной в честь средневекового адмирала Хайреддина Барбароссы, турецкий флот должен был отвести часть сил из Черного и Мраморного морей и направить их в регион Восточного Средиземноморья. В частности, Анкара сконцентрировала значительные силы у берегов Кипра и Израиля. Там дополнительно предполагалось развернуть группировку из двух фрегатов, двух корветов, нескольких сторожевых кораблей и ракетных катеров, а также судов обеспечения.

Ухудшение отношений Израиля и Турции происходило на фоне жесткой риторики турецких властей по палестинской проблеме. Выступая в штаб-квартире ЛАГ в Каире, премьер Турции Эрдоган подчеркнул, что признание Палестины «является единственно верным решением, делом чести и достоинства, это проблема всего человечества. Настало время поднять палестинский флаг в ООН, и пусть он

станет символом мира и справедливости на Ближнем Востоке». Он предостерег ООН и другие международные структуры от продолжения поддержки Израиля. «Если они и дальше будут делать это, то станут участниками творимых им преступлений, за которые придется платить, - заметил он. - Турция продолжит усилия на всех фронтах, с тем чтобы привлечь Израиль к ответственности».

Таким образом, Турция бросила Израилю вызов. Именно так можно расценивать расхождение во взглядах этих двух стран в палестинском вопросе и предупреждение, сделанное Эрдоганом израильтянам: Турция намерена прислать помощь сектору Газа, воспользовавшись защитой военно-воздушных сил. По сути, это не что иное, как втягивание в палестино-израильский конфликт третьей стороны и попытка силовыми методами, давя на Израиль, за несколько ходов решить палестинскую проблему. Прямое вмешательство Турции, бывшего союзника в Ближневосточном регионе, должно было бы принудить тех, кто принимает непосредственные решения в Израиле, задуматься: выдержат ли израильтяне «войну противостояния» на нескольких фронтах³⁸.

Эффект домино от падения диктаторских режимов в арабских странах коренным образом изменил ситуацию в регионе. «Арабская весна» 2011 года вряд ли могла принести демократию, но она спровоцировала волну исламского пробуждения, серьезные угрозы интересам Израиля в арабских и мусульманских странах. Своими острыми заявлениями Эрдоган явно озвучивал турецкую заявку на региональное лидерство, пытаясь в этом конкурировать с Ираном.

В эти годы встал вопрос: на кого США «поставят» в случае открытого военного противостояния между Турцией и Израилем? Бесспорно, стратегическое географическое положение Турции и ее членство в НАТО для американцев отойдут на второй план, когда речь будет идти о самом существовании Государства Израиль. Так что создание такой дилеммы не в интересах турецкой нации. Готовность исламистского руководства Турции поставить под удар свое членство в НАТО свидетельствовала о том, что, возможно, оно решило для себя: без членства в Евросоюзе НАТО не имело такой стратегической и геополитической ценности для Турции, какое имело раньше.

Похоже, турецкие стратеги решили «разменять» свое членство в НАТО на доминирование в Ближневосточном регионе. И не потому ли Эрдоган педалировал конфликт с Израилем, что хотел создать новое подобие «НАТО» на Ближнем Востоке, куда входили бы все

арабские страны и где Турция играла бы лидирующую роль³⁹. Входя в противостояние с Израилем, Турция хотела показать арабскому миру, что она сильный игрок и готова переписать карту влияний в регионе. Очевидно, что влияние Турции на Ближнем Востоке усилится с ростом ее экономической мощи. В этом смысле угрозы Эрдогана вполне мотивированы. Хотя он упускал из виду, что далеко не все арабы готовы были забыть о четырех веках унижения, которое они испытали в период, когда арабские территории входили в состав Османской империи.

Еще одним возможным объяснением политического демарша Эрдогана могло быть его давление через Израиль на Европейский союз, чтобы поставить его перед выбором: либо Турция остается светским государством и входит в ЕС, либо ищет для себя новые пути. В таком случае палестинский вопрос и сближение с арабскими народами могли стать катализатором, который (как надеялись в Анкаре) ускорит положительное рассмотрение ее европейской судьбы. В случае отказа Турция вполне готова была инициировать новую политическую игру - Израиль против исламской цивилизации - и возглавить этот процесс⁴⁰.

Следует обратить внимание на то, что Турция претендовала не только на роль регионального ближневосточного лидера (оттесняя на вторые роли Иран), но и ведущей страны в мусульманском мире. Поэтому бездеятельность или компромисс с Израилем со стороны Анкары были бы ударом по ее авторитету. С другой стороны, такой турецкий демарш призван был показать израильтянам, что вряд ли стоит вытягивать козыри курдского вопроса или напоминать о признании геноцида турками армян. При этом Турция, настраивая арабские страны (особенно Египет) против Израиля, вероятно, надеялась восстановить отношения с израильтянами уже на других условиях, показывая Израилю, что его вмешательство во внутренние дела Турции нежелательно.

В рассматриваемые годы Турция начала проводить все более и более самостоятельную внешнюю политику, стремясь избавиться от статуса «младшего партнера» США. Процессы, которые происходят в Турции, - это прежде всего стремление к созданию региональной империи и желание вести мусульманские массы и объединить их под одной крышей.

Вместе с тем следует отметить, что антисемитизм имеет в Турции глубокие исторические корни. Так, левая турецкая интеллиген-

ция склонна рассматривать Израиль как инструмент американского империализма на Ближнем Востоке. Палестино-израильский конфликт интерпретировался как конфликт между двумя силами - с одной стороны, палестинцами, «угнетаемыми империализмом», с другой - израильтянами, поддерживаемыми США.

В июне 2010 года, во время одной из антиизраильских демонстраций, протестующие использовали нацистские символы и лозунги, которые прославляли Гитлера⁴¹. Перед израильской операцией в секторе Газа в 2008-2009 годах антисемитские высказывания появились в СМИ и книгах. Исследователи Тель-Авивского университета отмечали, что у многих молодых и образованных турок под влиянием этой пропаганды формировалось отрицательное отношение к евреям и Израилю, хотя они никогда не сталкивались с ними⁴².

Некоторые источники утверждали, что конфликт после инцидента с флотилией в секторе Газа 31 мая 2010 года был сознательно спровоцирован турецкими политическими деятелями с целью ухудшить отношения с Израилем ради внутренних и внешних стратегических выгод. Во время визита в Иран Эрдоган заявил, что военный переворот, который сверг Президента М.Мурси в июле 2013 года, был фактически «работой» Израиля. Некоторые аналитики считали, что люди, вышедшие на демонстрацию, чтобы свергнуть М.Мурси, и посадившие его под домашний арест, якобы были проплачены сионистами.

Летом 2014 года вновь обострилась ситуация на Ближнем Востоке. Израильские города подверглись интенсивному обстрелу со стороны ХАМАС. Израиль ответил антитеррористической операцией. Боевые действия в секторе Газа начались 8 июля, когда израильская армия приступила к наземной фазе силовой операции «Нерушимая скала», которая до этого предполагала лишь удары с воздуха.

Президент Турции Гюль 18 июля 2014 года потребовал от Израиля немедленно прекратить антитеррористическую операцию в Газе. Перед встречей с председателем Палестинской автономии Абу-Мазеном Гюль заявил, что «Израиль будет нести ответственность за последствия своей агрессии». Он настаивал, чтобы Совет Безопасности ООН осудил действия Израиля.

Власти Израиля приняли решение вести дипломатическую кампанию против Турции и Катара и рассказать всему миру о двусторонней политике Турции. Возмущение Израиля вызвало в первую очередь то, что Турция, с одной стороны, поддерживает тесные от-

ношения с США и является членом НАТО, а с другой - оказывает открытую поддержку ХАМАС, признанной во многих странах террористической организацией.

Выступая на традиционной международной конференции в Герцлия, министр обороны Израиля М.Яалон подверг резкой критике политику Турции, обвинив ее в поддержке ХАМАС и международного террора в целом⁴³. Он также высказал мнение о том, что террористическая организация «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) смогла укрепиться в Сирии потому, что мировое сообщество в течение многих лет проявляло терпимость по отношению к ХАМАС, идеология и методы которой не сильно отличаются от ИГИЛ. Таким образом, продолжил Яалон, создаваемая против «Исламского государства» международная коалиция должна быть одновременно задействована и против ХАМАС и других подобных организаций, а также против их спонсоров, в числе которых министр назвал Иран, Турцию и Катар. По мнению Яалона, значительная часть руководства ХАМАС в настоящее время находится в Турции. Выступление М.Яалона было согласовано с Б.Нетаньяху и призвано было стать «первым залпом» в дипломатической войне, которую Израиль начал против Турции.

Характерно, что в течение последних пяти лет Израиль воздерживался от критики и резких высказываний в адрес экс-премьер-министра, ныне Президента Турции Эрдогана и других турецких лидеров, несмотря на то, что на протяжении всего этого времени последние допускали резкие антисемитские и антиизраильские высказывания, поощряя соответствующие настроения как внутри Турции, так и за ее пределами. Сдержанность объяснялась надеждой на нормализацию израильско-турецких отношений, хотя министр иностранных дел Израиля А.Либерман был категорически против этой линии⁴⁴. Израильским дипломатам за рубежом даны были четкие указания, согласно которым они непрестанно позиционировали политику Турции, Ирана и Катара как связанную с ХАМАС и международным террором в целом. Новая политика Израиля по отношению к Турции неминуемо могла осложнить отношения этой страны с США и Западом в целом.

Ухудшение отношений между двумя государствами было вызвано отнюдь не только вышеуказанными факторами. До недавнего времени между Тель-Авивом и Анкарой существовало тесное военно-стратегическое партнерство. Израиль воспринимал Турцию в качестве ведомого партнера, на которого он воздействовал в союзе

с США. Однако по мере укрепления своего экономического и политического влияния на Ближнем Востоке Турция стала дистанцироваться от Израиля с целью заручиться поддержкой со стороны исламского мира, широко использовала при этом в качестве геополитического инструментария наследие Османской империи. Помимо этого, Турция стала активно бороться за то, чтобы США рассматривали ее, а не Израиль, в качестве своего главного партнера на Ближнем Востоке, способного в отличие от Израиля более эффективно решать всевозможные геополитические проекты США на самых различных направлениях.

Тем не менее после ухудшения российско-турецких отношений в связи со сбитым Турцией (в 2015 г.) над Сирией российским самолетом Су-24, Турция готова была нормализовать свои связи с Израилем. Президент Турции Эрдоган заявил, что это произойдет только в том случае, если Израиль согласится выполнить три условия, ранее уже озвученные официальной Анкарой: «Израиль должен извиниться за захват флотилии у берегов Газы в мае 2010 года, выплатить компенсации родственникам погибших в результате штурма и снять блокаду сектора Газы»⁴⁵.

В Израиле это заявление Эрдогана не осталось без внимания. По словам главы Министерства иностранных дел Дори Голда, потепление отношений между странами будет выгодно всему Ближневосточному региону. «Хорошие отношения с Турцией всегда были одной из приоритетных целей нашей внешней политики, и в последнее время мы делаем все возможное, чтобы эти отношения улучшить», - отмечал израильский дипломат⁴⁶.

Нынешний призыв турецких властей является вынужденной мерой. На фоне кризиса в отношениях с Москвой Анкара в спешном порядке ищет замену российским энергоносителям, и израильский газ может стать одной из альтернатив. Выступая на заседании Экономической комиссии Кнессета, которая рассматривала утверждение соглашения с иностранными компаниями по добыче и транспортировке израильского газа, Б.Нетаньяху отмечал, что газ может стать катализатором улучшения отношений с Турцией и что газовая сделка серьезным образом укрепит позиции Израиля в регионе⁴⁷.

С другой стороны, по мнению бывшего министра иностранных дел Израиля Авигодора Либермана, Израиль обязан потребовать от Турции выполнения как минимум трех условий. Первое - немедленно закрыть командный пункт группировки ХАМАС, который дейст-

вует на территории Турции при полном покровительстве турецких властей и спецслужб. По мнению израильтян, из этого штаба приходят прямые указания активистам ХАМАС, проживающим на территории Западного берега. Второе - Турция должна принять закон, который запретит подавать иски от имени турецких граждан в международные суды против израильских солдат, принимавших участие в захвате флотилии. Третье - турецкие власти должны прекратить массовую антиизраильскую пропаганду⁴⁸.

«И даже после этого нужно учесть, что нормализация отношений с Анкарой нанесет серьезный ущерб нашим отношениям с Кипром, Грецией и, конечно же, с Россией», - говорил Либерман⁴⁹. Причина того, что Израиль и Турция вдруг оперативно решили восстановить дипломатические и торговые отношения, заключается также в сирийской войне и вмешательстве России в этот конфликт. Интересы Турции и Израиля в этой войне отчасти совпадают. Израиль считает своими главными врагами «Хезболлу» (ливанскую шиитскую военизированную организацию), с которой он воевал несколько десятилетий, режим Асада, который ее поддерживает, союзный обоим Иран, то есть ось «Хезболла» - Дамаск - Тегеран. Поэтому Израиль систематически бомбит базы Асада и «Хезболлы» и в то же время лечит раненых сирийских повстанцев на своей территории⁵⁰.

Турция заявила также, что намерена вновь воспользоваться израильскими военными технологиями для перевооружения своей армии. Анкара собиралась приобрести у Израиля продвинутые системы наблюдения и разведки, новейшие беспилотные аппараты и т. д. Турция остро нуждается в воздушной разведывательной технике в своей борьбе с курдским национальным движением как на юго-востоке страны, так и в районах сирийского и иракского Курдистана.

Следует отметить, что в 1990-х годах из-за информации о нарушениях прав человека в ходе подавления курдского национально-освободительного движения западные страны наложили эмбарго на поставку некоторых вооружений в Турцию и сотрудничество с Израилем стало единственным шансом для модернизации турецкой армии. Однако все карты спутал имперский курс Эрдогана и его патологическая ненависть к Израилю⁵¹.

Вместе с тем, рассорившись со странами региона (за исключением палестинцев) и с Россией, турецкое руководство - еще вчера неприимый враг Израиля и благосклонный покровитель ХАМАС - формирует переговоры о нормализации отношений с Израилем.

Однако все это не свидетельствует о восстановлении стратегического союза, существовавшего между Израилем и Турцией десять лет назад. Путь к окончательному урегулированию разногласий двух стран - все еще очень длинный и трудный и во многом зависит от доброй воли и политической решимости.

¹A New Axis: The Emerging Turkish-Israeli Entente by Daniel Pipes National Interest Winter? 1997/98 // <http://www.danielpipes.org/293/a-new-axis-the-emerging-turkish-israeli-entente>

²<http://www.inosmi.ru/asia/20100610/160501652.html>

³A New Axis...

⁴Киреев Н.Г. К вопросу о возникновении Партии справедливости и развития // Исламский фактор в истории и современности. М., 2011. С. 252.

⁵Там же.

⁶Цви Мазель. Израиль между Турцией и Египтом (15.09.2011)(на иврите) // www.jepa.org.il/Templates/shoupage.asp?FID=8058&DBID=18&LANGID=28&TMID=99&IID=26023

⁷A New Axis...

⁸Ibid.

⁹Ibid.

¹⁰Ibid.

¹¹Ibid.

¹²Ibid.

¹³Turkey at Islam Conference Makes a Point of Israeli: Ties // <http://www.nytimes.com/1997/12/12/world/turkey-at-islam-conference-makes-a-point...>

¹⁴Киреев Н.Г. Указ. соч.

¹⁵Иванова И.И. Отношения Турции с мусульманскими государствами Ближнего и Среднего Востока // Исламский фактор в истории и современности. М., 2011. С. 119.

¹⁶Там же.

¹⁷Там же. С. 120.

¹⁸Там же. С. 121.

¹⁹Там же. С. 121-122.

²⁰Kinzer Stephen. Turkey leads the Muslim World // <http://www.the-guardian.com/commentisfice/2009/oct/27/Turkey-muslim-world-leader...>

²¹Ibid.

²²<http://israblogger.co.il/blog/bliznevostchnyj-konflikt/542.html>

²³Там же.

²⁴Там же.

²⁵*Свистунова И.А.* Об отношениях Турции с Израилем / Институт Ближнего Востока // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/25-10-09.htm#top>

²⁶Там же.

²⁷Там же.

²⁸Там же.

²⁹<http://lenta.ru/news/2010/06/01/council>

³⁰<http://lenta.ru/news/2010/06/01/>

³¹<http://lenta.ru/news/2010/06/07/propose>

³²Там же.

³³Там же.

³⁴<http://lenta.ru/news/2010/07/01/meeting/>

³⁵<http://lenta.ru/news/2011/09/02/freedom/>

³⁶<http://lenta.ru/news/2011/09/30/perexvat/>

³⁷<http://lenta.ru/news/2011/09/06/nobreakup/>

³⁸http://zn.ua/POLITICS/turtsiya_izrail_o_strategicheskogo_partnerstva_k_protivosto...

³⁹Ibid.

⁴⁰Ibid.

⁴¹Antisemitism in Turkey // http://en.wikipedia.org/wiki/Antisemitism_in_Turkey

⁴²Ibid.

⁴³http://kavpolit.com/articles/izrail_objavil_turtsii_holodnuju_vojnu-9275/

⁴⁴Там же.

⁴⁵http://www.bbc.com/russian/international/2015/12/151215_turkey_israel_relations

⁴⁶Ibid.

⁴⁷Ibid.

⁴⁸Ibid.

⁴⁹Ibid.

⁵⁰<http://www.rosbalt.ru/main/2015/12/18/1473231.html>

⁵¹<http://news.israelinfo.co.il/world159804>

Ключевые слова: Израиль, Турция, исламский фактор, США.

СОВЕТ ЖУРНАЛА:**С.В.ЛАВРОВ, министр иностранных дел России****А.А.АВДЕЕВ,***Чрезвычайный
и Полномочный Посол
России в Ватикане***А.И.ДЕНИСОВ,***Чрезвычайный
и Полномочный Посол
России в КНР, кандидат
экономических наук***А.С.ДЗАСОХОВ,***доктор политических наук***И.С.ИВАНОВ,***президент РСМД,
член-корреспондент
РАН, доктор
исторических наук***К.И.КОСАЧЕВ,***председатель Комитета
Совета Федерации
по международным делам,
кандидат юридических наук***В.П.ЛУКИН,***Чрезвычайный
и Полномочный Посол,
доктор исторических
наук, профессор***М.В.МАРГЕЛОВ,***вице-президент
ОАО «АК Транснефть»***С.Ю.ВЯЗАЛОВ,***генеральный директор
МИД России***А.Ю.МЕШКОВ,***зам. министра
иностраннных дел России***А.Н.ПАНОВ,***доктор политических
наук***Г.Г.ПЕТРОВ,***вице-президент
ТПП России***А.К.ПУШКОВ,***председатель
Комитета ГД
по международным
делам, кандидат
исторических наук***С.А.РЯБКОВ,***зам. министра
иностраннных дел России***М.В.СЕСЛАВИНСКИЙ,***руководитель Федерального
агентства по печати
и массовым коммуникациям***В.Г.ТИТОВ,***первый зам. министра
иностраннных дел России***А.В.ТОРКУНОВ,***ректор МГИМО (У),
академик РАН, доктор
политических наук***А.Л.ФЕДОТОВ,***Чрезвычайный
и Полномочный Посол
России в Словакии,
кандидат юридических
наук***В.А.ЧИЖОВ,***постоянный
представитель России
при ЕС***В.И.ЧУРКИН,***постоянный
представитель России
при ООН, кандидат
исторических наук***Ю.К.ШАФРАНИК,***председатель Правления
МГНК «СоюзНефтеГаз»,
президент Фонда
«Мировая политика и
ресурсы»***А.В.ЯКОВЕНКО,***Чрезвычайный
и Полномочный Посол
России в Великобритании,
доктор юридических
наук, профессор***Главный редактор А.Г.ОГАНЕСЯН**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:**Главный редактор А.Г.ОГАНЕСЯН**

Е.В.Ананьева,
кандидат
философских наук

Е.М.Антонова,
заведующая отделом
по подготовке тематических материалов

А.И.Давыденко,
первый заместитель
главного редактора

В.К.Злобина,
заведующая отделом
интернета и мультимедиапроектов

Ю.А.Минаев
заместитель главного редактора

Г.И.Поволоцкий,
шеф-редактор

Б.Д.Пядышев,
Чрезвычайный и Полномочный Посол, доктор исторических наук

Е.Б.Пядышева,
ответственный секретарь, кандидат исторических наук

А.В.Рассадин,
политический обозреватель

Е.Ю.Студнева,
обозреватель

С.В.Филатов,
обозреватель

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР:
А.Д.Дубина

РЕДАКТОРЫ:
О.Н.Ивлиева
Н.В.Карпычева
Л.А.Подчашинская

РЕДАКТОР ПО ВЫПУСКУ:
И.Н.Знатнова

ТЕХНИЧЕСКИЕ РЕДАКТОРЫ:
В.А.Позднякова
М.С.Тюрина

ОРГРАБОТЫ:
О.Н.Иванова

Ежемесячный научно-политический журнал «Международная жизнь».

Материалы, публикуемые в журнале «Международная жизнь», не обязательно отражают точку зрения редакции.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования и в список журналов, рецензируемых ВАК.

Учредитель МИД РФ и ФГБУ Редакция журнала «Международная жизнь».
Адрес: 105064, Москва, Гороховский переулок, 14.

Тел.: 8 (499) 265-37-81; факс: 8 (499) 265-37-71; E-mail: journal@interaffairs.ru

Издатель ФГБУ Редакция журнала «Международная жизнь».

Адрес: 105064, Москва, Гороховский переулок, 14.

Тел.: 8 (499) 265-37-81; факс: 8 (499) 265-37-71; E-mail: journal@interaffairs.ru

Адрес английского издания нашего журнала, выпускаемого в Миннеаполисе, США, фирмой East View Information Services: 10601 Wayzata Blvd, Minneapolis MN, 55305-1526 USA. Phone: 1-952-252-1201 (N.America); fax: 1-952-252-1202; toll-free: 1-800-477-1005; E-mail: periodicals@eastview.com

Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ №ФС 77-42508 от 01.11.2010 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Тираж 4600. Цена свободная.

Дата выхода в свет 15.04.2016. Формат 70x100 1/16. Офсетная печать.

Компьютерный набор, верстка и дизайн редакции. Заказ №5.

Отпечатано в типографии ООО «Верже.Ру»

Москва, 127055, ул. Суцеская, д. 21 (БЦ «Молодая Гвардия»), подъезд 2, этаж 3, офис 2

www.verge.ru, e-mail: info@verge.ru тел./факс: +7 (495) 727-00-08, 363-61-55

INTERNATIONAL AFFAIRS

*A Monthly Journal of Foreign Policy,
Diplomacy and National Security*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

С 2009 года журнал перешел на систему рецензирования. Статьи на рецензию представляются в электронном виде. Электронные версии статей следует направлять по электронной почте по адресу редакции: articles@interaffairs.ru с указанием фамилии, имени, отчества (полностью), должности, места работы, ученой степени и звания. Объем присылаемых в редакцию статей - не более 0,6 а.л. Редакция просит авторов прилагать к тексту статей краткую (8-10 строк) аннотацию на русском и английском языках, ключевые слова (не более 10), контактную информацию для переписки (адрес электронной почты). Примечания помещаются в постраничных сносках, источники помещаются в конце текста. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

РЕДАКЦИЯ РАССМАТРИВАЕТ ФАКТ НАПРАВЛЕНИЯ АВТОРСКИХ РУКОПИСЕЙ ПО АДРЕСУ: articles@interaffairs.ru КАК ПЕРЕДАЧУ ЕЙ АВТОРАМИ ПРАВ НА ИХ ПУБЛИКАЦИЮ.

*Правила оформления сносок и библиографии
в конце статьи:*

¹Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

²Putham H. Mind, language and reality. Cambridge: Cambridge univ. press, 1979. P. 12.

³Инвестиции останутся сырьевыми//PROGNOSIS.RU: ежедн.интернет-изд. 2006. 25 янв. URL: <http://www.prognosis.ru/print.html.id=6464> (дата обращения: 19.03.2007).

⁴Ефимова Т.Н., Кусакин А.В. Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл // Проблемы региональной экологии. 2007. №1. С. 80-86.

www.interaffairs.ru

SPUTNIKNEWS.COM

Новостные ленты Sputnik выходят на английском, арабском, испанском и китайском языках 24/7

Название ленты		Среднее количество сообщений в сутки
Sputnik News Service/ английский язык	ENG	150
Sputnik News Service: Russia/ английский язык	ENG	50
Sputnik News Service: Russia, Ukraine & the Baltics/ английский язык	ENG	70
Sputnik Novosti/ испанский язык	ESP	150
Sputnik Arabic News Service	ARB	300
Sputnik Chinese News Service	CHN	100

Новостное агентство и radio с мультимедийными информационными хабами в десятках стран

Эксклюзивные новостные материалы по международной повестке дня, полученные собственными корреспондентами агентства в России и за рубежом

Свяжитесь с нами для оформления подписки: sales@sputniknews.com

Реклама

SPUTNIK

Квартиры и офисы в аренду в различных районах Москвы

Реклама

Гостеприимство – наша профессия

95
ЛЕТ
ГЛАВУПДК
ПРИ МИД РОССИИ

arenda.updk.ru
495 770 3535

